

Виктор ГОЛЯВКИН

— БОЛЬШОЕ —
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
в одной книге

Виктор Голявкин

**Большое собрание
сочинений в одной книге**

«РОСМЭН»

2021

УДК 821.161.1Р-31/-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Голявкин В. В.

Большое собрание сочинений в одной книге / В. В. Голявкин —
«Росмэн», 2021

ISBN 978-5-353-09713-6

Петербургский писатель Виктор Голявкин известен в первую очередь своими рассказами для детей – забавными, добрыми, ироничными. Однако Голявкин писал прозу и для взрослых, сохраняя при этом свой своеобразный лаконичный слог и неповторимый тонкий юмор. В большое собрание сочинений включены рассказы и повести для детей, рассказы для взрослых, а также автобиографический роман «Арфа и бокс».

УДК 821.161.1Р-31/-32

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09713-6

© Голявкин В. В., 2021

© Росмэн, 2021

Содержание

Писатель для всех. Перечитывая Виктора Голявкина	9
Тетрадки под дождем	11
Все будет прекрасно!	12
Паровозик в небе	13
Так бы и сказал	14
Ну и что же?	15
Нехорошо получилось	16
Рассеянный	17
Поющая Катя	18
У Ники новые лыжи	19
В том-то и дело	20
После зимы будет лето	21
Ника на даче	22
Что Нике делать?	23
Всему свое место	24
Тетрадки под дождем	25
Я пуговицу себе сам пришил!	26
Яндреев	27
Как я под партой сидел	28
Передвижение комода	29
Болтуны	30
Как мы на самолете летали	31
Лукьян	32
И мы помогали	33
Язык	34
Как я помогал маме мыть пол	35
Привычка	36
Как я писал стихи	37
Новая рубашка	38
Неохота все время пешком ходить	39
Все куда-нибудь идут	40
Был не крайний случай	41
Моя работа	42
Никакой я горчицы не ел	43
Путешественник	46
В любом деле нужно уметь работать	48
Пара пустяков	50
«Козел-баран»	52
А сегодня ей опоздать нельзя	53
Второклассники и старшекласники	54
Пятнадцать третьих	55
«Крути снежные вертя...»	56
Дело не в том, что я мяч не поймал	57
Пароход и лошадь	58
Абсолютно верно	59
Так всегда бывает	60

Друзья	61
Как я встречал Новый год	62
Вязальщик	64
Я смотрю в окно	65
Тыква в сундуке	66
Птичка	67
Коньки купили не напрасно	68
В шкафу	69
Секрет	71
Больные	73
Мы играем в Антарктиду	74
Про металлолом	76
Как я всех обмануть хотел	77
Как тетя Фрося разрешила спор	78
Кому что удивительно	79
Подходящая вещь	80
Премия	81
Разговор по телефону	83
Огурцы	84
Две шапки	85
Беда	88
Трубачи	89
Совесь	90
Закутанный мальчик	93
Мяч и чиж	94
Как мы в трубу лазали	95
Спина, которая загорела	97
Не везет	98
Надоедливый Миша	99
Как я боялся	100
Елка и заяц в придачу	101
Я сейчас приду	106
Команда	107
Как-нибудь...	111
Если бы	113
Все смотрите на мой пенал	114
Когда?	115
На речке	116
Хочу лошадь	117
Карусель в голове	118
Не-а...	119
Вот что интересно!	121
Корреспондент Гера Крошечкин	123
Быстрее, быстрее!	125
Сплошные чудеса	127
Серебряные туфли	129
Удивительная профессия	132
Маленькие фантики	134
Еж	135

Обруч и лампочка	136
Два подарка	137
Забыл	138
Поиграли	139
Давно бы так!	140
Фонарики	141
Отдохни, Саня!	143
Судьба одной коллекции	144
Самый лучший лагерь	146
Живопись и самолеты	147
Не успел	148
Рисунок	149
Когда споткнется Дед Мороз	150
Пять елок	151
Он приехал ко мне из темноты	153
Настоящая дружба	155
Горка	156
Эх, Катя, Катя!	157
1. Как она сидела на камушке	157
2. Как она шла домой	157
3. Как она пришла домой	159
4. Как она обедала	159
5. Как она вела себя дальше	160
6. Как она решала задачу	160
7. Как она отвечала урок учительнице	161
8. Как она рассказывала про двойку родителям	162
9. Как она запутала саму себя	162
Весеннее настроение	164
Удивительное предложение	165
Неужели вы не понимаете, Катерина Митрофановна?	166
Рисунки на асфальте	168
Мой добрый папа	169
1. Я не хочу обедать	169
2. Соседи	171
3. На балконе	173
4. Мой папа идет дирижировать	173
5. Папа там, а мы здесь	175
6. Воскресенье	176
7. Мой папа пишет музыку	178
8. Олимпиада Васильевна и дядя Гоша	179
9. Старик Ливерпуль и папа	182
10. На дачу!	182
11. На даче	184
12. Мой папа и Алеша	185
13. Очень маленькая глава	186
14. Еще одна маленькая глава	187
15. Домой	187
16. До свидания, папа!	188
17. Папы нету	188

18. Я вижу папу	189
19. Обрато домой	191
20. В кино	193
21. Про отцов и про нас	194
22. Двойка	195
23. Два письма	196
24. До свидания, дядя Али	197
25. На крыше	197
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Виктор Голявкин
Большое собрание сочинений в одной книге

© В. В. Голявкин, наследники, 2021

© ООО «РОСМЭН», 2021

* * *

Писатель для всех. Перечитывая Виктора Голявкина

Писать о классике литературного минимализма Викторе Голявкине надо коротко. Нельзя забалтываться.

– Дай то-то.

– На, но помни, что я тебе дал.

– Дай теперь ты то-то.

– Не дам.

– А помнишь, я тебе дал то-то?

– А зачем ты дал, ты не давал бы.

В этом рассказе «Я тебе – ты мне» прекрасно представлена суть творчества Голявкина. Он исходит из того, что в мир, пребывающий в гармоническом равновесии, то и дело врывается нечто, внешне безобидное и даже, как здесь, с чертами гуманности, после чего, однако, равновесие нарушается, гармония превращается если не в хаос (а упорядоченное неотвратимо ведет к хаосу), то в конфликт.

В искусство Виктор Голявкин пришел художником. Окончил в Ленинграде Институт живописи, скульптуры и архитектуры по специальности «театрально-декорационная живопись». Получил распределение в театр города Орджоникидзе (так тогда назывался Владикавказ). Но не поехал, хотя, между прочим, театр там хороший. Безупречная логика авангардиста: он уже учился в художественном училище в Сталинабаде (ныне Душанбе), а теперь жил в Ленинграде. Так чего же метаться между вождиградами и комиссаровсками? Голявкин и остался, где был. Тем более что уже печатался в детских журналах, и даже первые книжки у него вышли в детских издательствах.

А в его взрослых книгах часто печатают рассказик «Флажки, кругом флажки»:

Флажки, кругом флажки, все небо в флажках. И флажками насыщен воздух. Сидит маленький мальчик среди флажков и ест флажок.

Все. Достаточно. Картина создана. Впервые рассказ напечатан в 1980 году, и те, кто постарше, помнят, какого цвета флажки реяли тогда над нашей страной. Одноцветно красные были флажки, флаги и транспаранты. «Очень люблю красный цвет», – однажды сказал Голявкин-художник. А Голявкин-писатель создал, можно сказать, свой литературный «Красный квадрат». Такой вот авангардизм на фоне тогдашнего социалистического реализма.

Работая в его условиях, Голявкин решил соцреализма попросту не замечать. А чтобы не замечали, что он его не замечает, брался за любые темы, особенно за те, которые входили в номенклатуру первостепенно соцреалистических. В детской литературе это, понятно, работа пионерской, а также октябрятской и комсомольской организаций, идеологическое и трудовое воспитание.

В первой же книжке Голявкина «Тетрадки под дождем» появляется рассказ «Второклассники и старшеклассники».

Второклассники были взволнованы. Они шумели. Вот один октябренок влез на стул и, обращаясь к старшим, сказал:

– Вы наши шефы. Мы все вас очень любим. И поэтому мы вам хотим помочь. Вы плохо натерли пол в коридоре. Он совсем не блестит. А он должен блестеть – это каждый знает. Разрешите, пожалуйста, нам это сделать. Натереть пол в коридоре, чтоб он блестел.

Старшеклассники были очень сконфужены. Они написали в стенгазету:

«Мы шестиклассники. Нам стыдно вчерашних позорных минут. Мы переживаем. Мы плохо натерли пол в коридоре. И мы благодарны второму „А“, который пришел нам на помощь. Но мы исправим свою ошибку. Мы в скором времени соберемся и все вместе, всем коллекти-

вом, натрем пол до блеска. Пусть второклассники не беспокоятся. Все будет сделано. Мы все сделаем сами».

Но октябрюта не стали ждать. Они натерли пол в тот же день. А на другой день прочли стенгазету. И написали свою заметку.

«Мы, второклассники, извиняемся. Мы без разрешения натерли пол. Не переживайте. Мы все сделали сами».

Тотальная регламентация порождает абсурд, в котором человек теряет разум.

При жизни Голявкин выпустил десятки книжек в детских издательствах и уже на этом основании стал числиться детским писателем. А поскольку, как художник, также сам свои книжки иллюстрировал, постольку и вовсе приобрел репутацию человека, который не только пишет, но дорисовывает неопишное. В итоге книги Голявкина раскупались не только детьми, но и их родителями. Просто взрослыми людьми. Читатели абсурдиан Виктора Голявкина разума не теряют, не отдают его на идеологический размен.

А свои книги для взрослых (видно сегодня) Виктор Владимирович писал так, словно предусматривал: они могут попасть в руки тем, кто читал его детские книги. Более того: он часто писал о взрослых для детей и о детях – для взрослых. А еще любил выпускать сборники, куда включал свою и детскую, и взрослую прозу. Получались книжки для семейного чтения. Спасибо ему за это. Настоящее собрание сочинений эту традицию продолжает. Ведь все, кто когда-нибудь начинал читать Голявкина, этого дела уже не бросал. Нельзя не полюбить писателя, который помогает тебе разобраться в тебе самом и в мире, где ты живешь.

Сергей Дмитренко

Тетрадки под дождем

Рассказы для детей

Все будет прекрасно!

Ника был вовсе не маленький мальчик. Он даже в школу ходил. Знал почти все буквы. Наверняка он не маленький был, а большой.

Но... Он не мог сам одеваться. Его одевали папа с мамой. Папа с мамой его оденут, и он идет в школу, так, словно он сам оделся. А раздеваться он почему-то мог. Это он умел делать вполне. У него получалось это.

Папа с мамой, бывало, ему говорят:

– Ведь ты сам разделся. Теперь сам попробуй одеться. Точно так же, как раздевался.

А он машет руками. Ногами стучит. Согласиться не хочет. И зря... Вот что вышло.

Был урок физкультуры. Наш Ника разделся со всеми. Побегал, попрыгал. Потом урок кончился, все оделись.

А Ника не знает, что делать. Он сам ведь не может одеться. Его должны мама с папой одеть. А их нету. Они дома. Как же они его оденут?

Держит Ника под мышкой штаны и рубашку.

И ждет чего-то. Но ждать-то нечего. Кого ждать?

Пришлось ему самому одеться.

Он надел туфли не на ту ногу. Задом наперед рубашку. А штаны так и не смог надеть.

Так и пошел домой в трусиках. Со штанами в руках.

Хорошо еще, была осень.

А если бы вдруг зима была?

Самому надо делать все с самого детства.

И все будет тогда прекрасно!

Паровозик в небе

Шел Ника в школу, остановился. Стал в небо смотреть, на облака. Даже рот раскрыл, до того засмотрелся. Плывут облака по небу. Вон одно облако, как петух. Вон другое – похоже на зайца. Третье – белый медведь бежит.

«Чудеса какие! – думает Ника. – Забавно как получается: по небу звери и птицы плывут!»

Спешат мимо ребята в школу. Только Ника пока не торопится.

Он слегка недоволен небом. Одни только звери плывут по нему. Вот если бы паровозик проплыл! Хорошо бы с вагончиками. Без вагончиков тоже неплохо. Но с вагончиками все же лучше.

Ждет Ника паровозик.

А его нет.

А Ника ждет.

А паровозик все не появляется.

Может, еще появится?

Так бы и сказал

Ника сломал у стула ножку. Но этого в классе никто не видел.

Ника приставил ножку к стулу, чтобы стул кое-как стоял. И поставил его на место.

Косится одним глазом: интересно все же, кто сядет на стул! Но никто, как назло, не садится.

На другой день Ника забыл про стул. Сам сел на него и свалился со стулом на пол.

– Кто стул сломал? – крикнул Ника.

– Так это же ты сломал! Ведь ты только что упал со стулом!

– Я вчера сломал, а не сегодня!

– Значит, ты два стула сломал!

– Я нечаянно!

– Так бы и сказал.

Ну и что же?

– Ты опять на мороз выбегаешь без шапки?

– Ну и что же? – говорит Ника.

– Ты опять болтал на уроках?

– Ну и что же? – говорит Ника.

– Ты опять твердишь «ну и что же»?

– Ну и что же? – говорит Ника.

Прямо сладу с ним нет!

Вот однажды Ника лег спать, и ему приснилось: идет он по дорожке. Навстречу ослик бежит.

– Кря-кря, – сказал ослик.

– Не «кря-кря», а «иа», – сказал Ника.

– Ну и что же? – сказал ослик.

Удивился Ника и дальше пошел.

Навстречу курица скачет.

– Ау! – сказала курица.

– Не «ау», а «куд-кудах», – сказал Ника.

– Ну и что же? – сказала курица.

Удивился Ника и дальше пошел.

Навстречу верблюд бежит.

– Мяу-мяу! – сказал верблюд.

– Не «мяу», а по-другому, – сказал Ника.

– Ну и что же? – сказал верблюд.

– Опять «ну и что же»?! – крикнул Ника.

И проснулся. Сел на кровати, думает: «Как хорошо, что это сон».

С тех пор он не говорит «ну и что же».

Нехорошо получилось

Перед уроком ребята построились в пары. Таня – дежурная – проверила у всех руки, уши: чистые ли?

А Ника за парту спрятался. И сидит, как будто его не видно. Таня кричит ему:

– Ника, иди покажи свои уши. Не прячься!

А он словно не слышит. Сидит под партой, не шевелится.

Таня опять ему:

– Ника, ну! Покажи свои уши и руки!

А он опять ни слова.

Когда Таня у всех проверила, она подошла к парте, где спрятался Ника, и говорит:

– А ну вставай! Как не стыдно!

Пришлось Нике вылезти из-под парты.

Таня вскрикнула: «Ой!» – и попятилась.

Ника был весь в чернилах – лицо, руки, даже одежда.

А он говорит:

– У меня немножко руки грязные были. А чернила я только что пролил. Когда залезал под парту.

Вот как нехорошо получилось!

Рассеянный

Бывают же такие рассеянные люди!

Вот послушайте.

У Ники с парты упала ручка. И он полез искать ручку под партой. Он долго ползал под партой, до тех пор, пока Анна Петровна ему не сказала:

– Ну, Ника, хватит тебе там ползать!

– Я сейчас, – говорит Ника. И он вылезает из-под парты, только совсем из-под другой, и садится совсем за другую парту, с Костей Кошкиным. Костя в этот раз один сидел.

Кошкин даже испугался, – представляете, вдруг вылезает кто-то и садится! Тем более он не узнал сразу Нику.

Он как закричит:

– Ой, кто это?!

А Ника тоже сразу не понял, в чем дело. Растерялся и говорит:

– Это я.

Тут Костя Кошкин узнал Нику и говорит:

– Ты зачем тут очутился?

Ника растерянно отвечает:

– Не знаю.

– Как это так – не знаешь?

– Я думал, я сел за свою парту. А оказалось вдруг – не за свою. Это как-то так получилось!

Вот, да!

Анна Петровна спрашивает:

– Ну, а ты ручку нашел?

– Ой, – говорит Ника, – я забыл, зачем я полез под парту...

Поющая Катя

У нас в квартире Катя живет. Она трусиха. Если слышится из коридора песня – это Катя от страха поет. Она темноты боится. Она свет в коридоре зажечь не может и песни поет, чтоб не страшно было.

Я темноты не боюсь нисколько. Чего мне темноты бояться! Я вообще никого не боюсь. Кого мне бояться? Я удивляюсь тому, кто боится. Например, Ника. Я Кате рассказал про Нику.

Мы летом в палатках жили. Прямо в лесу.

Как-то вечером Ника ушел за водой. Прибегает вдруг без ведра и кричит:

– Ой, ребята, там черт с рогами!

Пошли, посмотрели, а это пень. От пня ветки торчат, как рога.

Мы весь вечер над Никой смеялись. Пока не уснули.

Утром взял Ника топор, пошел пень выкорчевывать. Ищет, ищет – не может найти. Пней много. А того пня, что на черта похож, нигде нет. В темноте пень был похож на черта. А днем он совсем не похож на черта. Отличить его от других невозможно.

Смеются ребята:

– Зачем тебе пень выкорчевывать?

– Как же так, – отвечает Ника, – ведь я ночью опять испугаюсь!

Ребята ему говорят:

– Ты вот что сделай. Все эти пни выкорчуй. Среди них непременно тот пень будет. И ходи себе смело.

Глядит Ника на пни. Много пней. Штук сто. А может быть, двести. Попробуй все выкорчуй! Махнул Ника рукой на пни. Пусть стоят. Пни ведь не черти.

Послушала Катя рассказ про Нику. Смеется.

– Ой, какой Ника смешной!

У Ники новые лыжи

Лыжи – очень хорошая вещь! На лыжах можно с трамплина прыгать. Можно бегать наперегонки... Замечательная вещь – лыжи!

На дворе зима. Прелесть. Снежок летает. На лыжах девочки с гор съезжают. И Ника с лыжами ходит. Он их на плече носит. Ходит и носит.

Походил, походил, постоял, посмотрел.

И снова ходит.

Потом посидел на лавочке.

И опять стал ходить. И лыжи с плеча не спускает. На лыжах кататься можно. С гор съезжать. Не у каждого есть свои лыжи.

Вот он с ними и ходит. Ходил, ходил, трудно лыжи носить. Переложил их на другое плечо.

И снова ходит.

Ходит и думает: «На меня все смотрят. Все видят: я настоящий лыжник. У меня совсем новые лыжи. Красивые. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. Замечательная вещь – лыжи».

И продолжает ходить. Как ни в чем не бывало.

Ходит и думает: «Как хорошо! Папа мне купил лыжи. Захочу – встану на них и поеду. Захочу – с горки спущусь. Хорошо иметь лыжи!»

И продолжает ходить.

Ходит себе и ходит. По сторонам посматривает. Носит лыжи на плече. И думает. Он думает, как хорошо иметь лыжи. И прочее.

А на дворе уже солнце садится. Все кончают кататься. Все кладут лыжи на плечи. И идут домой. Наконец-то!

У Ники лыжи давно на плечах.

Идет Ника домой со всеми. Несет на плече свои лыжи.

И думает: «Лыжи – хорошая вещь. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. И прочее».

В том-то и дело

Зима. Мерзнут Никины уши. И вдруг Ника видит такую картину. Он видит в проруби человека. И человек не кричит: «Спасите!» Он никого не зовет на помощь. Напротив. Он совершенно спокойно сидит в воде. Он даже с улыбкой фыркает.

Человек вылез из проруби. Поплясал на снегу и опять полез в прорубь.

«Ну и ну! – удивляется Ника. – Как он может сидеть в этой проруби?! Он, наверно, выносливый и отважный: зимой сидит в проруби, когда все в шубах. Вот бы мне посидеть в этой проруби! Чтобы меня видели все, как я там сижу. Чтобы весь наш класс видел: Таня, Славик, Андрюша, Марик. Они сказали бы: „Ну и ну! Посмотрите! Он вон где!“ Я улыбался бы, сидя в проруби. Мне были бы нипочем все болезни...»

Человек тем временем вылез из проруби и преспокойно с улыбкой оделся. Он не стучал зубами от холода, он не ежился. Ничего такого не делал. Он продолжал улыбаться.

Удивленный Ника спросил:

– Вам не холодно?

– Жарко, – ответил тот просто.

– Вот это да! – сказал Ника. – Вы спортсмен?

– В том-то и дело, – сказал спортсмен.

После зимы будет лето

Ника учился плавать давно. Еще зимой. Он быстро ходил по комнате и разводил перед носом руками. Вот так: раз-два. И получалось совсем неплохо – стиль брасс. При этом он фыркал, будто в воде, – ну, как настоящий пловец! Он не раз видел, как плавают, даже видел, как чемпион плавал. Чемпион точно так же фыркал и разводил точно так же руками. Чемпион, правда, плыл в бассейне, а Ника ходил по комнате, – но надо же научиться когда-то? Не сразу же начинать!.. Постепенно надо...

Бабушка, видя, как Ника старается, говорила:

– Вот так. Во-во!.. Хорошо! А ну, еще!

И Ника вовсю старался. Ходил и фыркал.

Но вот и лето пришло. Поехал Ника в деревню. В деревне пруд. Большущий такой, пре-большущий.

Пошел Ника к пруду. Замечательный пруд. Стоит Ника, смотрит. А в воду влезть не решается. Ребята плескаются, плавают, а он стоит и смотрит.

Ему кричат:

– Ты чего рот разинул? Иди сюда. Вода теплая.

– Я потом, – отвечает Ника.

А про себя думает: «Еще рано. Нужно еще подучиться зимой. Потренироваться. Дома как-то спокойней. Спешить-то некуда. Не последнее лето. Будет ведь лето еще!»

И верно. Будет зима. Потом будет лето. Потом снова будет зима. Потом опять лето... Что верно, то верно!

Ника на даче

Ника составил себе план на лето.

Он составил себе такой план: «Посадить сад на даче. Научиться варить уху, загореть так, чтобы стать черным, и непременно спасти тонущего».

Приехал Ника на дачу. За дело взялся. Хотел сад посадить, но лопаты нет. Раз лопаты нет, сада не будет. Как же землю копать?

«Посажу сад потом, – решил Ника. – Лучше буду уху варить».

Собрался Ника уху варить. Кастрюлька есть – рыбы нету. Вся рыба в речке. Поймай попробуй!

«Буду я загорать», – решил Ника.

Целый день лежал Ника на солнце. И до того загорел, что вся кожа облезла. Охает и даже плачет. Больше он не загорал, конечно. Хотя черным так и не стал почему-то.

«Пойду-ка я лучше к речке. Может быть, там кто-нибудь тонет».

Но там никто не тонул. Ника очень расстроился и от расстройства, наверное, сам стал тонуть. Он плавать совсем не умел.

Быть беде, если б не девочка Катя. Она крикнула Нике:

– Не бойся, здесь мелко!

Вылез Ника на берег. Сердитый.

– Терпеть, – говорит, – не могу девчонок. Вечно не в свое дело лезут!

Что Нике делать?

Ника часто опаздывал в школу. Наверное, он не мог встать пораньше. А то бы он не опаздывал.

Учительница сказала Нике:

– Передай маме записку. Пусть придет вечером в школу. Мне нужно поговорить с твоей мамой.

Но Ника не передал записку. Он решил, что так будет лучше.

На другой день он встал пораньше и раньше всех пришел в школу. Наверное, решил не опаздывать больше.

Он хотел идти в класс, но задумался. Вспомнил вдруг про записку.

«Что же мне делать? – думает Ника. – Как же я в класс пойду? Что Анне Петровне скажу? Лучше я спрячусь».

И Ника спрятался в гардероб. Устроился у батареи в углу. Кругом пальто висят.

Никто не увидит, что он здесь сидит. Сиди себе сколько хочешь. Тепло и уютно.

Только очень скучно стало. И от скуки Ника незаметно уснул. Проспал все уроки.

Проснулся Ника от шума. Это ребята пришли за своими пальто. Прошмыгнул Ника мимо ребят и как ни в чем не бывало пошел домой.

На другой день он опять встал пораньше. Опять пришел в школу вовремя.

И в школе опять про записку вспомнил. А еще идти в гардероб не хочется. Невозможно все время сидеть в гардеробе!

Стоит он посреди коридора и думает: «Что же делать?» Звонок прозвенел. Все в классы ушли, а Ника все думает.

Трудно сказать, что Нике делать...

Всему свое место

Я бросил решать задачку и побежал в сад к ребятам. Бегу – навстречу идет наш учитель.

– Как дела? – говорит. – Догоняешь ветер?

– Да нет, я так, в садик.

Иду рядом с ним и думаю: «Вот сейчас спросит меня про задачу: какой ответ получился.

А я что скажу? Ведь я еще не успел решить».

А он:

– Хороша погода...

– Ну да, – отвечаю, – конечно... – А сам боюсь: про задачу вдруг спросит.

А он:

– Нос-то у тебя красный! – И смеется.

– У меня всегда нос красный, такой уж у меня нос.

– Что ж ты, – говорит, – так и собираешься с таким носом жить?

Испугался я:

– А что мне с ним делать?

– Продать его и купить новый.

– Это вы шутите.

Он опять смеется.

Я жду, когда же он про задачу спросит.

Так и не спросил про задачу.

Забыл, наверное.

На другой день вызывает меня:

– А ну, покажи задачу.

Не забыл, оказывается.

Тетрадки под дождем

На перемене Марик мне говорит:

- Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!
- А вдруг тетя Даша задержит с портфелями?
- Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно: возле самой стены сухо, а чуть подальше – огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это время звонок зазвенел. Учитель вошел. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за окном полил.

Марик записку мне пишет: «Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю: «Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет: «Что делать будем?»

Я ему отвечаю: «Что делать будем?»

Вдруг вызывают меня к доске.

– Не могу, – говорю, – я к доске идти.

«Как же, – думаю, – без ремня идти?»

– Иди, иди, я тебе помогу, – говорит учитель.

– Не надо мне помогать.

– Ты не заболел ли, случайно?

– Заболел, – говорю.

– А с домашним заданием как?

– Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне:

– А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

– Что с тобой происходит?

Я молчу.

– Придется тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождем.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

– Какой-то ты сегодня странный...

Я пуговицу себе сам пришил!

Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я ее криво пришил, но ведь я ее сам пришил! А меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме, – ведь пуговицу я сам пришил! А вчера вдруг дежурным назначили в классе. Очень мне нужно дежурным быть! Я ведь пуговицу себе сам пришил, а они кричат: «На других не надейся!» Я ни на кого не надеюсь. Я все сам делаю – пуговицу себе сам пришил...

Яндреев

Все из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятерки. С его фамилией это нетрудно – он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадешь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю – никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафуто я это и придумал. Прихожу в класс, заявляю ребятам:

– Я теперь не Андреев. Я теперь Яндреев.

– Мы давно знаем, что ты Андреев.

– Да нет, – говорю, – не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается – Яндреев.

– Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

– У кого, – говорю, – не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

– Удивительно, – говорит Вовка, – почему ты вдруг Яндреевым стал!

– Еще увидите, – говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

– У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить, чтобы я на «Я» начинался?

– Что за фокусы? – говорит Александра Петровна.

– Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

– Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Как я под партой сидел

Только к доске отвернулся учитель, а я раз! – и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать у всех, куда я делся, – вот смеху-то будет! Уже полурока прошло, а я все сижу.

«Когда же, – думаю, – он увидит, что меня в классе нет?»

А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я – никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да еще Сережка мне в спину ногой все время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

– Извините, Петр Петрович...

Учитель спрашивает:

– В чем дело? Ты к доске хочешь?

– Нет, извините меня, я под партой сидел...

– Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Передвижение комода

Маше семь лет. Она ходит в школу в первый класс и учится на отлично. Ее ставят в пример как лучшую ученицу. А однажды вот что случилось. Она не выучила урока и вообще ничего не могла ответить. Весь класс пришел в удивление, и все мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

Учитель строго взглянул на нее.

– Объясни мне, что это значит?

Маша заплакала и объяснила все по порядку:

– У нас большое несчастье. Мама передвигала комод. А братик сидел на полу. Он крутил волчок. Волчок закатился под комод. Братик полез за волчком. И мама ему прищемила живот. Братика увезли в больницу. Все плакали очень сильно, и я не могла учить урок.

Мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

А учитель сказал:

– Раз такое дело, это совсем другое дело. – И погладил Машу по голове.

Прошло несколько дней. Учитель встретил Машину маму. Он ей говорит:

– У вас такое несчастье. Вы придавили сына комодом. Мы все вам сочувствуем.

– Что вы, что вы! – сказала мама. – У меня нет ни комода, ни сына. У меня только дочка.

Болтуны

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошел учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

- Это я, – сказал он. – Похоже?
- Нисколько, – ответил Юра, – у тебя не такие уши.
- А какие же у меня уши?
- Как у осла.
- А у тебя нос – как у бегемота.
- А у тебя голова – как еловая шишка.
- А у тебя голова – как ведро.
- А у тебя во рту зуба нет...
- А ты рыжий.
- А ты селедка.
- А ты вуалехвост.
- А что это такое?
- Вуалехвост – и все.
- А ты первердер...
- Это еще что значит?
- Значит, что ты первердер.
- А ты дырбыртыр.
- А ты выртырвыр.
- А ты rrrrrrrr...
- А ты zzzzzzz...
- А ты... ы! – сказал Юра и увидел рядом учителя.
- Хотел бы я знать, – спросил учитель, – кто же все-таки вы такие?

Как мы на самолете летали

Приезжаем на аэродром. Нас шефы-летчики пригласили.

Весь класс наш в один самолет уместился. Прямо дом, а не самолет! Хочешь – сиди, хочешь – стой, что хочешь делай! Валерка петь стал. Только когда загудел самолет, он почему-то вдруг перестал петь.

– Летим уже? – спрашивает. – Или нет?

Кто-то как закричит:

– Летим! Летим!

– Я боюсь, – говорит Валерка. – Зачем я только в кино не пошел! – И зубами стучит.

Я ему говорю:

– С непривычки это бывает.

– А ты раньше летал? – спрашивает Валерка.

– Я на катере ездил. А это почти что одно и то же. Мы с отцом с катера рыбу ловили.

Вдруг выходит к нам летчик. Улыбается, спрашивает:

– Ну как?

Валерка как заорет:

– Ой, идите за руль! Самолет упадет! – И заплакал.

Летчик смеется:

– Не беспокойся. Там ведь еще летчик есть.

Валерка перестал плакать.

– Эх ты, плакса! – говорит летчик. – Девочки на тебя смотрят.

Катя услышала и говорит:

– Мы на него совсем не смотрим. Мы в окно смотрим.

А летчик не отстает:

– Они даже смотреть на тебя не хотят; эх ты, трусишка!

Мишка Колосов говорит:

– Чудак Валерка. Сначала пел, а потом стал бояться.

Ленька Скориков говорит:

– Это он, наверное, от страха пел.

Тут самолет на снижение пошел.

Вышли мы из самолета.

– Эх, – говорит Валерка, – хорошо бы еще покататься.

– Вот и прекрасно, – улыбается летчик, – сейчас будем на вертолете кататься.

Я обернулся – нет Валерки.

– Где Валерка? – спрашивают ребята.

Наверное, он в кино пошел!..

Лукьян

Катю вызвали отвечать урок, а Маша в окно засмотрелась. Катя подсказку ждет, а Маша видит собаку Лукьяна и говорит тихо, вслух:

– Лукьян...

Катя думала, ей подсказали, и повторяет:

– Лукьян...

– При чем тут Лукьян?! – удивился учитель.

Учитель сердито смотрит на Катю.

Катя сердито смотрит на Машу.

А Маша спокойно смотрит в окно.

И мы помогали

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогали дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили. Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали в ту зону, куда снег падал.

Когда люди в эту зону шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

– Сюда нельзя! В обход!

И все люди шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега сел. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только потрянул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом все повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до конца помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?!

Не может этого быть!

Язык

Ребята работали. А Петя сел на ступеньку. И так сидел. Очень нужно работать!
Но сидеть надоело.
Он кошку увидел.
Поймал ее.
Показал кошке шиш, посвистел кошке в ухо, подул на нее, скорчил несколько рож, спел
три песни, язык показал.
Она его цап лапой по языку!
Он сразу петь перестал.
Заорал, кошку выпустил и помчался к ребятам...
Лучше поздно, чем никогда!

Как я помогал маме мыть пол

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, – говорит, – у тебя...»

– Посмотрим, как не получится!

Трах! – опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобнее мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три – и все дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придется еще ведро воды на пол вылить. Вылил еще ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру – ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешишь, все плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придется теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

– Что такое, – кричит, – почему вода?

– Не беспокойся, мама, все будет в порядке. Надо только насос починить.

– Какой насос?

– Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Все оказалось так просто. А мама мне говорит:

– Ничего. Ты мне все же помог.

Привычка

Не успели приехать в пионерлагерь, а уже тихий час! Не хочется человеку спать – так нет, спи, хочешь не хочешь! Как будто мало спать ночью – еще днем спи. Тут бы пойти искупаться в море – так нет, лежи, да еще глаза закрой. Книжку и то почитать нельзя. Стал я напевать чуть слышно. Напевал, напевал и заснул. За ужином думаю: «Ага, вот оно что: чтоб заснуть, нужно что-нибудь спеть. Иначе никак не уснешь».

На другой день я как только лег, так сейчас же тихонечко и запел. Я даже сам не заметил, как стал так громко петь, что прибежал наш вожатый Витя.

– Это что еще за певец такой?

Я ему отвечаю:

– Я иначе уснуть не могу, вот поэтому и напеваю.

Он говорит:

– А если все запоют, тогда что будет?

– Ничего, – говорю, – не будет.

– Тогда сплошное пенье будет, а не сон.

– А может быть, тогда все уснут?

– Ты не выдумывай чепуху, а закрой глаза и спи.

– Не могу я без песни спать, у меня без этого глаза не закроются.

– Закроются, – говорит, – вот увидишь.

– Нет, не закроются, я себя знаю.

– У всех ребят закрываются, а почему у тебя не закроются?

– Потому что я так привык.

– А ты попробуй не вслух пой, а про себя. Тогда еще скорее уснешь и товарищей не разбудишь.

Стал я петь про себя, пел разные песни и незаметно уснул.

На другой день мы на море пошли. Купались, в разные игры играли. Потом на винограднике работали. И я перед сном забыл песню спеть. Как-то сразу уснул. Совершенно внезапно. Совсем неожиданно.

Вот это да!

Как я писал стихи

Иду я как-то по пионерлагерю и в такт напеваю что попало. Замечаю – получается в рифму.

«Вот, – думаю, – новость! Талант у меня открылся!»

Побежал я к редактору стенгазеты.

Женька-редактор пришел в восторг.

– Замечательно, что ты стал поэтом! Пиши и не зазнавайся.

Я написал стихотворение о солнце:

Льется солнца луч
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

– Сегодня с утра идет дождь, – сказал Женька, – а ты пишешь о солнце. Поднимется смех и все такое. Напиши о дожде. Мол, не беда, что дождь, мы все равно бодры и все такое.

Стал я писать о дожде. Правда, долго не получалось, но наконец получилось:

Льется дождь
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

– Не везет тебе, – говорит Женька, – дождь-то кончился – вот беда! И солнце пока не показалось.

Сел я писать о средней погоде. Тоже сразу не выходило, а потом вышло:

Ничто не льется
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Женька-редактор мне говорит:

– Смотри, вон солнце опять показалось.

Тогда я сразу понял, в чем дело, и на другой день принес такое стихотворение:

Льется солнца луч
На голову мне,
Льется дождь
На голову мне,
Ничто не льется
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Новая рубашка

Хотя на дворе мороз и снег, я расстегнул пальто на все пуговицы и заложил за спину руки.

Пусть все видят мою рубашку, которую мне сегодня купили!

Я ходил по двору взад-вперед, поглядывая на окна.

Шел с работы мой старший брат.

– О, – сказал он, – какая прелесть! Только смотри не простудись.

Он взял меня за руку, привел домой и надел мне рубашку поверх пальто.

– Теперь гуляй, – сказал он. – Какая прелесть!

Неохота все время пешком ходить

Неохота все время пешком ходить. Прицепился сзади к грузовику и еду. Вот и школа за поворотом. Только вдруг грузовик быстрее пошел. Будто нарочно, чтоб я не слез. Школу уже проехали. У меня уже руки держаться устали. И ноги совсем затекли. А вдруг он так целый час будет мчаться?

Пришлось в кузов забраться. А в кузове мел был какой-то насыпан. Я в этот мел и упал. Такая пыль поднялась, что я чуть не задохся. Сажу на корточках. За борт машины держусь руками. Трясет всюю! Боюсь, шофер меня заметит – ведь сзади в кабине окошечко есть. Но потом понял: он не увидит меня – в такой пыли трудно меня увидеть.

Уже за город выехали, где дома новые строят. Здесь машина остановилась. Я сейчас же выпрыгнул – и бежать.

Хотелось все же в школу успеть, несмотря на такой неожиданный поворот дела.

На улице все на меня смотрели. Даже пальцем показывали. Потому что я весь белый был. Один мальчишка сказал:

– Вот здорово! Это я понимаю!

А одна девочка маленькая спросила:

– Ты настоящий мальчик?

Потом собака чуть не укусила меня...

Не помню уж, сколько я шел пешком. Только к школе когда подходил, все из школы уже выходили.

Все куда-нибудь идут

После лета все во дворе собрались.

Петя сказал:

– Я иду в первый класс.

Вова сказал:

– Я во второй класс иду.

Маша сказала:

– Я в третий класс иду.

– А я? – спросил маленький Боба. – Выходит, я никуда не иду? – И заплакал.

Но тут Бобу позвала мама. И он перестал плакать.

– Я к маме иду! – сказал Боба.

И он пошел к маме.

Был не крайний случай

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

– Вот возьми домой книжку, прочти ее и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

– А если я не запомню?

– Пиши, как запомнишь.

– А третий раз ни за что нельзя?

– В крайнем случае – можно.

Пришел я домой. Прочел два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» писать – через «а» или «о». А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я все запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

– Этот случай не крайний, – сказал папа. – Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

– Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

– Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

Моя работа

Старший брат мастерил приемник, а младший ходил вокруг и мешал.

– И я работать хочу, – просил он.

– Вот пристал, – сказал старший брат. – На тебе молоток и гвоздь.

Младший нашел кусок фанеры и приступил к работе.

Тук-тук-тук – вся фанера в дырках! Даже вся табуретка в дырках. Даже в пальце чуть-чуть не сделал дырку.

– А ну-ка, – сказал старший брат, – дай сюда. – И прибил фанеру к приемнику.

– Вот и все, – сказал старший брат, – готов приемник.

Младший вышел во двор и привел ребят.

– Это я сделал. Моя работа!

– Весь приемник сделал?

– Не весь, конечно, но главную часть. Без нее приемник бы не работал.

Никакой я горчицы не ел

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел. Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой – сразу выгонят.

А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошел. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю – машина стоит, шофер что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:

– Поломалась?

Молчит шофер.

– Поломалась? – спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

– Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

– Угадал, – говорит, – поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

– Да я... не умею...

– Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам.

Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошел.

Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу ближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

– Как с патентом?

Другой говорит:

– Хорошо с патентом.

«Что это, – думаю, – патент? Никогда я про него не слышал».

Я думал, они про патент еще скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:

– Гляди-ка, парень как рот раскрыл. – И ко мне обращается: – Что тебе?

– Мне ничего, – отвечаю, – я просто так...

– Тебе нечего делать?

– Ага.

– Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?

– Вижу.

– Пойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.

– Как это?

– А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.

И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

– Не смешно, – говорю, – а вы смеетесь.

Они как будто не слышат.

Я опять:

– Не смешно совсем. Что вы смеетесь?

Тогда один говорит:

– Мы совсем не смеемся. Где ты видишь, что мы смеемся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету.

Дворник вдруг из ворот выходит:

– Не тронь метлу!

– Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

– А не нужно, так не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти еще рано. Уроки еще не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть?! Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

– Куда лезешь? Эй!

Смотрю – нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься – опять:

– А ну слезь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

– Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился.

Перешел на ту сторону улицы. Наверх, на леса, смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали все увидел – рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Все равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Еще круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

– Плати, мальчик, снова.

– У меня больше денег нету. Только три копейки было.

– Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

– Ой, мне далеко пешком идти!

– А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошел?

– Откуда вы знаете?

– Я все знаю. По тебе видно.

– А чего видно?

– Видно, что в школу ты не пошел. Вот что видно. Из школы ребята веселые едут. А ты как будто горчицей объелся.

– Никакой я горчицы не ел...

– Все равно сходи. Прогульщиков я не вожу бесплатно. – А потом говорит: – Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я все равно сошел. Неудобно как-то.

Место совсем незнакомое. Никогда я в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачерпывают ковшиками землю и в сторону сыпят. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да еще землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

– В ковш хочешь попасть?

Я обиделся:

– Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я веселый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе.

Он посмотрел на меня удивленно:

– Ты что?

– А что?

– Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я еще больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

– Что с тобой?

– А чего?

– Что ты мне рожи строишь?

– На экскаваторе покатайте меня.

– Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

– Я тоже, – говорю, – хочу на нем работать.

Он говорит:

– Эге, брат! Учиться надо!

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

Путешественник

Я твердо решил в Антарктиду поехать. Чтоб закалить свой характер. Все говорят, бесхарактерный я: мама, учительница, даже Вовка. В Антарктиде всегда зима. И совсем нет лета. Туда только самые смелые едут. Так Вовкин папа сказал. Вовкин папа там был два раза. Он с Вовкой по радио говорил. Спрашивал, как живет Вовка, как учится. Я тоже по радио выступлю. Чтобы мама не волновалась.

Утром я вынул все книжки из сумки, положил туда бутерброды, лимон, будильник, стакан и футбольный мяч. Наверняка морских львов там встречу – они любят мяч на носу вертеть. Мяч не влезал в сумку. Пришлось выпустить воздух.

Наша кошка прогуливалась по столу. Я ее тоже сунул в сумку. Еле-еле все поместилось.

Вот я уже на перроне. Свистит паровоз. Как много народу едет! Можно сесть на какой угодно поезд. В конце концов, можно всегда пересесть.

Я влез в вагон, сел, где посвободней.

Напротив меня спала старушка. Потом со мной сел военный. Он сказал: «Привет соседям!» – и разбудил старушку.

Старушка проснулась, спросила:

– Мы едем? – И снова уснула.

Поезд тронулся. Я подошел к окну.

Вот наш дом, наши белые занавески, наше белье висит на дворе... Уж не видно нашего дома. Мне стало сначала немножко страшно. Но это только сначала. А когда поезд пошел совсем быстро, мне как-то даже весело стало! Ведь еду я закалять характер!

Мне надоело смотреть в окно. Я снова сел.

– Тебя как зовут? – спросил военный.

– Саша, – сказал я чуть слышно.

– А что же бабушка спит?

– А кто ее знает!

– Куда путь держишь?

– Далеко...

– В гости?

– Угу...

– Надолго?

Он со мной разговаривал, как со взрослым, и за это очень понравился мне.

– На пару недель, – сказал я серьезно.

– Ну что же, – сказал военный, – очень даже неплохо.

Я спросил:

– Вы в Антарктиду?

– Пока нет; ты в Антарктиду хочешь?

– Откуда вы знаете?

– Все хотят в Антарктиду.

– И я хочу.

– Ну вот видишь!

– Видите ли... я решил закаляться...

– Понимаю, – сказал военный, – спорт, коньки...

– Да нет...

– Теперь понимаю – кругом пятерки!

– Да нет, – сказал я, – Антарктида...

– Антарктида? – переспросил военный.

Военного кто-то позвал сыграть в шашки. И он ушел в другое купе. Проснулась старушка.
– Не болтай ногами, – сказала старушка.

Я пошел посмотреть, как играют в шашки.

Вдруг... я не поверил даже – навстречу шла Мурка. А я и забыл про нее! Как она смогла вылезти из сумки?

Она побежала назад – я за ней. Она забралась под чью-то полку – я тоже сейчас же полез под полку.

– Мурка! – кричал я. – Мурка!

– Что за шум? – закричал проводник. – Почему здесь кошка?

– Это кошка моя.

– С кем этот мальчик?

– Я с кошкой...

– С какой кошкой?

– С моей.

– Он с бабушкой едет, – сказал военный, – она здесь рядом в купе.

Проводник повел меня прямо к старушке.

– Этот мальчик с вами?

– Он с командиром, – сказала старушка.

– Антарктида... – вспомнил военный. – Все ясно... Понимаете ли, в чем тут дело: этот мальчик решил махнуть в Антарктиду. И вот он взял с собой кошку... И еще что ты взял с собой, мальчик?

– Лимон, – сказал я, – и еще бутерброды...

– И поехал воспитывать свой характер?

– Какой плохой мальчик! – сказала старушка.

– Безобразие! – подтвердил проводник.

Потом почему-то все стали смеяться. Даже бабушка стала смеяться. У нее из глаз даже слезы пошли. Я не знал, что все надо мной смеются, и потихоньку тоже смеялся.

– Бери кошку, – сказал проводник. – Ты приехал. Вот она, твоя Антарктида!

Поезд остановился.

Неужели, думаю, Антарктида? Так скоро?

Мы сошли с поезда на перрон. Меня посадили на встречный поезд и повезли домой.

В любом деле нужно уметь работать

У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошел записаться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того как я хотел Мишку стукнуть и промахнулся. И кулаком попал в стенку. И кусок штукатурки отбил. Все тогда удивились. «Вот так дал! – говорят. – Вот это удар!» Я все ходил с распухшей рукой и всем показывал: «Видишь? Вот у меня удар какой! Не выдерживает рука. А то я, пожалуй, и стенку пробил бы!» – «Насквозь?» – удивлялись ребята.

С тех пор за мной пошла слава сильнейшего. Даже после того, как рука прошла. И показывать было нечего.

И вот я пришел первым в секцию. И записался. И еще ребята пришли. И Мишка тоже записался.

Начались занятия.

Я думал, нам сразу наденут перчатки и мы будем драться друг с другом. Я всем дам нокаут. Все скажут: «Вот это боксер!» А тренер скажет: «Эге, да ты чемпионом будешь! Надо тебе шоколад больше есть. Мы попросим у государства, чтоб государство тебя бесплатно кормило. Шоколадом и разными там сладостями. Раз такой редкий талант появился».

Но тренер не дал перчаток. Он выстроил нас по росту. Сказал: «Бокс – дело серьезное. Пусть все об этом подумают. А если кто из вас по-другому думает, то есть что бокс несерьезное дело, пусть тот спокойно покинет зал».

Зал никто не покинул. Построились в пары. Как будто бы не на бокс пришли, а на урок физкультуры. Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху. Иногда тренер нас останавливал. Говорил, мы неправильно делаем. И начиналось сначала. Один раз тренер сказал кому-то:

– Вон там, в широченных штанах, что ты делаешь?

Я вовсе не думал, что это мне, а тренер ко мне подошел и сказал, что я бью левой рукой вместо правой, в то время как все бьют только правой, и неужели нельзя быть внимательней.

Я обиделся и не пришел больше. Очень мне нужно, думал я, заниматься какой-то глупостью. С моим-то ударом! Когда я стенку могу пробить. Очень мне все это нужно! Пусть Мишка там занимается. И другие. А я приду, когда будут драться. Когда наденут перчатки. И тогда мы посмотрим. Очень мне нужно просто руками махать! Это прямо смешно.

Я перестал ходить в секцию.

Только Мишку спрашивал:

– Каково? Все руками машете?

Я все смеялся над Мишкой. Дразнил его. И все спрашивал:

– Ну, каково?

А Мишка молчал. Иногда говорил:

– Никаково.

Однажды он мне говорит:

– Завтра спарринг.

– Чего? – говорю.

– Приходи, – говорит, – сам увидишь. Спарринг – это учебный бой. Мы, в общем, драться будем. То есть работать. По-нашему так.

– Ну работай, работай, – я говорю. – Зайду завтра к вам, поработаем.

Захожу в секцию на другой день.

Тренер спрашивает:

– Ты откуда?

– Я, – говорю, – здесь записан.

– Ах, вот оно что!
– Я в спарринг хочу.
– Ну! – сказал тренер.
– Ну да! – сказал я.
– Все ясно, – говорит тренер.
Он надел мне перчатки. И Мишке надел перчатки.
– Слишком ты боевой, – сказал он.
Я сказал:
– Разве это плохо?
– Хорошо, – сказал он. – Очень даже.
Мы с Мишкой вышли на ринг.
Я размахнулся и как ударю! Но мимо. Я второй раз размахнулся – и сам упал. Значит, опять промахнулся.
Я смотрю на тренера. А тренер говорит:
– Работай, работай!
Я встал и опять замахнулся, как вдруг Мишка мне как стукнет! Я хотел его тоже стукнуть, а он мне как трахнет в нос!
Я даже руки опустил. И не пойму, в чем дело.
А тренер говорит:
– Работай, работай!
Мишка говорит тренеру:
– Мне с ним неинтересно работать.
Я разозлился, на Мишку кинулся и упал снова. Не то споткнулся, не то от удара.
– Нет, – говорит Мишка, – я с ним работать не буду. Он все время падает.
Я говорю:
– Я не все время падаю. Я ему дам сейчас!
А он мне в нос как даст снова!
И я опять на пол сел.
А Мишка уже перчатки снимает. И говорит:
– Нет, это просто смешно мне с ним работать. Он совсем не может работать.
Я говорю:
– Ничего нет смешного... Я сейчас встану...
– Как хочешь, – говорит Мишка, – можешь и не вставать, это вовсе не важно...

Пара пустяков

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

– Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провел время.

Все закричали:

– Правильно! Правильно!

На том и порешили.

Разъехались все кто куда. Клим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал – пять страниц.

Он написал:

Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасенный мне сказал: «Если б не ты, я бы утонул». А я ему сказал: «Для меня это пара пустяков». А он сказал: «А для меня не пара пустяков». Я сказал: «Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков». Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков».

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый поезд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я сказал: «Только, прошу вас, без этого». Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил ее!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю.

А дыму было сколько угодно.

«Вперед! – сказал я сам себе. – Непременно там кто-нибудь есть!»

Кругом меня падали балки. Несколько балок упало сзади меня, а несколько – впереди. Несколько балок упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три балки упали с другого бока. Пять балок упало мне прямо на голову. Несколько балок еще где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы. «Спасибо за Мурку, – сказали они. – Мы только что из продмага». Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошел ей навстречу. «Разрешите, пожалуйста, – сказал я, – перевести вас на другую сторону». Я перевел ее на ту сторону и вернулся обратно. Подошли еще старушки. Их тоже я перевел на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: «Пожалуйста, я переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне».

Они все говорили мне: «Если бы не ты, мы не перешли бы». А я говорил: «Для меня это пара пустяков».

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: «Нам туда не нужно». А когда я сказал, почему бы им не прогуляться, они сказали: «Действительно, почему бы нам не прогуляться?»

Я их всех перевел на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратного они не хотели идти. Как я их ни упрашивал.

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

– Очень многие прислали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнется, – думал Клим. – В моем письме много геройских поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем.

А его письма не прочла.

«Ну, тут все ясно, – подумал Клим. – Письмо в газету отправили. Там его напечатают. Может быть, будет мой портрет. Все скажут: „Ой, это он! Смотрите!“ А я скажу: „Ну и что же? Для меня это пара пустяков“».

«Козел-баран»

У нас в школе есть урок пения. Мы там разные песни поем. Я вообще люблю песни петь, только слов я иногда не знаю. Учить слова никому неохота. Хорошо, когда сразу запомнишь. Только разве сразу запомнишь?

Однажды Вовка пел песню. Он совсем слов не знал. Так он пел другие слова. Какие попало.

И никто не заметил.

В одной песне я тоже слов не знала. Учитель вызвал меня эту песню спеть. Я сказала учителю:

– Пожалуйста, я вас прошу, погромче. А то мне не слышно будет.

А про себя думаю: «Он не услышит, что я буду петь, а я буду петь что попало».

Он посмотрел на меня и сказал:

– С удовольствием! – и заиграл во всю силу.

А я тихо запела. Я пела два слова: «Козел-баран». Только мотив я верно пела. А слова были «козел-баран».

Учитель не остановил меня. Он не сделал мне замечания. Только когда я петь кончила, он спросил:

– Хорошо было слышно?

– Хорошо, – говорю, – очень даже!

– А теперь, – говорит, – я играть буду тихо. А ты пой погромче. Только, пожалуйста, без козла. И без барана, конечно...

А сегодня ей опоздать нельзя

Кто Валю не знает? Всегда опаздывает на линейку. А тут вдруг до сигнала явилась.
Стоит одна, улыбается. Не шелохнется, руки по швам. Ждет звука горна.
Удивляются ребята. Удивляется вожатый.
Только Валя не удивляется.
Сегодня ей опоздать нельзя.
Вчера она помогала на кухне.
Начистила целый таз картошки.
Сегодня ей благодарность вынесут!

Второклассники и старшекласники

Второклассники были взволнованы. Они шумели. Вот один октябренок влез на стул и, обращаясь к старшим, сказал:

– Вы наши шефы. Мы все вас очень любим. И поэтому мы вам хотим помочь. Вы плохо натерли пол в коридоре. Он совсем не блестит. А он должен блестеть – это каждый знает. Разрешите, пожалуйста, нам это сделать. Натереть пол в коридоре, чтоб он блеснул.

Старшекласники были очень сконфужены. Они написали в стенгазету:

«Мы шестикласники. Нам стыдно вчерашних позорных минут. Мы переживаем. Мы плохо натерли пол в коридоре. И мы благодарны второму „А“, который пришел нам на помощь. Но мы исправим свою ошибку. Мы в скором времени соберемся и все вместе, всем коллективом, натрем пол до блеска. Пусть второкласники не беспокоятся. Все будет сделано. Мы все сделаем сами».

Но октябрюта не стали ждать. Они натерли пол в тот же день. А на другой день прочли стенгазету. И написали свою заметку.

«Мы, второкласники, извиняемся. Мы без разрешения натерли пол. Не переживайте. Мы все сделали сами».

Пятнадцать третьих

Все столпились возле бильярда.

– Довольно играть просто так, – сказал он. – Я играю на третье. К примеру, кисель дадут, или компот, или там шоколад, ну неважно что, ясно?

Всем было ясно. Стали играть.

К обеду он выиграл пятнадцать третьих.

Подали чай. Все кричали:

– Чай! Чай!

Даже повар сказал:

– Во как любят чай!

Он залпом выпил один стакан, второй, третий, четвертый...

– Стойте... – сказал он. – Сейчас... погодите...

Залпом он уже пить не мог.

Все обступили его. Он сидел перед стаканами, тяжело вздыхал, говорил «погодите» и отпивал каждый раз по глотку.

Кругом шумели. Давали советы. Кто-то пощупал его живот.

– Живот не хватать, – сказал он, – нечестно...

Но больше он уже пить не мог. Он стал бледен, таращил глаза и икал.

Позвали вожатого.

– Что с ним такое? – спросил вожатый.

– Да вот чаю попил, – сказал кто-то.

С трудом его подняли со стула. Взяли под руки. И повели.

«Крути снежные вертя...»

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя... —

орал я на весь дом.
Я отложил книжку в сторону и с выражением прочел:

Кроя мглою бурю кроет,
Крути снежные вертя...

Что-то не то. Я опять начал снова:

Буря мглою...

Я забыл вдруг, что буря кроет. Я стал думать и вскоре вспомнил. Я так обрадовался, что начал снова:

Буря кроет небо мглоет...

МГЛОЕТ? Что это такое? Мне стало не по себе. Такого, по-моему, не было. Я поглядел в книжку. Ну так и есть! МГЛОЕТА нету!

Я стал читать, глядя в книжку. Все получалось как в книжке. Но как только я закрыл книжку, я вдруг прочел:

Утро воеет небо могилою...

Это было совсем не то. Я это сразу понял. Я всегда вижу, когда не то. Но в чем тут дело, в конце концов? Почему я никак не запомню?

– Не нужно зубрить, – сказал старший брат, – разберись, в чем там дело.

Я стал разбираться: значит, буря покрывает небо своей мглою и в то же время крутит что есть силы снежные вихри.

Я закрыл книжку и четко прочел:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Больше я не ошибался.

Дело не в том, что я мяч не поймал

Я вообще вратарь неплохой. А тут вот случилось такое. Стою я в воротах. Вдруг гляжу – Таня идет.

Я сразу вратарскую позу принял. И одной рукой защищаюсь от солнца.

И все из-за солнца вышло. Солнца-то не было. Я из-за позы все.

И тут мне – бац! – гол забили.

Я прыгнул – поздно.

На уроке Таня записку мне пишет: «Ты очень здорово падаешь».

Ох и разозлился я! Значит, я только падаю здорово, а вратарь, значит, я никудышный? Не буду с ней разговаривать.

Целый месяц с ней не разговаривал.

Через месяц стал разговаривать. Ей и вправду понравилось, как я падал. Как в кино, говорит.

Зря я месяц с ней не разговаривал.

Пароход и лошадь

Когда я ходил в школу, в первый класс, я любил рисовать пароходы. Я всем хвалился: вот какие замечательные пароходы я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного мальчишку, может ли он нарисовать такой же замечательный пароход. Я тут же нарисовал большой пароход с трубами, все как полагается. Потом я подрисовал море синим карандашом, а красным карандашом – флаг на мачте, и получилось совсем хорошо: плывет по морю пароход, а на мачте у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но он мне сказал:

– Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисована, что я больше не хвалился своими пароходами, потому что такую лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!

Абсолютно верно

– Ты опять завтракаешь на уроке?

Валя быстро спрятала завтрак в парту.

– Что будет, – сказал учитель, – если все будут завтракать на уроке?

Класс зашумел. Потому что каждый хотел сказать, что тогда будет.

Коля сказал:

– Будет очень смешно!

Миша сказал:

– Жеванье будет!

Маша сказала:

– Все сытые будут!

– А чего не будет? – спросил учитель.

Класс молчал. Чего не будет – никто не знал.

Учитель хотел уже сам ответить, как вдруг кто-то крикнул:

– Урока не будет!

– Абсолютно верно! – сказал учитель.

Так всегда бывает

Мяч свой я у них отобрал. Потому что мяч мой. Кидаю мяч в стену и сам ловлю. Очень мне все нужны! Хватит мне этой стенки. Вот я и ловлю мяч от стенки. А Гога кричит:

– Смотрите-ка, он сам с собою играет!

Разве я сам с собою играю? Я со стеной играю.

Пес Катушка ко мне привязался, вокруг бегаёт, машет хвостом.

А Гога кричит:

– Ой, глядите, с Катушкой играет!

– Не я с Катушкой играю, а Катушка со мной играет.

И продолжаю играть.

Играю себе и играю.

Вдруг пес Катушка – цап мячик! – и все...

Превратился мячик в лепешку.

А Гога орет:

– Так всегда бывает!

Врет, наверное...

Друзья

Андрюша и Славик друзья.

Они все делают вместе. Когда Андрюша упал с веранды, Славик тоже хотел упасть с веранды, чтоб доказать, что он истинный друг.

Когда Славик пошел вместо школы в кино, то Андрюша тогда был с ним вместе.

А когда они принесли в класс кошку и учитель спросил, кто из них это сделал, Андрюша сказал:

– Это Славик сделал.

А Славик сказал:

– Это все Андрюша...

Как я встречал Новый год

Новый год в двенадцать часов приходил, а я в это время всегда уже спал. Прошло столько Новых годов! А я ни одного не видел. И мама, и тетя Вера встречали его, а я спал. Я всегда засыпал перед Новым годом. А просыпался утром, и мама мне дарила подарки и говорила: «Ну вот, Новый год!» Но я-то знал, что он ночью был. А сейчас его нету.

Я спрашивал маму:

– Ты его встретила?

Мама мне говорила:

– Встретила.

– И ты его видела?

Мама смеялась:

– Конечно видела!

– И папа видел, и тетя Вера?

Так мне обидно было!

Я представлял себе Новый год в большой шапке-ушанке и в валенках. Как на новогодней открытке. В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то приехал!» Он вытаскивает из мешка подарки, все дарит, кому что надо, и говорит: «Я спешу. Меня ждут в других квартирах». Все провожают его до угла, потом возвращаются и идут спать. Вот так представлял я себе Новый год.

Как старался я не заснуть в Новый год! И каждый раз засыпал где попало. А просыпался всегда в кровати.

И рядом были подарки.

Мой брат раньше меня встретил Новый год. Несмотря на то что он младше меня. Он вот что сделал. Чтоб не заснуть, он залез под стол. Сначала он там, конечно, заснул, а когда все сели за стол, стало шумно. И он моментально проснулся. И вы знаете, что он сказал мне? Он мне сказал:

– Его не было.

– Как так не было?! – сказал я.

– Очень просто.

– А ты там не спал под столом? – спросил я.

– Вот еще! – говорит Котька. – Бой часов был, это верно. А Нового года не было. Как только все стали кричать: «С Новым годом!» – я вылез.

– Кого же тогда вы встречали?

– Новый год, – говорит Котька.

– Как же так вы его встречали? Разве так в жизни бывает? Если ты, например, меня встречаешь, то ты видишь, что ты меня встречаешь. А то как же ты меня встречаешь, если ты меня не встречаешь?

– Сам увидишь, – говорит Котька. – На будущий год увидишь. Никакого там Нового года не будет. Бой часов будет. А Нового года не будет.

– Наверно, ты спал под столом, – говорю, – и сквозь сон слышал бой часов. А Нового года не видел.

– Я не спал, – говорит Котька.

– Значит, спал, – говорю, – раз не видел.

– Ты сам спал, – говорит Котька.

– Я-то спал, – говорю, – но ты тоже спал. Только я спал в кровати, а ты – под столом. Лучше бы ты уж спал в кровати.

- Я не спал, – говорит Котька.
- Почему же тогда ты его не видел?
- Его не было, – говорит Котька.
- Ты просто спал, – говорю, – вот и все!

На этом наш спор закончился.

Он обиделся и ушел. И хотя он на меня обиделся, все равно я думал, что он там спал и не видел Нового года с подарками.

Вот так я себе представлял Новый год, когда был совсем еще маленький.

Вязальщик

Конечно, вы удивитесь. Потому что я мальчик... Но не в этом дело. Дело в том, что я вязать умею. Меня бабушка научила. Я сам себе шапочку для катка связал.

Так вот. Надо мной все смеяться стали:

– Эх ты, девчонка! Это только девчонки вяжут! А мальчишки не вяжут! Эх ты!..

Очень мне неприятно было. Кому приятно, когда тебя дразнят. Я пробовал даже отказываться. Уверял, что не умею вязать. Ну чуть не плачу! Но Шурик видел, как я вязал. Он ко мне приходил и видел. Он мне говорит:

– Не ври! Я видел!

Стали меня звать вязальщиком.

– Вон вязальщик пришел!.. Эй, вязальщик! Вязальщик пришел!..

Представляете, какой ужас?!

Но я вязать продолжал. Все равно ведь дразнят! Лучше уж продолжать вязать. И бабушка говорит:

– Ты вяжи, вяжи, а то тебя зазря дразнят.

Связал я себе свитер. Такой желтый свитер с полосками. Полоски зеленые. Очень красиво. Правда, бабушка помогла. Но в основном я все сам связал.

Прихожу в этом свитере в класс.

Ребята увидели свитер. И не дразнят. А только смотрят.

Потом Шурик вдруг говорит:

– Вот это свитер!..

И Мишка тоже:

– Вот это свитер!..

Я не выдержал, говорю:

– Сам связал!

– Да ну? – удивились ребята.

– Уж что-что, – говорю, – а вязать я умею.

Смотрят ребята на свитер. Нравится им свитер.

Никто уж не дразнит, конечно. Чего уж тут дразнить. Вязальщиком быть совсем не плохо. Это всем стало ясно.

Я смотрю в окно

Я жду окончания урока. Смотрю со двора в окно класса. Мой папа стоит у доски, что-то пишет.

Я вижу весь класс. Вон сидит толстый мальчишка. Я вижу, как он лезет в парту, берет булку и сует в рот. Правда, булка не очень большая, но как мог он ее запихать всю в рот? Это очень меня удивило. Он даже не смотрит на папу. Он смотрит куда-то в сторону и все жует и жует.

Вон рыжий стучит крышкой парты. Он стучит не так чтобы сильно, но я слышу стук...

Вон скорчил рожу мальчишка, потом вдруг запел. Поет он не очень громко, но я слышу, как он поет:

С моей родною конницей
Связался я навек...

А папа стоит к ним спиной. На доске что-то пишет. Он не слышит, наверное, ни стука, ни песни, не видит, как толстый ест булку...

Мальчишка поет все громче:

С моей родною конницей
Связался я навек...

Вот папа кончил писать. Он повернулся к классу. Убрал со лба волосы. Положил мел. Стук и пение прекратились.

Только толстый мальчишка жует. Он не может сжевать свою булку. Еще бы! Правда, булка не очень большая, но сразу ее не сжуешь.

– Вы поняли? – говорит папа.

– Поняли! – кричит толстяк. Он почти что сжевал свою булку.

Я не думаю, чтобы он понял. Он ведь ничего не слышал. Он совсем не смотрел на доску.

– Все списали? – говорит папа.

– Все! – кричит толстый мальчишка. Хотя он ничего не списал. Я же видел.

– Запишите задание на дом.

Папа диктует задание. Но записывают не все.

Я же вижу, кто записывает, а кто не записывает.

Я отхожу от окна. Мне не хочется, чтоб меня папа увидел. Не знаю сам почему.

Сейчас будет звонок, папа выйдет.

Я жду папу возле дверей. Я часто сюда прихожу. Жду здесь папу. И мы с ним идем домой. Правда, дом наш напротив школы. Но что ж из этого? Так веселей мне и папе.

Скоро и я пойду в школу. Неужели и я точно так же не буду слушать учителя, а только буду стучать крышкой парты, и вот так на уроке пихать булку в рот, и петь песни?

Нет, ни за что на свете!

А вот и папа!

Мы с ним обнимаемся. И вместе идем домой.

Тыква в сундуке

Вы видели мою тыкву? Не видели? Я ее сам вырастил. И не где-нибудь, а у нас на балконе, в старом бабушкином сундуке.

Насыпал я в сундук земли. Оторвал крышку. Посадил туда семена, и у меня тыква выросла. Я всем гостям тыкву показывал. Удивляются все и руками машут. Шутка ли, в сундуке тыква?! На выставку, говорят, ее надо. В Москву. Пусть видят, какие у нас растут тыквы!

Я этой тыквой очень гордился. Я глаз с нее не спускал.

– Смотри, как выросла! – кричу маме. – Вчера она меньше была, замечаешь?

Это мне казалось, как будто она за ночь выросла. Иногда мне наоборот казалось – как будто она меньше стала. Хотя этого быть никак не могло.

Я все мечтал о выставке. Как я повезу свою тыкву на выставку. Скажу: «Вот я вырастил тыкву! В сундуке!» Мне скажут: «Какая прелесть! Неужели она в сундуке росла? Такой тыквы у нас еще не было! Давайте сюда вашу тыкву». Положат ее на полочку, прибьют рядом дощечку. А на дощечке напишут: «Сундучная тыква», потому что она в сундуке росла. А рядом моя фамилия. Потому что я ее вырастил. И может быть, дадут премию.

Я все рассуждал о тыкве. Все поливал ее. И все спрашивал папу и маму, правильно ли я расту тыкву. Зато папа не мог о тыкве слышать.

– Надоела мне, – говорит, – ваша тыква. Она меня просто с ума сведет. Все время только о ней разговоры. Я прихожу с работы. Мне хочется отдохнуть, почитать... А ко мне лезут с этой тыквой!.. Я прошу оставить меня в покое!

Он уходил в свою комнату и запирался на ключ.

Со всеми я говорил о тыкве. Засыпал я с мыслями о тыкве. Просыпался с мыслями о тыкве. Снились мне сундуки и тыквы.

Решил все сосед Алька.

– Что это? – спросил он. – Тыква?

– Конечно, – сказал я, – а ты что думал?

– Я думал, – сказал он, – что это орех.

– Какой орех?! – возмутился я.

– Какая же это тыква?

Он привел меня на пришкольный участок. Вот там я увидел тыквы! Это были громадные тыквы. Десятки тыкв.

– Сами вырастили, – сказал Алька.

Стыдно мне было за свою тыкву. Но я сказал:

– Моя тыква – сундучная. Я ее в сундуке растил!

Птичка

Вышел я на перемене во двор. Погода чудесная. Ветра нет. Дождя нет. Снега нет. Только солнышко светит.

Вдруг вижу: крадется куда-то кошка. Куда, думаю, кошка крадется? Любопытно мне стало. И я осторожно за кошкой пошел. Вдруг кошка – прыг! Гляжу, у нее в зубах птичка. Воробышек. Я хватать кошку за хвост! – и держу.

– А ну, отдай птичку! – кричу. – Сейчас же отдай!

Отпустила кошка птичку – и бежать.

Принес я птичку в класс.

Кусочек хвоста у нее оторван.

Все окружили меня, кричат:

– Смотрите, птичка! Живая птичка!

Учитель говорит:

– Кошки птичек за горло хватают. А здесь повезло твоей птичке. Кошка ей только хвост повредила.

Просят меня подержать дать. Но я ее никому не дал. Птички не любят, когда их держат.

Положил я птичку на подоконник. Обернулся, а птички нет. Ребята кричат:

– Лови! Лови!

Улетела птичка.

Но я не горевал. Ведь я спас ее. А это самое главное.

Коньки купили не напрасно

Я не умел на коньках кататься. И они лежали на чердаке. И наверное, ржавели.

Я очень хотел научиться кататься. У нас во дворе все умеют кататься. Даже маленький Шурик умеет. Мне было стыдно выйти с коньками. Все смеяться будут. Пусть уж лучше коньки ржавеют!

Однажды папа сказал мне:

– Коньки я тебе купил напрасно!

И это было справедливо. Я взял коньки, надел их и вышел во двор. Каток был полон. Кто-то смеялся.

«Начинается!» – подумал я.

Но ничего не начиналось. Меня пока не замечали. Я вышел на лед и упал на спину.

«Сейчас начнется», – подумал я.

С трудом поднялся. Мне было трудно стоять на льду. Я не двигался с места. Но самое удивительное было то, что никто, абсолютно никто не смеялся, не показывал на меня пальцем, а, наоборот, Маша Кошкина подбежала ко мне и сказала:

– Дай руку!

И хотя я упал еще два раза, а все равно был доволен. И я сказал Маше Кошкиной:

– Спасибо, Маша! Ты научила меня кататься.

А она сказала:

– Ой, что ты, что ты, я только тебя держала за руку.

В шкафу

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я. Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь – в классе тихо. Смотрю в щелочку – никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

– Э-э-э! Я в шкафу! Помогите!

Прислушался – тишина кругом.

Я опять:

– О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идет кто-то.

– Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тетю Ньюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

– Тетя Ньюша, я здесь!

– Где ты, родименький?

– В шкафу я! В шкафу!

– Как же ты, милый, туда забрался?

– Я в шкафу, бабуся!

– Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

– Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тетя Ньюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги.

Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч – наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

– Там нет никого, – сказал Пал Палыч.

– Как же нет? Есть, – сказала тетя Ньюша.

– Ну где же он? – сказал Пал Палыч и постучал еще раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

– Я здесь!

– Кто ты? – спросил Пал Палыч.

– Я... Цыпкин...

– Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

– Меня заперли... Я не забрался...

– Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

– Слышу...

– Ты давно там сидишь? – спросил Пал Палыч.

– Не знаю...

– Найдите ключ, – сказал Пал Палыч. – Быстро.

Тетя Ньюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щелку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

– Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и все такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мучение! Что было мне отвечать?

Я молчал.

– Ты живой там? – спросил Пал Палыч.

– Живой...

– Ну сиди, скоро откроют...

– Я сижу...

– Так... – сказал Пал Палыч. – Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал. Вдруг я услышал голос директора. Он шел по коридору:

– Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

– Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тетя Ньюша сказала:

– Ключ унес староста класса.

– Взломайте дверь, – сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, – шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадет, и заплакал. Руками уперся в стенки шкафа, и, когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

– Ну, выходи, – сказал директор. – И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

– Почему он стоит? – спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я все время молчал. Я не знал, что сказать. Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом...

Секрет

У нас от девочек секреты. Мы ни за что на свете не доверяем им свои секреты. Они по всему свету могут разболтать любую тайну. Даже самую важную государственную тайну они могут разболтать. Хорошо, что им этого не доверяют!

У нас, правда, нет таких важных секретов, откуда нам взять их! Так мы их сами придумали. У нас был такой секрет: мы зарыли в песок пару пулек и никому не сказали об этом. Был еще секрет: мы собирали гвозди.

Например, я собрал двадцать пять самых разных гвоздей, но кто знал об этом? Никто! Я никому не проболтался. Сами понимаете, как нам трудно приходилось! Через наши руки прошло столько секретов, что я даже не помню, сколько их было. И ни одна девочка не узнала ничего. Они ходили и косились на нас, разные кривляки, и только о том и думали, чтобы выудить у нас наши тайны. Хотя они у нас ни разу ни о чем не спрашивали, но это ведь ничего не значит! До чего хитрые все-таки!

А вчера я хожу по двору с нашей тайной, с нашим новым замечательным секретом и вдруг вижу Ирку. Я прошел мимо несколько раз, и она на меня покосилась. Я еще походил по двору, а потом подошел к ней и тихо вздохнул. Я нарочно несильно вздохнул, чтобы она не подумала, что я специально вздохнул. Я еще раза два вздохнул, она опять только покосилась, и все. Тогда я перестал вздыхать, раз никакого от этого толку нету, и говорю:

– Если бы ты знала, что я знаю, ты бы прямо здесь, на месте, провалилась.

Она опять покосилась на меня и говорит:

– Не беспокойся, – отвечает, – не провалюсь, как бы ты сам не провалился.

– А мне-то чего, – говорю, – проваливаться, мне-то нечего проваливаться, раз я тайну знаю.

– Тайну? – говорит. – Какую тайну?

Смотрит на меня и ждет, когда я ей начну рассказывать про тайну.

А я говорю:

– Тайна есть тайна, и не для того она существует, чтобы каждому эту тайну разбалтывать.

Она почему-то разозлилась и говорит:

– Тогда уходи отсюда со своими тайнами!

– Ха, – говорю, – вот еще не хватало! Твой двор это, что ли?

Мне прямо смешно даже стало. Вот ведь до чего докатились!

Мы постояли, постояли, потом вижу – она снова косится.

Я сделал вид, что уйти собрался. И говорю:

– Ладно. Тайна при мне останется. – И усмехнулся так, что она поняла, что это значит.

Она голову даже ко мне не повернула и говорит:

– Нету у тебя никакой тайны. Если у тебя какая-нибудь тайна была бы, ты бы давно уже рассказал, а раз ты не рассказываешь, значит, ничего такого нету.

Что, думаю, она такое говорит? Ерунду какую-то! Но, честно говоря, я немножко растерялся. И правда, ведь могут мне не поверить, что у меня есть какая-то тайна, раз, кроме меня, никто не знает о ней. У меня в голове здорово все перемешалось. Но я сделал вид, что у меня там ничего не перемешалось, и говорю:

– Очень жалко, что тебе доверять нельзя. А то бы я тебе все рассказал. Но ты можешь оказаться предательницей...

И тут я вижу, она опять на меня одним глазом косится.

Я говорю:

– Дело тут не простое, ты это, надеюсь, прекрасно понимаешь, и обижаться по всякому поводу, я думаю, не стоит, тем более если бы это был не секрет, а какой-нибудь пустяк и если бы я тебя знал получше...

Говорил я долго и много. Почему-то у меня такое желание появилось – долго и много говорить. Когда я кончил, ее рядом не было.

Она плакала, прислонившись к стене. Ее плечи дрожали. Я слышал всхлипывания.

Я сразу понял, что она ни за что на свете не может оказаться предательницей. Она как раз тот человек, которому спокойно можно все доверить. Я это сразу понял.

– Видишь ли... – сказал я, – если ты... дашь слово... и поклянешься...

И я ей рассказал весь секрет.

На другой день меня били.

Она разболтала всем...

Но самое главное было не то, что Ирка оказалась предательницей, не то, что секрет был раскрыт, а то, что потом мы не могли придумать ни одного нового секрета, сколько мы ни старались.

Больные

- У тебя правда нога болит?
- Никакая нога у меня не болит! А у тебя в животе правда колет?
- Ничего у меня в животе не колет. Ловко мы с тобой в классе остались!
- Ребята сейчас там, на физкультуре, прыгают, а мы с тобой сидим – красота!
- Эх, хорошо просто так сидеть!.. Давай через парты прыгать!

Мы играем в Антарктиду

Мама куда-то ушла из дому. И мы остались одни. И нам стало скучно.

Мы перевернули стол. Натянули на ножки стола одеяло. И получилась палатка. Словно мы в Антарктиде. Там, где сейчас наш папа.

Мы с Витькой влезли в палатку.

Мы были очень довольны, что вот мы с Витькой сидим в палатке, хотя и не в Антарктиде, но как будто бы в Антарктиде, и вокруг нас льды и ветер. Но нам надоело сидеть в палатке.

Витька сказал:

– Зимовщики не сидят так все время в палатке. Они, наверное, что-нибудь делают.

– Наверняка, – сказал я, – они ловят китов, тюленей и что-нибудь еще делают. Конечно, они не сидят так все время!

Вдруг я увидел нашу кошку. Я закричал:

– Вот тюлень!

– Ура! – крикнул Витька. – Хватай его! – Он тоже увидел кошку.

Кошка шла нам навстречу. Потом остановилась. Внимательно посмотрела на нас. И побежала обратно. Ей не хотелось быть тюленем. Она хотела быть кошкой. Я это сразу понял. Но что мы могли поделать! Мы ничего не могли поделать. Надо же нам ловить кого-то! Я побежал, споткнулся, упал, поднялся, но кошки уже нигде не было.

– Она здесь! – орал Витька. – Беги сюда!

Из-под кровати торчали Витькины ноги.

Я полез под кровать. Там было темно и пыльно. Но кошки там не было.

– Я вылезаю, – сказал я. – Здесь кошки нет.

– Здесь она, – доказывал Витька. – Я видел, она побежала сюда.

Я вылез весь пыльный и стал чихать. Витька все под кроватью возился.

– Она там, – твердил Витька.

– Ну и пусть, – сказал я. – Я туда не полезу. Я целый час там сидел. С меня хватит.

– Подумаешь! – сказал Витька. – А я?! Я больше тебя здесь лазаю.

Наконец Витька тоже вылез.

– Вот она! – крикнул я.

Кошка сидела на кровати.

Я чуть было ее не схватил за хвост, но Витька толкнул меня, кошка прыг – и на шкаф! Попробуй ее достань со шкафа!

– Какой же это тюлень, – сказал я. – Тюлень разве может сидеть на шкафу?

– Пусть это будет пингвин, – сказал Витька. – Как будто бы он сидит на льдине. Давай будем свистеть и кричать. Он тогда испугается. И со шкафа прыгнет. На этот раз мы пингвина схватим.

Мы стали орать и свистеть что есть мочи. Я, правда, свистеть не умею. Свистел только Витька. Зато я орал во все горло. Чуть не охрип.

А пингвин будто не слышит. Очень хитрый пингвин. Притаился там и сидит.

– Давай, – говорю, – в него что-нибудь кинем. Ну хотя бы подушку кинем.

Кинули мы на шкаф подушку.

А кошка оттуда не прыгнула.

Тогда мы на шкаф закинули еще три подушки, мамино пальто, все мамины платья, папины лыжи, кастрюльку, папины и мамины домашние туфли, много книг и еще много всего. А кошка оттуда не прыгнула.

– Может быть, ее нет на шкафу? – сказал я.

– Там она, – сказал Витька.

– Как же там, раз ее там нет?

– Не знаю! – говорит Витька.

Витька принес таз с водой и поставил его у шкафа. Если вздумает кошка со шкафа прыгнуть, пусть прямо в таз прыгает. Пингвины любят в воду нырять.

Мы еще кое-что покидали на шкаф. Подождали – не прыгнет ли? Потом подставили к шкафу стол, на стол стул, на стул чемодан и на шкаф полезли.

А там кошки нет.

Исчезла кошка. Неизвестно куда.

Стал Витька со шкафа слезать и прямо в таз плюхнулся. Воду разлил по всей комнате.

Тут мама входит. А за ней наша кошка. Она, видимо, в форточку прыгнула.

Мама всплеснула руками и говорит:

– Что здесь происходит?

Витька так и остался в тазу сидеть. До того напугался.

– До чего удивительно, – говорит мама, – что нельзя их оставить одних на минутку.

Нужно же натворить такое!

Нам, конечно, пришлось убирать все самим. И даже пол мыть. А кошка важно ходила вокруг. И посматривала на нас с таким видом, как будто бы собиралась сказать: «Вот, будете знать, что я кошка. А не тюлень и не пингвин».

Через месяц приехал наш папа. Он рассказал нам про Антарктиду, про смелых полярников, про их большую работу, и нам было очень смешно, что мы думали, будто зимовщики только и делают, что ловят там разных китов и тюленей...

Но мы никому не сказали о том, что мы думали.

Про металлолом

Толик вез по улице старую заржавленную кровать. А Маша везла старый заржавленный якорь. Они везут это в школу, поскольку – металлолом.

Толик говорит:

– В моей кровати весу больше, чем в твоём дурацком якоре. Значит, я больше тебя собрал.

Маша говорит:

– Это ещё неизвестно. Мой якорь весь полный, а кровать твоя надутая.

Толик даже остановился.

– Как это то есть надутая?

– Очень просто: мой якорь сплошной, а кровать у тебя не сплошная.

– А какая же у меня кровать? – говорит Толик.

Маша тоже остановилась и говорит:

– У тебя кровать надутая.

– Глупости какие! – говорит Толик. – Как это может такое быть, что она, мячик, что ли?

– Она не мячик, – говорит Маша, – но тем не менее она надутая. Вот эти железки, они ведь внутри пустые. А якорь мой весь внутри полный. Он не надутый, если ты хочешь знать!

– Ржавый твой якорь! – говорит Толик.

– Надутая твоя кровать! – говорит Маша.

– С разбитого корабля твой якорь! – говорит Толик.

В это время шла мимо старушка. Она несла в сумке бананы. Старушка с бананами говорит:

– Положите вы на кровать этот якорь. И вместе все это тащите.

Но Толик сказал:

– Это мой металлолом.

И Маша сказала:

– Это мой металлолом.

– Ах, вот оно что! – сказала старушка. – Я этого и не знала. – И она ушла.

А Толик с Машей сначала удивились, почему так сказала старушка, а потом удивились, почему они так сказали старушке, потому что неважно, чья это кровать и чей якорь. Потому что это для всех.

И они так и сделали, как им сказала старушка с бананами.

Как я всех обмануть хотел

Мне про это рассказывать даже не хочется. Но я все-таки расскажу. Все думали, я и вправду больной, а флюс у меня был не настоящий. Это я промокашку под щеку подсунул, вот щека и раздулась. И вдобавок гримасу соорил: вот, мол, как зуб у меня болит! И мычу слегка; это я все нарочно сделал, чтоб урок не спросили. И Анна Петровна поверила мне. И ребята поверили. Все жалели меня, переживали. А я делал вид, что мне очень больно.

Анна Петровна сказала:

– Иди домой. Раз у тебя так зуб болит.

Но мне домой совсем не хотелось. Языком промокашку во рту катаю и думаю: «Здорово обманул я всех!»

Вдруг Танька Ведеркина как заорет:

– Ой, смотрите, флюс у него на другой стороне!

Как тетя Фрося разрешила спор

Заспорили во дворе ребята, кто больше всех загорел за лето.

– Я больше всех загорел, – сказал Вова.

– Нет, я, – сказал Петя.

– У тебя уши белые, – сказал Вова.

– Уши не в счет, – сказал Петя, – я в шляпе ходил.

– Нет, в счет! Ты без ушей загорал, а я вместе с ушами! Значит, я больше всех загорел.

Кого хочешь спроси.

Спросили Лешу.

– Больше всех я загорел, – сказал Леша.

– Ты не загорелый, а грязный.

– Сами вы грязные!

– Кого хочешь спроси, каждый скажет: ты грязный.

Спросили Алика.

– Больше всех я загорел, – сказал Алик.

А тетя Фрося сказала:

– Какие вы все загорелые!

И никто больше спорить не стал.

Чего зря спорить!

Кому что удивительно

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж не удивительно!» – даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу... Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

«Подумаешь! Ну и что же? Вот уж не удивительно!»

Я все старался ее удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я из рогатки попал в воробышка.

Научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она все это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она все не удивлялась.

А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не видел Таньку. А она говорит:

– Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

Подходящая вещь

Я занимаюсь в столярном кружке. Очень мне нравится это дело.

Недавно я стол смастерил. Только плохой стол вышел. Мы его с Вовкой сломали – стул сделали.

И стул какой-то кривой получился. Не научились, наверное, стулья делать.

Сломали стул – сколотили скамейку. И скамейка нам не понравилась.

Тогда мы решили скворечню сделать. Тоже немало пришлось потрудиться; в конце концов получилась скворечня.

– Ну что это за вещь? – говорят ребята. – Какая же это вещь?

Повесили мы скворечню на дерево. Вскоро и скворец прилетел. Поселился в нашей скворечне. Раз скворец в ней живет, значит, вещь подходящая.

Мы с Вовкой так думаем.

Премия

Оригинальные мы смастерили костюмы – ни у кого таких не будет! Я буду лошастью, а Вовка рыцарем. Только плохо, что он должен ездить на мне, а не я на нем. И все потому, что я чуть младше. Видите, что получается! Но ничего не поделаешь. Мы, правда, с ним договорились: он не будет на мне все время ездить. Он немножко на мне поедит, а потом слезет и будет меня за собой водить, как лошадей за уздечку водят.

И вот мы отправились на карнавал. Пришли в клуб в обычных костюмах, а потом переоделись и вышли в зал. То есть мы въехали. Я полз на четвереньках. А Вовка сидел на моей спине. Правда, Вовка мне помогал – по полу перебирал ногами. Но все равно мне было нелегко.

К тому же я ничего не видел. Я был в лошадиной маске. Я ничего совершенно не видел, хотя в маске и были дырки для глаз. Но они были где-то на лбу. Я полз в темноте. Наткнулся на чьи-то ноги. Раза два налетал на колонну. Да что и говорить! Иногда я встряхивал головой, тогда маска съезжала, и я видел свет. Но на какой-то миг. А потом снова сплошная темень. Ведь не мог я все время трясти головой!

Я хоть на миг видел свет. Зато Вовка совсем ничего не видел. И все меня спрашивал, что впереди. И просил ползти осторожнее. Я и так полз осторожно. Сам-то я ничего не видел. Откуда я мог знать, что там впереди! Кто-то ногой наступил мне на руку. Я сейчас же остановился. И отказался дальше ползти. Я сказал Вовке:

– Хватит. Слезай.

Вовке, наверное, понравилось ездить, и он не хотел слезать. Говорил, что еще рано. Но все же он слез, взял меня за уздечку, и я пополз дальше. Теперь мне уже было легче ползти, хотя я все равно ничего не видел.

Я предложил снять маски и взглянуть на карнавал, а потом надеть маски снова. Но Вовка сказал:

– Тогда нас узнают.

Я вздохнул и пополз дальше.

– Наверное, весело здесь, – сказал я. – Только мы ничего не видим...

Но Вовка шел молча. Он твердо решил терпеть до конца. Получить первую премию.

Мне стало больно коленкам. Я сказал:

– Я сейчас сяду на пол.

– Разве лошади могут сидеть? – сказал Вовка. – Ты с ума сошел! Ты же лошадь!

– Я не лошадь, – сказал я. – Ты сам лошадь.

– Нет, ты лошадь, – ответил Вовка. – И ты знаешь прекрасно, что ты лошадь. Мы не получим премии!

– Ну и пусть, – сказал я. – Мне надоело.

– Не делай глупостей, – сказал Вовка. – Потерпи.

Я подполз к стене, прислонился к ней и сел на пол.

– Ты сидишь? – спросил Вовка.

– Сажу, – сказал я.

– Ну ладно уж, – согласился Вовка. – На полу еще можно сидеть. Только смотри не сядь на стул. Тогда все пропало. Ты понял? Лошадь – и вдруг на стуле!..

Кругом гремела музыка, смеялись.

Я спросил:

– Скоро кончится?

– Потерпи, – сказал Вовка, – наверное, скоро...

Вовка тоже не выдержал. Сел на диван. Я сел рядом с ним. Потом Вовка заснул на диване. И я заснул тоже.

Потом нас разбудили и дали нам премию.

Разговор по телефону

Надумали мы позвонить Анне Павловне, нашей учительнице. Не то чтобы нам нужно было позвонить, нам совсем не нужно было звонить, нам просто так захотелось поговорить по телефону с Анной Павловной, тем более что мы с Анной Павловной по телефону никогда не говорили.

Мы влезли в будку-автомат вдвоем с Вовкой, и Вовка стал набирать номер, а я должен был говорить. Вот Вовка набрал номер, и я слышу в трубке голос Анны Павловны. Я растерялся и говорю:

– Кто говорит?

И Анна Павловна говорит:

– Кто говорит?

Я совсем растерялся и говорю:

– Я говорю.

Анна Павловна засмеялась в трубку и спрашивает:

– Это ты, Звездочкин?

Значит, тоже узнала меня.

Я отвечаю:

– Ага, это я, Звездочкин!

А Вовка меня в бок толкает и что-то советует. А я его рукой отстраняю: мол, не мешай разговаривать.

Анна Павловна говорит:

– Ну, я тебя слушаю, Звездочкин.

Я говорю:

– И я вас тоже слушаю, Анна Павловна! Ох и хорошо слышно!

Анна Павловна спрашивает:

– Ты что-нибудь хочешь спросить у меня? Так ты спрашивай. Не стесняйся.

Я кричу:

– Я ничего не хочу спросить! Я с Вовкой!

– Значит, Вова хочет спросить что-нибудь?

– Не! Вовке нечего спрашивать. Он просто так стоит!

– Зачем же вы тогда звоните?

Тут я опять растерялся. И Вовку шепотом спрашиваю:

– Мы зачем звоним?

А он пожимает плечами. И молчит. А я на Вовку смотрю и не знаю, что мне отвечать. Нельзя же мне говорить такое, что мы просто так звоним. И Анна Павловна тоже молчит и ждет, что я отвечу. Вот ведь попал в положение!

Вовке-то ничего, он стоит себе, а мне отвечать нужно! Я взял и дал Вовке трубку. Он тоже растерялся и на меня смотрит. Только рот раскрыл. И ни слова. Потом протягивает мне трубку, а из трубки гудки гудят.

Я на него набросился:

– Это ты, говорю, виноват! Нужно сразу было ответить, а ты молчал!

А он только руками развел.

– Что бы я ответил?

И действительно, отвечать было нечего. Раз мы низачем звонили. И я все думал о том, что я завтра скажу Анне Павловне, когда она спросит, зачем я звонил.

Огурцы

Мы с Вовкой сидим на бревнах, беседуем и огурцы едим. Такие замечательные, свежие огурцы. Мы каждый год с ним сидим на бревнах и едим огурцы.

– Эх, – говорю, – как-то скучно летом. Сплошные каникулы и огурцы!

– Мне каникулы нравятся, – говорит Вовка, – но не очень.

– Не очень-то и мне нравятся, а вот чтобы очень, так вовсе не нравятся.

– Сплошное безделье. На то и лето!

– Сплошное лето, вот именно!

Вот так мы сидим с Вовкой на бревнах и разговариваем. И едим свежие огурцы.

И вдруг видим соседку Машу. Она что-то в земле копается. Непонятно зачем.

Я ей кричу:

– Что ты там делаешь?

Она говорит:

– Огурцы поливаю.

Вовка вынул из кармана огурцы и говорит:

– Вот. Пусть тоже растут на здоровье!

И я вынул два огурца из кармана. И сказал то же самое, чтобы они на здоровье росли.

– Эх вы, – говорит Маша, – только есть можете!

– В чем дело? – говорит Вовка.

– Это вдруг почему, – говорю, – только есть можем?

– Сразу видно, – говорит Маша.

Я смотрю на Вовку, а Вовка смотрит на меня, и ни я, ни он, конечно, не видим, чтобы у нас что-нибудь было видно.

– Закопайте свои тапочки, – смеется Маша, – авось новые вырастут к осени.

Две шапки

Когда моя мама куда-нибудь отлучается, Вовка приходит ко мне, а когда его мама куда-нибудь отлучается, я к нему прихожу. И мы что-нибудь делаем.

Один раз мы с ним сидим, в окно смотрим, а за окном дождь идет.

Я говорю:

– Давай что-нибудь делать.

А Вовка говорит:

– Чего?

– Что-нибудь будем делать, – говорю.

– Давай, – говорит Вовка.

– А чего будем делать?

– Не знаю.

– И я не знаю.

Мы посидели, подумали, посмотрели, как дождь идет, посмотрели, как люди ходят под дождем, но ничего не придумали.

Очень сложно что-нибудь делать, когда делать нечего.

Вдруг я как заорю:

– Придумал!

– Чего придумал? – спрашивает Вовка.

– Давай шапки стирать!

– Какие шапки?

Я весь шкаф перерыл, пока шапку нашел. А Вовка смотрел и все спрашивал: «Ты умеешь стирать? Ты умеешь стирать?»

– Да чего тут уметь, – говорю. – Гляди! меховая, лохматая! Кое-где, правда, потерлась. Вокруг головы. А так почти новая шапка. Только сзади прореха. И спереди. И дыра сбоку. Не так чтоб большая дыра. Но заметно. Когда очень близко подходишь. А издали не видно. Хоть целый день смотри. Скоро лето. Потом будет осень. А после зима. Постираем мы наши шапки. Зима подойдет. И мы будем ходить в чистых шапках!

– У меня ведь с собой нет шапки, – говорит Вовка.

– А это что?

– Это фуражка.

– Сначала мою, – говорю, – постираем, а потом твою постираем.

– Зачем мою стирать? Мою не надо стирать, – говорит Вовка.

– Совершенно грязная шапка, – говорю. – Противно смотреть! На твоём месте я постыдился бы появляться в обществе в такой шапке.

– Я ни в каком обществе не появляюсь, – говорит Вовка.

– А на улице, по-твоему, удобно появляться?

– Ну ладно, – говорит Вовка, – твою постираем, а потом мою постираем.

Положил я шапку в корыто. Воды налил. Засучил рукава. Стал мылить шапку.

Вовка мне помогал. Мы ее по очереди мылили до тех пор, пока мыло все не измылилось.

Дальше стали ее полоскать. Мы полоскали ее, полоскали, а потом из корыта вынули и стали ее мыть под краном. Чтоб все мыло из шапки вышло. В корыте вода и так мыльная. Все мыло обратно в шапку лезет.

Мы ее под краном, наверное, целый час мыли. Ухо одно оторвали. Кое-где мех общипали. И дыру сбоку расширили. А так здорово вымыли. Вся как есть чистая стала. Оставалось только сушить.

Вдруг Вовка мне говорит:

– Она, когда высохнет, на голову не полезет.

Я здорово испугался, что она потом не полезет на мою голову, и говорю:

– Что ж ты раньше мне не сказал?

– Я только сейчас вспомнил.

– Почему же ты раньше не вспомнил?

– Не мог. Это не от меня зависит.

– А от кого же это зависит?

– От памяти.

– Ну и память у тебя!

– Память у меня неважная, это верно, – говорит он.

Вот что значит память! Разве я бы стирал свою шапку, знай, что так все получится? А он все знал и забыл. Остается надеть шапку мокрой. Пусть сохнет на голове.

Мы с Вовкой выжали шапку как следует, и я надел ее, и мы пошли играть в шашки. Хотя мы выжимали шапку вовсю, воды в ней осталось много.

Вода текла по лицу и за шиворот. Но я терпел. Другие люди в более тяжелые условия попадают. И ничего. Выдерживают.

Я спокойно играл с Вовкой в шашки, а шапку свою не снимал. Мы сыграли с ним несколько партий. Иногда я мотал головой, и брызги летели во все стороны. Подкладка линяла, и брызги были чернильные. Вовка ежился и ругался.

Вдруг мне пришла в голову мысль такая: «А вдруг, когда она высохнет, с головы не слезет?» Я даже вертеть головой перестал. Хотел Вовку спросить об этом, но мне как-то неудобно стало его обо всем спрашивать, как будто я сам ничего не знаю. Как будто бы он в жизни больше меня понимает. И я молча сидел и думал.

Я думал о многом: о том, сколько времени будет сохнуть моя шапка, о том, как я буду спать в этой шапке, поскольку она сегодня не высохнет, о том, стирают ли шапки вообще, и если стирают, то неужели вот так сидят в мокрых шапках и ждут, когда они высохнут?

Я вспоминал все шапки, какие мне приходилось видеть, представил многих людей в моем положении и почему-то стал сомневаться в том, что шапки вообще кто-нибудь стирает и сушит их таким образом. Я, например, вспомнил шапку папиного знакомого, директора театра, маминога знакомого, ученого... Или, может быть, есть особенные приспособления, этакие болванки, куда натягивают мокрую шапку и сушат ее, может быть, посредством какой-нибудь электрической сушилки?

Я представил себе целый ряд этих болванок, на которых торчат различные шапки, и мне стало очень тоскливо, будто я какая-нибудь болванка, а не Петя Ящиков, ученик первого класса...

– Ну как, – спросил Вовка, – сохнет?

– Неважно, – говорю, – сохнет.

– И чего, – говорит, – тебе в голову пришло эту шапку стирать?

– А тебе чего-нибудь в голову пришло? – говорю.

– Мне ничего не пришло, – говорит Вовка.

– Тогда нечего на других говорить, раз самому ничего в голову не пришло.

Вдруг я вспомнил про Вовкину шапку.

Я встал и сказал:

– Вот что, Вовка, давай твою шапку стирать.

– Ну нет, – говорит Вовка, – я свою шапку стирать не буду.

– Как это так не будешь?

– Моя шапка, – говорит Вовка, – хочу стирать, хочу не стирать.

Я разозлился и говорю:

– Я свою шапку стирал?

– Стирал, – говорит Вовка.

– И ты свою тоже стирай!

– Нет, – говорит Вовка, – свою шапку стирать не буду. Мало ли что я хотел! Сейчас совсем другая ситуация.

– Какая это еще другая ситуация? Ишь ты какой! При одной ситуации хочешь стирать, а при другой не хочешь? А я, по-твоему, при всех ситуациях должен стирать? – Схватил я его и держу. – Стирай, – говорю, – свою шапку!

А он вырывается и орет:

– Не буду! Не буду!

Тогда я его отпустил и говорю:

– Это просто нечестно. Не по-товарищески.

А он надевает свою нестираную шапку и уходит. И на прощание говорит:

– Ты был мой лучший друг. Мне с тобой не хотелось бы ссориться. Но раз так, я уйду.

До свидания, Петя!

И он уходит. И даже хлопает дверью.

А я остаюсь сидеть. В своей мокрой шапке.

Ну разве это товарищ? Какой же это товарищ! Нет, это не по-товарищески.

Беда

Мы решили цветы посадить во дворе. Посадим мы во дворе цветы. Никому не скажем об этом. Пусть цветы постепенно растут. Когда они вырастут, все удивятся. Все скажут: «Цветы сами выросли». И людям польза, и нам приятно.

Посадили мы семена. И ждем.

Долго ждали. Вдруг показалось что-то.

– Гляди, – кричит Вовка, – виднеется!

Я не сразу заметил.

– Где, где, – говорю, – где виднеется?

– Вон, вон, – кричит Вовка, – вон!

– Ой, и вправду виднеется!

– Ой, не могу больше ждать! – кричит Вовка.

Прошел день. Прибегает Вовка весь бледный. Смотрит испуганно. И моргает. Он вообще всегда моргает. Но не так часто.

– Беда, – говорит.

– Где беда?

– Вырос лук.

– Какой лук?

– Зеленый.

Весь день мы печалились, хмурились. Только к вечеру нам стало лучше. Мы слегка успокоились. Все же это беда не большая. Не самая страшная. Лук так лук. Ну и что же? Лук можно есть. А цветы? Цветы есть нельзя. Это каждый знает. Какая же это беда!

Трубачи

Я думал, играть на трубе – пустяк. Дуешь себе, а она играет. Но оказалось, это совсем не так.

Однажды горнист на пляж ушел, а мы с Вовкой его трубу взяли. Поиграем, думаем, две-три песни, а потом на место положим.

Вовка спрашивает:

– Ну, что сыграть?

– Сыграй, – говорю, – про веселый ветер.

– Пожалуйста, – говорит, – у меня слух хороший.

Вовка поднял трубу кверху и стал что есть мочи дуть. Но звука не получилось.

– Наверное, – говорю, – ты слабо дуешь.

– Да нет, – говорит, – я во всю силу дую. – И стал так дуть, что я думал, он лопнет. У него даже уши красные стали.

– А ну, дай-ка мне, – говорю.

Я тоже дул, дул – никакого звука!

– Ты прав, не дудит труба.

– Может, мы не так дуем?

– А как же еще надо дуть?

– Ну, как-нибудь по-другому.

Попробовали мы еще по разу. Все зря. Не дудит труба.

Тут как раз проходит Миша Зябликов. Дали ему подудеть. Может, он сможет.

Миша дунул – тоже ни звука.

Потом еще появились ребята. Они тоже по очереди в трубу дули. А звука все не было.

Потом вдруг Коля дунул – звук вырвался. Слабый звук, но все же. Мы загалдели.

– Пусть объяснит, – кричим, – как это вышло!

А он сам не знает.

– Я, – говорит, – все дул, дул, и вдруг – бац! – загудело!

Сколько он после ни дул – все впустую.

Пришлось положить трубу на место. Испорченная труба – дело ясное.

А вечером вдруг слышим звуки. Переливаются над лагерем, звенят.

Это наш горнист Лева играл на трубе.

Просто чудо!

Совість

Когда-то была у Алеша двойка. По пению. А так больше не было двоек. Тройки были. Почти что все тройки были. Одна четверка была когда-то, очень давно. А пятерок и вовсе не было. Ни одной пятерки в жизни не было у человека. Ну не было – так не было, ну что поделаешь! Бывает. Жил Алеша без пятерок. Рос. Из класса в класс переходил. Получал свои положенные тройки. Показывал всем четверку и говорил:

– Вот, давно было.

И вдруг – пятерка! И главное, за что? За пение. Он получил эту пятерку совершенно случайно. Что-то такое удачно спел – и ему поставили пятерку. И даже еще устно похвалили. Сказали: «Молодец, Алеша!» Короче говоря, это было очень приятным событием, которое омрачилось одним обстоятельством: он не мог никому показывать эту пятерку. Поскольку ее вписали в журнал, а журнал, понятно, на руки ученикам, как правило, не выдается. А дневник свой он дома забыл. Раз так, значит, Алеша не имеет возможности показывать всем свою пятерку. И поэтому вся радость омрачалась. А ему, понятно, хотелось всем показывать, тем более что явление это в его жизни, как вы поняли, редкое. Ему могут попросту не поверить без фактических данных. Если пятерка была бы в тетрадке, к примеру, за решенную дома задачу или же за диктант, тогда проще простого. То есть ходи с этой тетрадкой и всем показывай. Пока листы не начнут выскакивать.

На уроке арифметики у него созрел план: украсть журнал! Он украдет журнал, а утром его принесет обратно. За это время он может с этим журналом обойти всех знакомых и незнакомых. Короче говоря, он улучил момент и украл журнал на перемене. Он сунул журнал себе в сумку и сидит как ни в чем не бывало. Только сердце у него отчаянно стучит, что совершенно естественно, поскольку он совершил кражу. Когда учитель вернулся, он так удивился, что журнала нет на месте, что даже ничего не сказал, а стал вдруг какой-то задумчивый. Похоже было, что он сомневался – был журнал на столе или не был, с журналом он приходил или без. Он так и не спросил про журнал; мысль о том, что кто-то из учеников украл его, не пришла ему даже в голову. В его педагогической практике такого случая не было. И он, не дожидаясь звонка, тихо вышел, и видно было, что он здорово расстроен своей забывчивостью.

А Алеша схватил свою сумку и помчался домой. В трамвае он вынул журнал из сумки, нашел там свою пятерку и долго глядел на нее. А когда он уже шел по улице, он вспомнил вдруг, что забыл журнал в трамвае. Когда он это вспомнил, то он прямо чуть не свалился от страха. Он даже сказал «ой!» или что-то в этом роде. Первая мысль, какая пришла ему в голову, – это бежать за трамваем. Но он быстро понял (он был все-таки сообразительный!), что бежать за трамваем нет смысла, раз он уже уехал. Потом много других мыслей пришло ему в голову. Но это были все такие незначительные мысли, что о них и говорить не стоит.

У него даже такая мысль появилась: сесть на поезд и уехать на Север.

И поступить там где-нибудь на работу. Почему именно на Север, он не знал, но собирался он именно туда. То есть он даже и не собирался. Он на миг об этом подумал, а потом вспомнил о маме, бабушке, своем отце и бросил эту затею. Потом он подумал, не пойти ли ему в бюро потерянных вещей; вполне возможно, что журнал там. Но вдруг возникнет подозрение? Его наверняка задержат и привлекут к ответственности. А он не хотел привлекаться к ответственности, несмотря на то что этого заслуживал.

Он пришел домой и даже похудел за один вечер. А всю ночь не мог уснуть и к утру, наверное, еще больше похудел.

Во-первых, его мучила совесть. Весь класс остался без журнала. Пропали отметки всех друзей. Понятно его волнение. А во-вторых – пятерка. Одна за всю жизнь и та пропала. Нет,

я понимаю его. Правда, мне не совсем понятен его отчаянный поступок, но переживания его мне совершенно понятны.

Итак, он пришел утром в школу. Волнуется. Нервничает. В горле комок. В глаза не смотрит.

Приходит учитель. Говорит:

– Ребята! Пропал журнал. Какая-то оказия. И куда он мог деться?

Алеша молчит.

Учитель говорит:

– Я вроде бы помню, что я приходил в класс с журналом. Даже видел его на столе. Но в то же время я в этом сомневаюсь. Не мог же я его потерять по дороге, хотя я очень хорошо помню, как взял его в учительской и нес по коридору.

Некоторые ребята говорят:

– Нет, мы помним, что журнал лежал на столе. Мы видели.

Учитель говорит:

– В таком случае куда он делся?

Тут Алеша не выдержал. Он не мог больше сидеть и молчать. Он встал и говорит:

– Журнал, наверное, в камере потерянных вещей...

Учитель удивился и говорит:

– Где-где?

А в классе засмеялись.

Тогда Алеша, очень волнуясь, говорит:

– Нет, я вам правду говорю, он, наверное, в камере потерянных вещей... он не мог пропасть...

– В какой камере? – говорит учитель.

– Потерянных вещей, – говорит Алеша.

– Ничего не понимаю, – говорит учитель.

Тут Алеша вдруг почему-то испугался, что ему здорово влетит за это дело, если он сознается, и он говорит:

– Я просто хотел посоветовать...

Учитель посмотрел на него и печально так говорит:

– Не надо глупости говорить, слышишь?

В это время открывается дверь и в класс входит какая-то женщина и в руке держит что-то завернутое в газету.

– Я кондуктор, – говорит она, – прошу прощения. У меня сегодня свободный день – и вот я нашла вашу школу и класс, и в таком случае возьмите ваш журнал.

В классе сразу поднялся шум, а учитель говорит:

– Как так? Вот это номер! Каким образом наш классный журнал оказался у кондуктора?

Нет, этого не может быть! Может быть, это не наш журнал?

Кондукторша лукаво улыбается и говорит:

– Нет, это ваш журнал.

Тогда учитель хватается у кондуктора журнал и быстро листает.

– Да! Да! Да! – кричит он. – Это наш журнал! Я же помню, что нес его по коридору...

Кондукторша говорит:

– А потом забыли в трамвае?

Учитель смотрит на нее широко раскрытыми глазами. А она, широко улыбаясь, говорит:

– Ну конечно! Вы забыли его в трамвае.

Тогда учитель хватается за голову и говорит:

– Господи! Что-то со мной происходит. Как я мог забыть журнал в трамвае? Это ведь просто немыслимо! Хотя я помню, что нес его по коридору... Может, мне уходить из школы? Я чувствую, мне все труднее становится преподавать...

Кондукторша прощается с классом, и весь класс ей кричит «спасибо», и она с улыбкой уходит. А на прощание она говорит учителю:

– В другой раз будьте внимательней.

Учитель сидит за столом, обхватив голову руками, в очень мрачном настроении. Потом он, подперев руками щеки, сидит и смотрит в одну точку. Тогда встает Алеша и срывающимся голосом говорит:

– Я украл журнал.

Но учитель молчит.

Тогда Алеша опять говорит:

– Это я украл журнал. Поймите...

Учитель вяло говорит:

– Да... да... я понимаю тебя... этот твой благородный поступок... но это делать ни к чему... ты хочешь помочь... я знаю... взять вину на себя... Но зачем это делать, мой милый?..

Алеша, чуть не плача, говорит:

– Нет, я вам правду говорю...

Учитель говорит:

– Вы смотрите, он еще настаивает... какой упорный мальчишка... нет, это удивительно благородный мальчишка... Я это ценю, милый, но... раз... такие вещи со мной случаются... нужно подумать об уходе... оставить на время преподавание...

Алеша говорит сквозь слезы:

– Я... вам... правду... говорю...

Учитель резко встает со своего места, хлопает по столу кулаком и кричит хрипло:

– Не надо!

После этого он вытирает слезы платком и быстро уходит.

А как быть Алеше?

Он остается весь в слезах. Пробует объяснить классу, но ему никто не верит.

Он чувствует себя в сто раз хуже, чем если бы был жестоко наказан. Он не может ни есть, ни спать.

Он едет к учителю на дом. И все ему объясняет. И он убеждает учителя. Учитель гладит его по голове и говорит:

– Это значит, что ты еще не совсем потерянный человек и в тебе есть совесть.

И учитель провожает Алешу до угла и читает ему нотацию.

Закутанный мальчик

Этот мальчик был так закутан, что на него нельзя было смотреть без смеха. Поверх всего он был обмотан большим шерстяным платком. Из сплошного клубка одежды торчали лишь нос и два глаза.

- Как ты на коньках катаешься? – спросил я.
- Никак.
- И на лыжах не катаешься?
- Не катаюсь.
- Вот так и стоишь у стены без движения?
- А зачем мне движение?
- Так ты бы лучше дома сидел.
- Я вышел воздухом подышать.
- Научить тебя на коньках кататься?
- Не надо.
- Тебе одежда мешает? Так ты разденься.
- Мне холодно будет.
- На коньках холодно не бывает.
- Мне и так тепло.
- Вот чудак! Ну и стой возле стенки, только смешно смотреть на тебя. Как чучело.
- А вот и нет.
- Как же нет, когда вон ты какой смешной!
- Не смей смеяться, я тебя стукну!
- Как же ты стукнешь? Тебе и руку поднять невозможно.

Я побежал кататься.

Закутанный мальчик очень обиделся, побежал за мной, но сейчас же упал. Он встал, сделал шаг и опять упал.

- Поставьте его у стены, – сказал кто-то, – а то он так будет все время падать.

Мяч и чиж

Настал первый день каникул. Вожатый и октябрюта собрались в школе. Вожатый сказал:

– Мы должны позаботиться, чтоб на каникулах не было скучно.

– Сходим в музей!

– Купим мяч!

– Купим чижа!

На другой день вожатый и октябрюта обсуждали вопрос о хоккейном мяче и чиже для кружка юннатов.

На третий день они не могли решить, что купить: мяч хоккейный или чижа.

На четвертый день во главе с вожатым октябрюта пришли к выводу, что хоккейный мяч нужен ничуть не меньше, чем чиж.

– Мы собираемся в пятый раз, – заявил вожатый на следующий день, – у меня с головой что-то творится.

Октябрюта на это ответили:

– У нас тоже головы не чугунные. Но мы должны решить этот вопрос.

И решили, что чиж – чудесная птица, но и мяч хоккейный – хорошая штука.

На шестой день октябрюта с вожатым были склонны купить хоккейный мяч, если бы не имели в виду чижа.

На седьмой день они заседали, как прежде, и вопрос стоял о мяче и чиже. Только пока еще не было ясно, что именно лучше купить.

На восьмой день вожатого не пустила мама, он переутомился и слег в постель.

На девятый день октябрюта пришли к вожатому. Он, приподнявшись с постели, сказал:

– Вопрос решен. Мы купим чижа. Каникулы завтра кончаются, хоккейный мяч уже ни к чему... тем более что его самим можно сделать.

Как мы в трубу лазали

Большущая труба валялась на дворе, и мы на нее с Вовкой сели. Мы посидели на этой трубе, а потом я сказал:

– Давай-ка в трубу полезем. В один конец влезем, а выйдем с другого. Кто быстрее вылезет.

Вовка сказал:

– А вдруг мы там задохнемся?

– В трубе два окошка, – сказал я, – как в комнате. Ты же в комнате дышишь?

Вовка сказал:

– Какая же это комната, раз это труба? – Он всегда спорит.

Я полез первым, а Вовка считал. Он досчитал до тринадцати, когда я вылез.

– А ну-ка я, – сказал Вовка.

Он полез в трубу, а я считал. Я досчитал до шестнадцати.

– Ты быстро считаешь, – сказал он, – а ну-ка еще!

И он снова полез в трубу.

Я сосчитал до пятнадцати.

– Совсем там не душно, – сказал он, – там очень прохладно.

Потом к нам подошел Петька Ящиков.

– А мы, – говорю, – в трубу лазаем! Я на счете тринадцать вылез, а он на пятнадцати.

– А ну-ка я, – сказал Петя.

И он тоже полез в трубу.

Он вылез на восемнадцати.

Мы стали смеяться.

Он снова полез.

Вылез он очень потный.

– Ну как? – спросил он.

– Извини, – сказал я, – мы сейчас не считали.

– Что же, значит, я даром полз?

Он обиделся, но полез снова.

Я сосчитал до шестнадцати.

– Ну вот, – сказал он, – постепенно получится.

И он снова полез в трубу.

В этот раз он там долго полз. Чуть не до двадцати. Он разозлился, хотел опять лезть, но я сказал:

– Дай другим полезть, – оттолкнул его и полез сам.

Я набил себе шишку и долго полз. Мне было очень больно. Я вылез на счете тридцать.

– Мы думали, что ты пропал, – сказал Петя.

Потом полез Вовка. Я уже до сорока сосчитал, а он все не вылезает. Гляжу в трубу – там темно. И другого конца не видно.

Вдруг он вылезает. С того конца, в который влез. Но вылез он головой вперед. А не ногами. Вот что нас удивило!

– Ух, – говорит Вовка, – чуть не застрял...

– Как это ты повернулся там?

– С трудом, – говорит Вовка, – чуть не застрял...

Мы здорово удивились.

Тут подошел Мишка Меньшиков.

– Чем вы тут, – говорит, – занимаетесь?

– Да вот, – говорю, – в трубу лазаем. Хочешь полезть?

– Нет, – говорит, – не хочу. Зачем мне туда лазать?

– А мы, – говорю, – туда лазаем.

– Это видно, – он говорит.

– Чего видно?

– Что вы туда лазали.

Глядим мы друг на друга. И вправду видно. Мы все как есть в красной ржавчине. Все как будто заржавели. Просто жуть!

– Ну я пошел, – говорит Мишка Меньшиков.

И он пошел.

А мы больше в трубу не полезли. Хотя мы уже все были ржавые. Нам все равно уже было. Лезть можно было. Но мы все равно не полезли.

Спина, которая загорела

В пионерлагере я решил загорать. Пусть все скажут: смотрите! Каким был, а каким стал! Кто куда, а я майку долой, чтоб никто не заметил. И ползком, ползком в сторону. В первый день солнца не было. И я все под дождем сидел. Зря, правда. Но я думал, солнце появится. Один день, в общем, зря пропал. Ну а потом пошло дело. Солнце всю светило. И я всю загорел. Спина просто черная стала. Как раз время всем показать.

Показываю спину Славке. А он ничего не говорит.

– Ты что, не видишь, – говорю, – спина у меня какая?

Он внимательно посмотрел и говорит:

– Пупырчатая.

– А еще что видишь?

– А-а-а... – говорит, – теперь вижу.

И как даст мне по спине ладонью!

– Большой комар, – говорит, – сидел.

– Да ты еще погляди.

– Больше нет комаров, – говорит.

И ушел.

Показал спину Димке.

– Видишь?

– Вижу, – говорит. – Спина.

– А больше ты ничего не видишь?

– Ничего там больше нет, – говорит.

Поругались мы с ним.

Степку встретил. Показываю ему спину.

– Видал? – говорю.

– И я так могу, – говорит.

И тоже выгнул спину.

Я как заору:

– Да что ты – не видишь, что спина у меня загорелая?!

– Ну и что? – говорит.

Повернулся и пошел. Смотрю я на его спину и вижу, что она у него здорово загорелая. Ничуть не меньше моей. Только вот почему он ее никому не показывает – непонятно!

Не везет

Прихожу я домой из школы. В этот день я как раз двойку получил. Хожу по комнате и пою. Пою себе и пою, чтоб никто не подумал, что я двойку получил. А то пристанут еще: «Почему ты мрачный, почему ты задумчивый?» Отец говорит: «Чего он орет?» А мама говорит: «У него, наверное, веселое настроение, вот он и поет». Отец говорит: «Наверное, пятерку получил, вот и весело на душе человеку. Всегда весело на душе, когда какое-нибудь хорошее дело сделаешь». Я как это услышал, еще больше заорал. Тогда отец говорит: «Ну ладно, Вовка, порадай отца, покажи свой дневник». Тут я сразу петь перестал. «Зачем?» – спрашиваю. «Да ладно уж, – говорит отец, – показывай, чего там, я вижу, тебе очень хочется дневник показать». Берет он у меня дневник, видит там эту двойку и говорит: «Ты гляди, получил двойку и поет! Этого еще не хватало! Что он, с ума сошел? Ну-ка, Вова, иди сюда! У тебя, случайно, нет температуры?» – «Нет у меня, – говорю, – никакой температуры...» Отец развел руками и говорит: «Тогда придется тебя наказать за это пение...»

Вот как мне не везет!

Надоедливый Миша

Миша выучил наизусть два стихотворения, и не стало от него покоя. Он залезал на табуретки, на диваны, даже на столы и, мотнув головой, начинал сразу читать одно стихотворение за другим.

Один раз он пошел на елку к девочке Маше, не снимая пальто, влез на стул и стал читать одно стихотворение за другим. Маша даже сказала ему: «Миша, ты же не артист!» Но он не слышал, дочитал все до конца, слез со стула и был такой довольный, что даже удивительно!

А летом он поехал в деревню. В саду у бабушки был большой пенек. Миша залезал на пенек и начинал читать бабушке одно стихотворение за другим.

Надо думать, как он надоел своей бабушке!

Тогда бабушка взяла Мишу в лес. А в лесу была вырубка. И тут Миша увидел такое количество пней, что у него глаза разбежались.

На какой пенек становиться?

Он здорово растерялся!

И вот такого растерянного бабушка его привела обратно.

И с тех пор он не читал стихотворений, если у него не просили.

Как я боялся

Когда я впервые шел в школу первого сентября в первый класс, я очень боялся, что меня там будут сразу что-нибудь сложное спрашивать.

Например, спросят: сколько будет 973 и 772? Или: где находится такой-то город, который я не знаю, где он находится. Или заставят быстро читать, а я не смогу – и мне поставят двойку.

Хотя родители меня уверяли, что ничего подобного не произойдет, я все равно волновался.

И вот такой взволнованный, растерянный, даже напуганный я вошел в класс, сел за парту и тихо спросил своего соседа:

– Писать умеешь?

Он покачал головой.

– А девятьсот семьдесят три и семьсот семьдесят два можешь сложить?

Он покачал головой и испуганно на меня посмотрел.

– А быстро умеешь читать?

Он совсем перепугался, чуть под парту не полез. Читать он совершенно не умел.

Я кое-как читать умел, но все равно боялся.

В это время учительница спросила меня, как моя фамилия, а я решил, что меня сейчас заставят быстро читать или слагать большие цифры, и сказал:

– Я ничего не знаю!

– Чего не знаешь? – удивилась учительница.

– Ничего я не знаю! – крикнул я испуганно.

– А как зовут тебя, знаешь?

– Не знаю! – сказал я.

– Ни фамилии своей, ни имени не знаешь?

– Ничего не знаю! – повторил я.

В классе засмеялись.

Тогда я сквозь шум и смех класса крикнул во все горло:

– Свою фамилию и свое имя я знаю, но больше я ничего не знаю!

Учительница улыбнулась и сказала:

– Кроме имени и фамилии, никто вас больше спрашивать ни о чем не будет. Пока еще никто из вас почти ничего не знает. Для этого вы и пришли в школу, чтобы учиться и все знать. Вот с сегодняшнего дня мы и начнем с вами учиться.

Тогда я смело назвал свою фамилию и свое имя.

Мне даже смешно стало, что я сначала боялся.

А сосед мой назвал свое имя и фамилию раньше, чем его об этом спросили.

Елка и заяц в придачу

Я люблю Новый год! В Новый год всюду елки. В Новый год всегда весело. В Новый год всем подарки дают. У нас много игрушек в ящике, много разных шаров, золотых цепей. Скорей бы их все на елку! Сегодня мама сказала:

– Пойдем сходим за елкой.

Я оделся, и мы пошли.

Навстречу нам мальчик вез елку на санках. У него была очень хорошая елка. Густая.

– Вот такую хочу! – крикнул я.

– Хорошая елка, – сказала мама.

Она спросила, где мальчик купил свою елку.

– За углом, – сказал мальчик. – Вон там, за углом. Целый час выбирал.

Он был очень доволен.

– Спасибо, – сказала мама.

– Пожалуйста, – сказал мальчик. – Вон там, за углом. – Он махнул рукой. – На автобусе.

Шесть остановок.

Мы с мамой сели в автобус.

Там елки только что кончились. На снегу валялось несколько веток.

– У меня суп на плите, – сказала мама. – У меня в тазу мокнет рыба. Я не могу таскаться за елкой. Придется ждать папу.

Мы вернулись домой без елки.

Папа был дома. Он сразу решил:

– Едем к Коле. Подыщем там елку. Там сейчас трассу прокладывают. Рубят лес.

Дядя Коля – папин брат. Он лесник.

Я люблю ездить в гости к дяде Коле. Я там в лесу зайца видел. У дяди Коли суп из сушеных грибов. Сколько хочешь варенья.

Я запрыгал от радости и запел:

– Я еду к дяде Коле, где зайцы и разные птицы, варенье, и елки, и суп из сушеных грибов!

– И охота вам, – сказала мама, – тащиться в такую даль! За какой-то елкой, когда можно купить елку в городе.

– Ты в городе с ним уже была. И почему-то вернулась без елки! Ребенку нужна срочно елка! Новый год на носу, а он без елки!

– Ну да! – сказал я. – Как же так!

– У нас вечером гости, – сказала мама. – Ты не забыл?

Мама сердится.

Папа уже в пальто и шапке.

– Мы успеем еще сто раз вернуться. К двенадцати-то уж мы вернемся!

Ох и люблю я папу! Он-то знает, как мне нужна елка. Он-то знает!

В поезде было много народу. Я занял место возле окна. Шел снег. Потом снег пошел такой сильный, что залепил все окно, и в вагоне стало совсем темно.

Кто-то сказал:

– Ишь повалил!

«Вот и хорошо! – думал я. – Ох и здорово! Сколько снегу! Вот это зима! Эх и покатаюсь же я на санках! Эх и поваляюсь в снегу! Давай, снег, иди, иди! У меня завтра начнутся каникулы. Мне нужен снег. Много снегу!»

И снег все шел за окном и шел. Как будто бы он для меня старался. Я все всматривался в окно, дышал на стекло, чтобы хоть что-нибудь увидеть.

Мне показалось, что я вижу лес, и я крикнул:

– Вон елки! Вон елки!

– Ишь крикун, – сказал кто-то.

– Мы едем за елкой, – пояснил папа. – Вот он и обрадовался.

– Рубить? – спросил дед в полушубке.

– Ага, – сказал папа.

– Не советую, – сказал дед.

– Почему? – удивился папа.

– Он еще спрашивает, – сказал дед. – Вы что, не понимаете? Ваш сын может еще не понять. Но выто, конечно, должны понять. Вам-то должно быть понятно. Поймите! Ведь пока елка вырастет, пройдут годы! А ее топором. Что уж тут не понять!

– Да погодите вы, – говорит папа. – Я вас понял. И с вами согласен. Но тут дело совсем другого рода. Мы не такие варвары...

– А топорик с собой прихватили, да?

– Дайте сказать! Вот заладили!

Дед махнул рукой и замолчал.

– Мы знаем, – сказал я, – где можно рубить. И дядя Коля знает.

– Ну, рубите, рубите, – сказал дед. – Только как вы ее повезете? Любой вас остановит.

– У нас будет квитанция, – сказал папа. – Успокойтесь, пожалуйста.

– Я-то спокоен, а вот как вы? Едете на такое дело!

– Да успокойтесь вы, – говорит папа.

– Я-то спокоен, – говорит дед.

– Не беспокойтесь, – говорю я.

– Вот еще! – говорит дед. – Он меня успокаивает. Полюбуйтесь!

– Вы посмотрите! – сказала какая-то женщина. – Какие растут боевые дети! Прямо диву даешься.

Поезд подходил к станции. Дед стал собираться. Он взвалил на спину мешок, сказал: «Ну и народ!» – и, не попрощавшись ни с кем, ушел.

– Суровый дед, – сказал кто-то.

– Не щадят лес, – сказал толстый дядька.

Тогда папа всем рассказал про дорогу, как прокладывают ее в лесу, потому рубят лес, – и все были довольны.

А толстый дядька дал мне конфету. И пожелал чудесной елки. И успокоил папу, чтоб он не расстраивался.

Потом в вагоне зажегся свет. У папы шапка свалилась на пол. А он спит себе. Я поднял шапку, папа проснулся.

– Я беспокоюсь, – говорит папа, – успеем ли мы вернуться.

– Успеем, – говорю я.

Я стараюсь увидеть в окно что-нибудь. Но я ничего не вижу. Иногда проносятся огоньки. И это все. Все-таки в поезде ехать скучно. Сначала кажется интересно, а потом вовсе неинтересно. Особенно если ночью едешь. Днем хоть в окно что-нибудь увидишь, а ночью так ничего не увидишь. Я думал о том, сколько нам еще ехать, как вдруг папа мне говорит:

– Ну, вот мы и приехали!

Мы выходим на станцию. Звезд в небе полным-полно. И легкий снежок летает. Тишина.

– Ох и темень же, – говорит папа, – кажется, нужно сюда, в эту сторону.

Мы идем по дорожке между елками, и папа освещает путь фонариком. Мне трудно идти. Сколько снегу! Я иду по колено в снегу. Потом папа берет меня на руки.

– Ох и тяжелый же, – говорит папа; он поднимает меня и сажает на плечи. И вот так мы идем.

Вон дом дяди Коли. Одно окно светится. Значит, он дома.

Стучим в окно.

Дядя Коля – огромный, до потолка. У него большущая борода, как у Деда Мороза. У дяди Коли большие руки. Он протягивает нам руки. Улыбается. Обнимает нас. Папа ему говорит:

– Вот, неожиданно-негаданно!

Я сразу спрашиваю:

– Есть суп с грибами?

– Есть, – отвечает дядя Коля.

– А варенье?

– Конечно есть.

– А в лесу волки есть?

– Для тебя все есть, – говорит дядя Коля.

Дядя Коля нас угощает. У дяди Коли все очень вкусное. Я бы все ел и ел – до того все вкусно!

– Ребенок объестся, – говорит папа.

– Не мешайте ему, – говорит дядя Коля. – Он знает, что делает.

Я, конечно, знаю, что делаю. Я прошу еще варенья. Дядя Коля дает мне еще варенья. И я чувствую, что уже не хочу.

– Он совсем мало ест, – говорит дядя Коля.

Я съедаю свое варенье. И мы все идем за елкой.

Я всматриваюсь в темноту. Елок здесь много. Но мне хочется зайца увидеть. Но я зайца нигде не вижу. Как ни всматриваюсь в темноту.

Дядя Коля нам говорит:

– Вот здесь строят дорогу. Она пройдет через весь этот лес. Это будет большая дорога. Я всю жизнь прожил здесь в лесу. Со зверями и птицами. Для меня это чудо какое-то.

– Выбери елку нам, – говорит папа, – а то мы не успеем на поезд. Ты не знаешь, когда последний поезд?

Дядя Коля нам выбирает елку.

Мы идем с елкой на станцию. Дядя Коля нас провожает.

Он не хочет, чтоб мы уезжали. Попозже приедет тетя Вера. Она привезет гостинцев из города. И мы можем здесь встретить Новый год.

– Мы с удовольствием, – говорит папа. – Но ведь ты знаешь Варвару. Потом, у нас гости. Мы обещали вернуться.

Дядя Коля хочет, чтоб мы остались, но он прекрасно знает Варвару. И не обижается.

Дядя Коля нас провожает до станции.

Мы стоим на перроне, а дядя Коля пошел узнать, скоро ли будет поезд. Он возвращается и говорит, что там что-то случилось на линии, там какой-то снежный занос, поездов пока в город не будет. Из города, может быть, будет поезд, но, может быть, тоже не будет. Так что тетю Веру мы ждать не будем. А сейчас же сядем за стол в избе и проводим пока старый год.

– Боже мой, – говорит папа, – нас ждут гости. Нас ждет Варвара. Все ждут нашей елки. Какой скандал!

– Мы позвоним туда со станции.

Дядя Коля идет звонить.

– Ну вот и все, – говорит дядя Коля. – Я все объяснил, и все в порядке.

– Что сказала Варвара? – волнуется папа.

– Она поздравила всех с Новым годом.

– Это правда? – говорит папа.

– Еще бы, – смеется дядя Коля.

Мы идем обратно. Мне, конечно, жалко маму. Она о нас там беспокоится. Она всегда о нас беспокоится. Но, в конце концов, мы мужчины. Мы встретим здесь Новый год, в лесу. К тому же здесь не так плохо. Здесь даже, по-моему, хорошо.

Входим в дом.

– Ну, как ты ведешь себя? – спрашивает дядя Коля.

– Ой, – говорю, – хорошо веду!

– Это правда?

– Как будто, – говорит папа.

Вот он какой, мой папа! Он никогда меня не подведет!

Дядя Коля ходит по комнате и что-то ищет. Он что-то ищет, а я смотрю и, конечно, не знаю, что он ищет. Дядя Коля просунул руку за шкаф, и вдруг я вижу: он держит зайца! Настоящий заяц! С большими ушами!

Я всю жизнь мечтал о зайце!

Я взял зайца и крепко держу. Такой симпатичный заяц! Ну просто прелесть!

Дядя Коля мне говорит:

– Ты не жми его так. А то задушишь. Ты держи его за уши.

– Как это так – держать зайца за уши? Если меня, например, держать за уши?

Дядя Коля смеется:

– Вот чудак! Он же заяц! Держи его за уши!

Но я не стал держать зайца за уши. Хоть он и заяц. Мало ли что он заяц!

Вдруг заяц вырвался и побежал.

– Вот видишь, – смеется дядя Коля. – Нужно было держать его за уши!

Я искал зайца по всей избе. Опрокинул банку с вареньем.

Папа сказал:

– Зря ты дал ему этого зайца. Он теперь тут все перевернет.

– Пусть радуется, – говорит дядя Коля, – пусть себе переворачивает. Пока Веры нет.

Папа ставит елку в угол.

Я ищу зайца.

– Отдохни немного, – говорит папа, – ты погляди, какая елка!

Елка вся в тепле оттаяла и искрится.

Папа повесил на елку конфеты. Дядя Коля берет будильник и вешает его тоже на елку.

Будильник тикает на елке.

Дядя Коля опять накрывает на стол. А папа вздыхает.

– Как все получилось, – говорит он. – Как-то странно все получилось.

– Ты не рад? – спрашивает дядя Коля.

– Нет, я рад, – отвечает папа.

– Так в чем же дело?!

Я тоже рад.

Я ищу под кроватью зайца. Вон он там в угол забился. Сейчас я его достану!

Я очень рад. Как я могу быть не рад? Я так рад! У меня такой замечательный заяц! Такая елка! Вы просто не знаете, как я рад!

Папа просит еще позвонить домой.

Дядя Коля идет второй раз на станцию, возвращается и говорит: тетя Вера у нас, они с мамой готовятся к Новому году, они будут вместе встречать Новый год, и все, в общем, в порядке.

– Не совсем в порядке, – вздыхает папа.

– Да ну тебя, – говорит дядя Коля.

– А гости? – спрашивает папа.

– И гости там, – говорит дядя Коля.

– Черт знает что, – вздыхает папа, – они там, а мы здесь...

– Да что ты, – говорит дядя Коля, – наоборот: мы здесь, а они там.

Подумаешь, гости! Они и без нас обойдутся. Зато у меня заяц есть. А был бы я дома с гостями? Не было бы никакого зайца. Я, правда, люблю, когда гости. Но зайца я даже больше люблю.

Дядя Коля наливает вино в бокалы и говорит:

– Скоро будет двенадцать. Мы выпьем за Новый год. Самый лучший и самый счастливый...

А я беру зайца за уши, тихонько открываю дверь и выпускаю его в лес.

Пусть он встречает Новый год со своими зайцами.

Я сейчас приду

– Ты умеешь читать? – спросил я Ваню.

– Умею, – ответил Ваня.

– Прочти-ка вот здесь, – сказал я и дал ему в руки книжку.

Ваня вернул мне книжку и тихо сказал:

– Я сейчас приду...

Я долго ждал Ваню, но он не вернулся.

Я нашел Ваню в кухне. Увидев меня, он хотел влезть в ведро. Он, наверное, думал в нем спрятаться.

Я остановил его.

– В чем дело? – спросил я. – Что с тобой?!

– Я не умею читать... – сознался Ваня.

Команда

Скоро выйдем на лед в боевом составе!

Коля и Витя выздоровели от гриппа. Митя выздоровел от коклюша. Андрюша тоже выздоровел. Гена приехал из Москвы, где он жил с родителями три года. Саша, загорелый как черт, вернулся с отцом, послан, из Индии.

Сашу мы никак не ожидали. Хоккейная команда из шести человек состоит, а он седьмым оказался, то есть лишним.

Мы ему спокойно объясняем:

– Ты извини нас, но ты седьмой. Мы тебя не можем включить в свою команду. Откуда мы знали, что ты приедешь!

– В какую команду? – спрашивает.

– Известно в какую, не в пожарную же!

– А зачем мне в команду? – спрашивает.

Мы как заорем:

– Да ты что?! В команду не хочешь?!

Он перепугался и говорит:

– Хочу, хочу!

– Но мы тебя взять не можем.

– Почему?

– Вот чудак, потому что ты седьмой!

– А вы какие? – спрашивает.

– Мы укомплектованная команда.

Он в затылке почесал и говорит:

– А я?

– А ты седьмой!

– Ну и что?

Мы ему говорим:

– Раз ты русских слов не понимаешь, мы тебя даже запасным не возьмем.

Он рот скривил, весь задрожал от злости, сплюнул в нашу сторону и говорит:

– Катитесь-ка вы все от меня колбаской!

Красный стал. Так ничего и не понял.

Оказалось, мы еще забыли Толика. Он такой тихий, и мы его из виду выпустили.

– Может быть, шахматами займешься? – спрашиваем.

– Могу, – говорит, – и шахматами заняться.

– А мы тебя хотели в команду взять.

– Ладно, – говорит, – берите.

– Только у нас места нет.

– Ну и не надо, – говорит, – не берите.

– Ты ведь даже не знаешь, какая у нас команда!

– Берите, мне не жалко, – говорит.

– И нам не жалко, только ты, пожалуйста, не переживай.

– Да я и не переживаю.

– Знаем мы тебя. На вид не переживаешь, а внутри с ума сходишь.

– Тогда берите, – говорит.

– Сознайся, правда ведь с ума сходишь по нашей команде?

Он молчит.

Мы к нему всю пристали, чтобы сознался.

Он молчал, молчал, а потом головой мотнул – сознался.

Мы его запасным взяли.

Настал день встречи с соседним двором.

Светит солнце. Тепло. С крыш каплет. Настроение у нас боевое. Спортивная форма на высоте. А вместо катка лужа...

Саша, загорелый как черт, ходит вокруг лужи и улыбается.

Коля говорит Вите:

– Когда мы с тобой гриппом болели, лужи не было. Может быть, это Сашина работа? Может быть, он солью посыпал?

Ни с того ни с сего над Митей стали смеяться:

– Эх ты, из-за своего коклюша весь хоккей прокашлял!

Он разволновался и снова закашлял.

Андрюша встал в лужу и говорит:

– Тут еще немножечко льда осталось, может быть, все-таки удастся сыграть?

Хотя ясно, что не удастся.

Гена говорит:

– Если бы я знал, я бы из Москвы не уезжал, там совсем другая обстановка. – И со всей силой швырнул сосулькой в смеющегося Сашу.

Мы долго вели разговоры, все в том же духе, никак не могли от лужи отойти.

Вдруг Витя говорит:

– Ребята! Давайте футбольную команду собирать, раз так вышло.

Его все поддержали, даже обрадовались.

Мы стали тут же футбольную команду собирать, чтобы в долгий ящик не откладывать. По всем правилам – одиннадцать человек.

Гена кричит Саше:

– Иди сюда! Не бойся!

Тот не идет.

Мы ему кричим:

– Иди, иди сюда, мы тебе ничего не сделаем!

Он не идет.

– Я! – кричит. – Могу! Вас всех! Такой сосулькой забросать! Что вы у меня вдребезги разлетитесь!!!

– Да никто в тебя сосулькой бросать не собирается, у нас к тебе дело есть!

– Я с вами никаких дел иметь не желаю! – отвечает. – Я вас еще сосульками не так закидаю, подождите!

– Да отстань ты со своими сосульками, – говорим, – закидай, пожалуйста, у нас к тебе серьезное предложение.

А он громадную сосульку оторвал от водосточной трубы и грозит.

С трудом его уговорили, он сосульку бросил, и мы к нему подошли. Зовем его в нашу футбольную команду, а он упирается.

– Так, так... – говорит, – теперь у вас положение изменилось, так вы ко мне пришли? Катитесь вы колбаской!

– Смотри, – говорим, – потом пожалеешь! Мы тебя даже запасным не возьмем!

А он свое:

– Не выйдет у вас это! Не пройдет!

Толик очень удивился, что он теперь футболистом будет.

– А раньше кем я был? – спрашивает.

– Раньше хоккеистом.

– Когда же я им был?

Он, оказывается, не знал, в какую команду мы его вначале включили. Ему, оказывается, все равно было: состоять в какой-нибудь команде или не состоять.

Пошли по квартирам собирать недостающих.

Сплошная морока с этими недостающими!

Если бы мы в футбол уже играли, они бы умоляли взять их в команду, а когда мы к ним заранее пришли, они упираются. Мы даже к малышам обратились.

Один малыш говорит:

– А вы мне в копилку положите пять копеек?

Мы ему обещали, и он дал свое согласие.

Другой малыш сказал:

– Сейчас у меня со временем туго. Я способный пианист, усиленно упражняюсь на рояле. Обещать вам не могу, но постараюсь. Только не вратарем. Не имею права портить руки о мяч.

Витя возьми да скажи:

– А ноги тебе портить можно? – Взял способного музыканта за уши да потянул.

Мальш завыл, а Коля сказал:

– Я его, кажется, по телевизору видел, он на рояле играл.

Витя говорит:

– Подумаешь! Нас тоже скоро по телевизору покажут! Всю команду.

Пенсионер дядя Петя Макагонов выразил желание стоять в воротах, раз у нас такое критическое положение. Хотя он и пошутил, но мы ему вполне серьезно отказали.

Забавный инцидент произошел с Галей Хорошайловой. Она узнала, что мы футбольную команду собираем, за нами увязалась, претендует на роль центра нападения.

Мы ей объясняем:

– Ну кто ты такая, посмотри на себя!

Она говорит:

– Я центр нападения.

Мы смеемся, а она в ответ:

– А вы дураки!

Еле-еле от нее отвязались.

Одиннадцатого игрока мы долго найти не могли, как вдруг появляется во дворе бывший хулиган Николай Богданов. Я сразу ему предложил встать на воротах.

А он мне как щелкнет в нос, да с такой силой, что слезы из глаз потекли.

– Я, – кричит, – тебе покажу! Как надо мной издеваться!

Мы от него разбежались в разные стороны и за сараем собрались.

Неожиданно дядя Петя появился, схватил Богданова за руку и говорит:

– Вместо того чтобы исправиться, ты опять за старое!

Богданов задрожал и говорит:

– Буду, буду стоять на воротах!

Дядя Петя говорит:

– Я и то согласился, а ты кривляешься, ишь ты какой важный!

Но как только дядя Петя его отпустил, Богданов отбежал на почтительное расстояние и стал орать:

– Ловите! Ловите! – и по водосточной трубе полез на крышу.

Дядя Петя вздохнул и говорит:

– Пропадет человек, а жаль. Ничего, мы за него возьмемся. А вы не печальтесь, ребята, я вам своего внука из пятнадцатого дома приведу, он будет счастлив.

– Только вы никому ни слова, что он не из нашего двора, а то скандал будет.

Дядя Петя сначала не понял, почему скандал будет, а когда разобрался, что подлог получается – чужих игроков переманиваем, а сами от имени своего двора выступаем, засмеялся и говорит:

– Никому на свете не скажу, можете на меня положиться.

Мы на него целиком положились и всей командой пошли есть мороженое.

А потом Саша вынес свой новый индийский мяч во двор, и мы его гоняли по лужам, лупили что есть силы по сосулькам, всю тренировались.

Устали и отправились в соседний двор договариваться о встрече.

Как-нибудь...

Зима. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь...

Кто не знает это знаменитое стихотворение!

Володя Полуянов, ленивый мальчик, тоже знал эти строчки. Лежа утром в своей постели, торжествуя по поводу приближения весенних каникул, он переделывал стих на все лады.

Родителям надоело упрашивать его вставать в школу, они махнули рукой на своего сына, оставили ему завтрак на столе, а сами ушли на работу.

Он всегда опаздывал в школу.

А в этот раз решил совсем не идти.

Весна. Володя, торжествуя,
По лужам обновляет путь.
Дружок, каникулы почуя,
С ним вместе скачет как-нибудь...

Володя вздохнул: каникулы начинались завтра.

Мы, торжествуя,
В кино могли бы завернуть.
Дружок, Дружок, ты, протестуя,
Поменьше лай уж как-нибудь!

Дружок всюду лаял, видя своего молодого хозяина до сих пор в кровати.

Весна, весна! Тебя люблю я!
Зачем за партой спину гнуть?
Когда спокойненько могу я
Часок-другой пока заснуть.

Но спать не хотелось. Вставать тоже не хотелось. Было желание полежать.

Еще зевну я.
Каникул ждать – какая жуть!
Но ничего! Свободы действий
Дождемся лежа как-нибудь...

Он зевнул. Пес залаял.

Володя бросил в него подушкой. Пес заскулил. Володя сочинил:

Весна! Подушку в пса кидая
И без подушки оставаясь,
Я пролежу уж как-нибудь...

Тогда Дружок, окончательно выйдя из себя, неожиданно стянул с Володи одеяло.
У всех терпение кончается.
У собак, между прочим, тоже.

Если бы

Второклассник Гена послал свой рисунок на конкурс.

Всему классу он заявил по такому случаю:

– Скоро я получу премию, тогда вы все запоете!

Некоторые девочки по такому случаю новые банты завязали. Некоторые ребята предлагали свои услуги, всячески заискивали перед ним. Боялись, как бы в будущем им не пришлось запеть. Один мальчишка донес ему портфель до дому. Правда, им было по дороге, но все-таки. Таких ребят оказалось мизерное количество. Один, два, три. В основном ребята на его слова особенного внимания не обратили. Получи еще! Потом стражай. И хвастайся. Хотя в любом случае этого делать не стоит.

Гена несколько не сомневался в своем успехе. Иначе бы он не пугал одноклассников. Тем более по рисованию он имел хорошие оценки. Стенгазету рисовал без посторонней помощи. Раза два его видели с самоучителем по рисованию в руках.

Он был уверен. Наступит день! Все еще непременно запоют! Все ему пожимают руки, хвалят и обнимают. Целуют и гладят по голове. Рисунок его помещают на самом видном месте. Громадными печатными буквами пишут: Гена Ящиков завоевал... награждается... Ценный подарок дадут. На, носи, скажут, держи, не ломай, не теряй, береги. Но не в подарке дело! В награждении. В почете. Главное, чтобы стоящая вещь была, а остальное все ерунда. В таких случаях обычно фотоаппаратами награждают. Вон Димке за то, что кроссворд отгадал, аппарат дали. Он кошку в гардеробе снял. Внукова и Христовокова. Если бы он меня снял, я его тоже бы снял. А раз он меня не снял, я его тоже снимать не буду...

А вдруг дадут такое, что мне не нужно? Спрашивали бы награжденных: «Что вы хотите?» Мне, например, давно хочется обезьянку. Я бы ее в класс притащил, на свое место за парту посадил, а сам бы под парту спрятался. Вместо меня на парте сидит, а меня нету. На всю школу, наверное бы, прославился.

А то еще книги дадут, да я их не читаю.

А то еще цветы, да я их не люблю.

А то еще... А то еще...

Ему не дали ничего.

Он забыл одно важное обстоятельство: другие дети тоже рисовали. Они тоже посылали рисунки на этот же самый конкурс. Вот если б он был один... Тогда он непременно получил бы все премии, начиная с первой, кончая третьей, не исключая поощрительных.

Тогда не с кем было бы сравнивать.

И весь Генин класс сразу бы хором запел.

Все смотрите на мой пенал

Гости сели за стол, а я бегал вокруг стола и орал:

– Смотрите!!! У меня!!! Какой пенал!!! Замечательный!!!

Мне хотелось, чтобы все видели мой новый пенал. Такая куча карандашей вмещается – и хоть бы что!

Папа сказал:

– Прекрати немедленно орать!

Я прекратил орать, потянул за рукав одного гостя и тихо сказал:

– Смотрите. Какой у меня пенал. Замечательный.

– Прекрати немедленно дергать Петра Петровича! – сказала мама.

Я подошел на цыпочках к другому гостю и сказал ему на ухо:

– Смотрите... какой у меня пенал... замечательный...

Он не расслышал.

– Вы только посмотрите, какой у меня замечательный пенал! – сказал я.

– Где? – спросил он.

Но не успел я ему пенал показать, как папа закричал:

– Прекрати немедленно приставать к человеку!

Я отошел подальше и на одного гостя пристально смотрю. Как только он меня заметит, я ему издали пенал покажу.

Но он в мою сторону не смотрел.

Тогда я привязал к пеналу веревочку и вожу его по комнате туда-сюда. Кто-нибудь спросит, что это за штука, и я сразу пенал покажу.

Но мой пенал особенного шума не производил, он был картонный, и никто не спросил, что я катаю. Только родители меня попросили перед глазами не мелькать.

Я, обиженный, ушел в свою комнату, чтобы никогда больше к ним не выходить.

Оказывается, так и нужно было поступить с самого начала. Уйти в свою комнату со своим пеналом.

Но ведь я с самого начала не был на гостей обижен, как же я мог так поступить?

Когда?

Мальчик Никита любит смотреть по телевизору мультфильмы. Это все хорошо, все замечательно, но...

– А когда будет мультфильм? – спрашивает он утром, проснувшись.

– Будет вечером, – говорит отец.

– А когда будет вечер? – спрашивает он, протирая глаза.

– Когда будет темно.

– А когда будет темно?

– В шесть часов.

– А когда будет шесть часов?

– Когда маленькая стрелка будет на шести, а большая на двенадцати.

– А когда большая будет на двенадцати?

– Когда будет шесть часов.

– А когда маленькая будет на шести?

– Когда большая будет на двенадцати.

– А когда?

– Что – когда?

– Когда будет мультфильм?

– Будет вечером.

– А когда будет вечер?

– Ведь я говорил.

– Я слышал. Но мультфильм когда будет?

Вот и наступил вечер за длинным разговором.

Отец включает ему телевизор, а он говорит:

– Вот это другое дело. Ждать не надо. Это я понимаю!

Он одного не понимает: что маленькая стрелка уже на шести, а большая на двенадцати...

На речке

В воображении моем создавалась картина нашей драки: мы с Васькой катаемся по земле, вцепившись друг в друга, он меня царапает, а я его. Никто пощады не просит, бесконечно долгое время катаемся, царапаемся и кусаемся...

Глупость, конечно, если рассудить: отправляемся после уроков драться, вместо того чтобы домой обедать.

Спор был, кому на последней парте возле окна сидеть. Место редкое, незаметное и обзорное. Сколько хочешь всю улицу обзревай, а хочешь – весь класс обзревай. К доске раз в месяц вызовут, а то и того меньше. Опустить голову, тебя и не видать. Вроде бы в классе, а вроде бы тебя и нет. Замечательное, в общем, место. Сашка там раньше сидел, одни пятерки получал. Сашка коклюшем заболел, и место освободилось. Васька взял туда и сел. А я давно на это место метил. Можно сказать, мечтал туда уединиться.

Пишу Ваське записку: «Освобождай место, я его раньше приметил». Он мне отвечает: «Кто раньше сел, тот и сидит». Он раньше сел, но я раньше приметил. Я ему пишу: «Кто раньше приметил, тот и должен сидеть, а не тот, кто сразу сел». Он мне отвечает: «Сначала докажи, что ты раньше приметил, а потом садись».

Как же я докажу, вот хитрец! Я ему кулаком погрозил, а он смеется.

На переменке подхожу, заявляю свои законные требования, а он их законными не признает. Неужели не понимает, что я давно мечтал на последней парте сидеть! Хватаю его за рукав и тяну. А он не поддается!

В это время звонок. Я на место. Попробую его на следующей переменке вытащить.

Он мне записку пишет: «Ты за это получишь!»

Я ему кулак показал, чтобы он знал, кто получит. Тем более мне получать не за что, а ему есть. Он на мое место сел, а не я на его.

На следующей переменке я его снова тащить начал.

И вот теперь отправляемся мы на речку драться.

Школа у нас на горе помещается. А внизу речка. Полянка. Знаменитый художник Левитан, говорят, написал здесь несколько своих пейзажей.

Уютное местечко. Изумительный вид. Лучшего места для драки не сыскать.

Спустились по тропинке на полянку.

Трава вовсю зеленеет. Птицы галдят на деревьях. А рядом речка журчит. И лошади пьют воду.

Стоим мы с Васькой среди настоящей весны, замечательной природы, замечаем в небе самолет и глядим на него с удовольствием.

С удовольствием гоняем по траве чей-то старый ботинок, мочим в речке ноги, пьем воду с лошаадьми, загораем без маек, болтаем обо всем на свете и договариваемся сидеть на той парте по очереди до тех пор, пока Сашка не выздоровеет от коклюша.

Хочу лошадь

– Эх, – говорит Васька, – была бы у меня лошадь, сел бы я на нее да поскакал бы во весь дух из города до самого поля и дальше, дальше в лес, помчался бы по лесной дорожке, выскочил бы на полянку и дальше!

Лечу стрелой, а рядом поезд несется.

Перегнал бы поезд и дальше скачу, скачу себе, скачу без остановки...

– Ну и до какого же места ты доскакал бы? – спрашивают ребята.

– А ни до какого, до того же самого.

– Как это понять? – спрашивают ребята.

– А очень просто, Земля круглая, так по кругу обратно и вернулся бы.

– Ишь ты, – смеются ребята. – Вот на ракете – вжик! А не на лошади.

– А я хочу на лошади, – говорит Васька.

– Вот чудак, – смеются ребята, – зачем тебе лошадь? Машину бы гоночную! И – вжик!

– А я лошадь хочу, – говорит Васька.

Ребята говорят:

– А еще мотоцикл неплохо. Стоящая, между прочим, вещь. Сел – вжик!

– А я лошадь хочу, – твердит Васька.

– Самое лучшее – велосипед, – говорят ребята, – крути себе педалями – и вжик!

– Мне лошадь надо, – говорит Васька.

– А самолет? Ка-ак – вжик!

– Эх, лошадь бы мне, – вздыхает Васька, – я бы за гриву крепко держался, ни за что на свете бы не упал, скакал бы, все скакал без передышки семь дней и семь ночей и назад возвратился... А вжик я не хочу, потому что мне лошадь охота...

Карусель в голове

К концу учебного года я просил отца купить мне двухколесный велосипед, пистолет-пулемет на батарейках, самолет на батарейках, летающий вертолет и настольный хоккей.

– Мне так хочется иметь эти вещи! – сказал я отцу. – Они постоянно вертятся у меня в голове наподобие карусели, и от этого голова так кружится, что трудно удержаться на ногах.

– Держись, – сказал отец, – не упади и напиши мне на листке все эти вещи, чтоб мне не забыть.

– Да зачем же писать, они и так у меня крепко в голове сидят.

– Пиши, – сказал отец, – тебе ведь это ничего не стоит.

– В общем-то ничего не стоит, – сказал я, – только лишняя морока.

И я написал большими буквами на весь лист:

ВИЛИСАПЕТ

ПИСТАЛЕТ-ПУЛИМЕТ

САМАЛЕТ

ВИРТАЛЕТ

ХАКЕЙ

Потом подумал и еще решил написать «мороженое», подошел к окну, поглядел на вывеску напротив и дописал:

МОРОЖЕНОЕ

Отец прочел и говорит:

– Куплю я тебе пока мороженое, а остальное подождем.

Я думал, ему сейчас некогда, и спрашиваю:

– До которого часу?

– До лучших времен.

– До каких?

– До следующего окончания учебного года.

– Почему?

– Да потому, что буквы в твоей голове вертятся, как карусель, от этого у тебя кружится голова и слова оказываются не на своих ногах.

Как будто у слов есть ноги!

А мороженое мне уже сто раз покупали.

Не-а...

- Неимоверная челка закрывала глаза мальчишки и половину носа.
- Не мешает тебе челка? – спросил я.
 - Не-а.
 - Меня видишь?
 - Не-а.
 - Значит, ты даже не видишь человека, с которым разговариваешь?
 - А я изредка дую на нее, и она подпрыгивает. – Скривив рот, он дунул снизу вверх, и челка подпрыгнула.
 - И часто дуть приходится?
 - А что?
 - Не устаешь?
 - Не-а.
 - С утра до вечера дуть на свою челку, с ума можно сойти!
 - Зато когда бежишь во весь дух, она сама разлетается в разные стороны, – похвастал он.
 - Ну а когда спокойно идешь?
- Он пояснил:
- Тогда встряхиваешь головой в такт шагам, и челка назад отлетает.
 - И обратно не прилетает?
 - Я вам серьезно говорю.
 - Но нельзя ведь все время трясти головой!
 - Почему нельзя?
 - Голова заболит от непрерывных трясок.
 - Не-а.
 - Да и неудобно. Сзади, предположим, волосы тебе не так мешают, а за столом, наверное, в тарелку твоя челка попадает?
 - Два раза в суп и три раза в кисель...
 - Ну и как?
 - Смешно.
 - Неужели?
 - А что?
 - А если ты читаешь, пишешь за столом, тебе челка не мешает?
 - Не-а.
 - Как же ты с ней обходишься в это время, опять дуешь?
 - Читаю я в кровати, а когда пишу, одной рукой челку придерживаю.
 - Ну и ну!
 - А что?
 - А телевизор когда смотришь, дуешь, держишь одной рукой или головой все время трясешь?
 - Тогда я высоко поднимаю голову, затылком упираюсь в стену и сверху вниз смотрю, что показывают.
 - И видно?
 - Ну, не очень. А что?
 - Тряс головой бы тогда и дул.
 - От тряски экран мелькает. А дуть к вечеру я уже больше не могу...
 - Сознался хоть.
 - А что?

- М-да... Много у тебя хлопот.
- Не-а.
- А что? – передразнил я.
- Это вы меня спрашиваете?
- Не-а, – сказал я. – Хватит с меня.

Вот что интересно!

Когда Гога начал ходить в первый класс, он знал только две буквы: О – кружочек и Т – молоточек. И все. Других букв не знал. И читать не умел.

Бабушка пыталась его научить, но он сейчас же придумывал уловку:

– Сейчас, сейчас, бабуся, я тебе вымою посуду.

И он тут же бежал на кухню мыть посуду. И старенькая бабушка забывала про учебу и даже покупала ему подарки за помощь в хозяйстве. А Гогины родители были в длительной командировке и надеялись на бабушку. И конечно, не знали, что их сын до сих пор читать не научился. Зато Гога часто мыл пол и посуду, ходил за хлебом, и бабушка всячески хвалила его в письмах родителям. И читала ему вслух.

А Гога, устроившись поудобней на диване, слушал с закрытыми глазами.

«А зачем мне учиться читать, – рассуждал он, – если бабушка мне вслух читает».

Он и не старался.

И в классе он уваливал как мог.

Учительница ему говорит:

– Прочти-ка вот здесь.

Он делал вид, что читает, а сам рассказывал по памяти, что ему бабушка читала.

Учительница его останавливала. Под смех класса он говорил:

– Хотите, я лучше закрою форточку, чтобы не дуло.

Или:

– У меня так кружится голова, что я сейчас, наверное, упаду...

Он так искусно притворялся, что однажды учительница его к врачу послала. Врач спросил:

– Как здоровье?

– Плохо, – сказал Гога.

– Что болит?

– Все.

– Ну, иди тогда в класс.

– Почему?

– Потому что у тебя ничего не болит.

– А вы откуда знаете?

– А ты откуда знаешь? – засмеялся врач.

И он слегка подтолкнул Гогу к выходу.

Больным Гога больше никогда не притворялся, но уваливать продолжал.

И старания одноклассников ни к чему не привели.

Сначала к нему Машу-отличницу прикрепили.

– Давай будем серьезно учиться, – сказала ему Маша.

– Когда? – спросил Гога.

– Да хоть сейчас.

– Сейчас я приду, – сказал Гога.

И он ушел и не вернулся.

Потом к нему Гришу-отличника прикрепили. Они остались в классе. Но как только Гриша открыл букварь, Гога полез под парту.

– Ты куда? – спросил Гриша.

– Иди сюда, – позвал Гога.

– Зачем?

– А здесь нам никто мешать не будет.

– Да ну тебя! – Гриша, конечно, обиделся и сейчас же ушел.
Больше к нему никого не прикрепляли.

Время шло. Он увиливал.

Приехали Гогины родители и обнаружили, что их сын не может прочесть ни строчки. Отец схватился за голову, а мать за книжку, которую она привезла своему ребенку.

– Теперь я каждый вечер, – сказала она, – буду читать вслух эту замечательную книжку моему сыночку.

Бабушка сказала:

– Да, да, я тоже каждый вечер читала вслух Гогочке интересные книжки.

Но отец сказал:

– Очень даже напрасно вы это делали. Наш Гогочка разленился до такой степени, что не может прочесть ни строчки. Прошу всех удалиться на совещание.

И папа вместе с бабушкой и мамой удалились на совещание. А Гога сначала заволновался по поводу совещания, а потом успокоился, когда мама стала ему читать из новой книжки. И даже заболтал ногами от удовольствия и чуть не сплюнул на ковер.

Но он не знал, что это было за совещание! Что там постановили!

Итак, мама прочла ему полторы страницы после совещания. А он, болтая ногами, наивно воображал, что так и будет дальше продолжаться. Но когда мама остановилась на самом интересном месте, он опять заволновался.

А когда она протянула ему книгу, он еще больше заволновался.

– А дальше читай сам, – сказала ему мама.

Он сразу предложил:

– Давай я тебе, мамочка, вымою посуду.

И он побежал мыть посуду.

Но и после этого мама отказывалась читать.

Он побежал к отцу.

Отец строго сказал, чтобы он никогда больше не обращался к нему с такими просьбами.

Он сунул книгу бабушке, но она зевнула и выронила ее из рук. Он поднял с пола книгу и опять отдал бабушке. Но она опять выронила ее из рук. Нет, раньше она никогда так быстро не засыпала в своем кресле!

«Действительно ли, – думал Гога, – она спит или ей на совещании поручили притворяться?»

Гога дергал ее, тормошил, но бабушка и не думала просыпаться.

А ему так хотелось узнать, что дальше происходит в этой книжке!

В отчаянии он сел на пол и стал рассматривать картинки. Но по картинкам трудно было понять, что там дальше происходит.

Он принес книгу в класс. Но одноклассники отказывались ему читать. Даже мало того: Маша тут же ушла, а Гриша вызывающе полез под парту.

Гога пристал к старшекласснику, но тот щелкнул его по носу и засмеялся.

Как дальше быть?

Ведь он так никогда и не узнает, что дальше в книге написано, пока не прочтет ее.

Оставалось учиться.

Читать самому.

Вот что значит домашнее совещание!

Вот что значит общественность!

Он вскорости прочел всю книгу и много других книг, но по привычке никогда не забывал сходить за хлебом, вымыть пол или посуду.

Вот что интересно!

Корреспондент Гера Крошечкин

Когда у Геры Крошечкина появился фотоаппарат, он сразу стал в центре внимания. Ходит в центре, а мы по бокам. Каждый просит, чтобы его сняли, а Гера возмущается: мол, всех людей снять невозможно. А сам снял петуха. И где он его нашел, подумать только! Во всем городе ни одного петуха не видно. Оказывается, он его на базаре сфотографировал. На базар за петухом ходит, а своих товарищей снимать не хочет! Куда это годится?

Окружили ребята Геру Крошечкина, галдят, умоляют сфотографировать, а он важничает. Круглый отличник Миша махнул рукой и говорит:

– Да ну его! Будет петухов снимать да куриц, кому это надо!

Миша – круглый троечник (это чтоб их не путать) на Мишу-отличника полез. Заискивает перед Герой, чтобы тот его снимал почаще. Но Миша-отличник отскочил в сторону – да прямо на ногу старосте Камилле Николаевой.

А Гера эту сцену сфотографировал.

Миша – круглый троечник заорал:

– Смотрите-ка, смотрите! Успел заснять, когда Миша-отличник на Камиллиной ноге стоял, вот молодец!

Камилла заплакала, а Гера ее тут же сфотографировал всю в слезах.

Камилла говорит сквозь слезы:

– Вы же видите, какие ужасные сцены он снимает! Мне на ноге чуть пальцы все не отдавили, а для него сенсация. Вот до чего он дошел со своим аппаратом!

Круглый троечник Миша говорит Гере:

– Я готов, пусть кто угодно стоит на моей ноге, только бы меня засняли!

Круглый отличник Миша говорит ему:

– Мы знаем, ты на все готов, только бы не учиться. Ни одной четверки за всю жизнь не получил.

– И с тройками всю жизнь переводят, – ответил Миша-троечник.

– Зато тебе будет в жизни трудно, – сказал Миша-отличник.

– А тебе легко?

– Мне легче.

– А мне сейчас легче, – сказал Миша-троечник.

А Гера сейчас же эту сцену снял.

Мише-троечнику очень не понравилось, что его зафиксировали в такой момент, и он стал возмущаться, а Гера – улыбаться.

– Ты ведь сам просил, – говорит ему Гера.

– Я не так просил.

– А как?

– По-другому.

Стоит расстроенный и зевает.

И тут опять его Гера снял.

– Да ты что, нарочно? – совсем разозлился Миша-троечник. – Не смей меня снимать с раскрытым ртом!

– А ты закрой рот, – говорит Гера.

Миша-троечник так стиснул рот, что даже зубы скрипнули, тут Гера его сейчас же и сфотографировал.

Миша испугался, что у него на фотографии теперь получится свирепое лицо, но Гера объяснил, что на фотографии не будет слышно скрипа зубов, и Миша-троечник тогда успокоился.

Камилла вытерла слезы и говорит:

– Гера Крошечкин действительно способный человек. Он ловко успевает подмечать. Но это не все. Что он снял? Меня плачущую, Мишу-троечника с раскрытым ртом, Мишу свирепого, Мишу расстроенного и Мишу-отличника, стоящего на моей ноге. Кому нужны такие фотографии? Разве мне, старосте, и Мише-отличнику нужны такие фотографии? Они никому не нужны, даже самому фотографу.

Но Гера сказал:

– А зато мне смешно. Я буду смотреть на ваши фотографии и показывать другим, и мы все вместе будем хохотать.

– Я тебе покажу, как надо мной хохотать! – заорал круглый троечник Миша, но Камила его остановила.

Круглый отличник Миша сказал:

– Как же он будет надо мной смеяться, если я круглый отличник? А у него две двойки. Это я над ним должен смеяться вместе с его фотоаппаратом, если на то пошло!

– А что, нельзя зевать? – раскричался троечник Миша. – Что, нельзя зевать?!

От его крика Гера Крошечкин стал всю зевать, и Миша сказал:

– Сам зеваешь, а другим не даешь.

Но тут, глядя на Геру, все стали отчаянно зевать и долго не могли остановиться.

После этого Камила сказала:

– Наш Крошечкин со своим аппаратом вполне мог бы классу пользу принести. Если бы он имел поручение от пионерского отряда, представляете? Давайте-ка, ребята, его корреспондентом стенной газеты выдвинем. Согласен быть корреспондентом?

– Ох, наверное, это трудно, – испугался Гера.

– Легко, легко! – закричали ребята. – Мы будем только сниматься, а ты – нас снимать.

– Только вас одних снимать? – опять испугался Гера Крошечкин.

Ира-санитарка говорит:

– Заснял бы ты, Гера Крошечкин, как от нас некоторые ускользают, когда мы у них уши и руки проверяем, – и посмотрела на круглого троечника Мишу, – получилась бы у тебя отличная картинка.

Гера Крошечкин подумал и сказал:

– Это можно.

– Сфотографировал бы пушкинские места, родную нашу природу, которую воспел поэт, – сказала Камила.

– Это верно, – сказал Гера.

И Гера Крошечкин согласился стать корреспондентом.

А для начала сфотографировал весь довольный, улыбающийся класс на фоне карты мира для праздничного номера стенной газеты.

Быстрее, быстрее!

Наши шефы, шестой «А», соревновались с шестым «Б» – кто лучше и быстрее поможет одеться в раздевалке своим подшефным. И вот после звонка мы помчались в раздевалку, и тут началось это оде-валочное соревнование. Два шестых уже ждали своих первоклассников. Очень строгое жюри устроилось на подоконнике, чтобы лучше видеть. Пятьсотсвечовые лампочки вкрутили дополнительно к дневному свету. Самодеятельный школьный струнный оркестр расположился невдалеке. Оркестр грянул – и пошло! Ох, что тут было!

Моим шефом был Светик Костров. Он очень волновался. Как только я подбежал к нему, он заорал:

– Давай ногу! Ну! Ногу давай! Суй в ботинок ногу и не рассуждай, малыш! Нужно быстрее! Ты быстрее можешь? Ну! – С трудом он запикивал мою левую ногу в правый ботинок, и я не рассуждал. – Не везет, вот напасть! – ворчал он и тряс меня за ногу изо всех сил.

Но я держался за вешалку и не падал. Вешалка качалась, и сверху падали шапки.

– Давай другую ногу! Побейстрее! Ну! И не рассуждать!

– Как же я тебе другую ногу дам? – сказал я. – На чем же я тогда стоять буду?

– Не рассуждай, малыш, много ты понимаешь!

– Отпусти мою ту ногу, – сказал я, – тогда я тебе дам эту.

– Ну, быстрее давай, не рассуждай!

Теперь он стал напяливать левый ботинок на мою правую ногу. И я ему сказал об этом.

– Не заметят, – отвечал он, – раньше нужно было говорить, малыш! Не время рассуждать, пойми. Где шапка? Шапка где твоя?

– Да вон Васька ее нацепил.

– Чего это он? Ну дает! Ладно. Некогда тут рассуждать. Бери Васькину! И побыстрее!

– А Васькину вон только что сейчас Пчелкин надел...

– Хватай тогда Пчелкина шапку. Быстрее! Где она? Какая? Покажи мне. Вот не ожидал... никак не ожидал, что может так с шапками получиться!

– И Пчелкиной уже нет, – говорю, – ни одной шапки нет – все расхватили...

– Без шапки иди! На авось! Выручай своего шефа! Что творится! Мы пропали! Проиграли! Вот досада... Э-э-э-эх! – Он очень суетился и вспотел.

Светик ловко надел на меня пальто, и пальто было тоже чужое. И я сказал ему об этом.

– Не снимать же его, малыш! Где мы тут сейчас найдем другое? Бодрей держись! Не дрейфь! Улыбайся жюри! Как будто ты в своем пальто! Давай!

И я побежал. На авось. Пальто толстяка Вовки Ивина висело на мне мешком. Нестерпимо жали мои собственные ботинки.

– Здравствуйтесь, – сказал я жюри.

– У тебя с одеждой все в порядке? – спросил член жюри.

– Так точно, все в порядке, – сказал я повоенному.

Он смотрел на мое пальто, а я ему улыбался.

– А где шапка? – спросил он.

– А я закаленный, – сказал я, улыбаясь.

– Как это понять?

– Я в школу без шапки пришел, – сказал я, улыбаясь.

– Ишь ты, предусмотрительный, – сказал член жюри.

– Так точно, предусмотрительный, – сказал я повоенному.

– И всегда ходишь в школу без шапки? – спросил член жюри.

– Всегда, – сказал я, улыбаясь.

– Ишь ты, – повторил член жюри. Он не знал, как со мной поступить: засчитывать или не засчитывать, и внимательно посмотрел на мои ботинки.

– Зашнурованы неплохо, ишь ты!

– Неплохо, – сказал я.

– Так все без шапок придут, – сказал он.

– Придут, – сказал я.

Тогда он сказал (в какой раз!):

– Ишь ты!.. – и добавил: – Иди.

Но другой член жюри спросил:

– Ты свое пальто надел?

В это время подскочил Вовка Ивин в моем пальто. И все члены жюри зароптали на своего придирчивого товарища, чтобы он не задерживал молодцов, которые чуть ли не самыми первыми оказались одетыми. И тогда придирчивый член жюри тоже мне улыбнулся понимающе.

Я нашел Ваську и сказал ему:

– Побольше бы таких соревнований – тогда бы все мы научились надевать свои собственные вещи быстро, как военные по тревоге.

И Васька согласился.

– Быстрые, Костров, у вас ребятки! – сказал придирчивый член жюри моему шефу.

Светик застеснялся, надо же! Слезу даже смахнул. Подбежал ко мне, руку пожал. И тоже самое сказал: «Побольше бы таких соревнований, в другой раз не подкачаем».

– Ни за что не подкачаем в другой раз, – сказал я.

Вдруг объявили: «Представителям шестого „А“ вместе с подшефными выйти на середину круга, и пусть ваши ловкие и быстрые ребятки пройдут под гром оркестра, чтобы мы все могли на них полюбоваться».

Самодельный струнный оркестр из всех своих балалаек грянул марш, а мы зашагали по кругу.

Жали мои ботинки ужасно, а Вовкино пальто болталось на мне и крутилось. С Вовки валилась шапка, и он поминутно ее поправлял. И с другими нашими ребятами тоже творилось невообразимое. Ведь я был не один в жалком виде.

– Шагай, не рассуждай, малыш, – сказал мне Свет Костров.

Кругом все хохотали.

И тогда мы с Вовкой засмеялись со всеми вместе.

Сплошные чудеса

Дело было так. Сначала я начал разгибать гвоздь в кухне на кафельном полу. А он не разгибался. Я хлопнул по нему молотком со всей силы, и три кафельные плитки разлетелись вдребезги. Целый час я возился с гвоздем. Мне захотелось есть. Я поставил на плиту варить картошку и обнаружил пропажу гвоздя. Я сбегал на стройку и притащил пять плиток и цемент. Я взялся за работу, но, как ни старался, мои плитки никак не укладывались вровень с другими. Две проваливались очень глубоко, а одна возвышалась над всеми. Я хлопнул по двум плиткам молотком, и они разлетелись вдребезги.

Я вставил на их место запасные, но они возвышались над другими, и я не решился хлопнуть по ним молотком. Стал подчищать ножичком пол, после чего обнаружил, что и теперь они проваливаются. Я густо намазал их цементом, но теперь они опять возвышались, как я ни нажимал на них. Я хлопнул по ним молотком, и они разлетелись вдребезги.

Оставалось идти за новыми. Я выпросил десять плиток, но мне не удалось их уложить с другими вровень. Я хлопнул по ним молотком, и они разлетелись вдребезги.

Цемент носился по воздуху. Я кашлял и чихал. Я подмел пол и обнаружил, что в полу теперь не хватает шести плиток, а не трех, как раньше.

Я вспомнил о картошке, но она превратилась в угли. Ни плиток, ни картошки, ни гвоздя...

Я заглянул в кастрюлю и обнаружил там гвоздь. Сплошные чудеса!

Я принялся снова разгибать его на плитках и раскрошил еще две плитки. Но гвоздь разогнул.

Я вбил его в стену и наконец-то повесил картину Шишкина «Утро в сосновом лесу».

Я слез со стула и отошел подальше, чтобы посмотреть издали, не криво ли она висит. И в этот момент картина грохнулась на пол, и стекло разлетелось вдребезги.

Проклятый гвоздь!

Сплошные чудеса!

Я вскочил на стул и стал со злости вколачивать гвоздь в стену, чтобы духу его больше не было, никогда его не видеть! Но он всячески изворачивался и подгибался, и мне никак не удавалось его как следует вколотить. Я подправлял его клещами и вбивал. Вбивал и подправлял. Я воевал с гвоздем.

В дверь постучали. Я открыл.

– Прекратите бить в стену! – возмущенно сказала соседка. – Что вы там делаете?

– Ничего... – сказал я, тяжело дыша.

– Перестаньте немедленно.

– Нет, я ему покажу!

– Кому?

– Гвоздю.

– А что с ним?

– Гнется. Он все время гнется. Я его забью!

– Бессовестный мальчишка, – возмутилась соседка, переходя на «ты», – если тебе нужен гвоздь, то скажи.

Она тут же притащила горсть гвоздей. Совсем новых. Как я сразу не догадался у нее попросить!

– Вот, возьми любой гвоздь. А тот оставь в покое.

– На этот гвоздь мне нечего злиться, а с тем гвоздем я рассчитаюсь.

– Где это видано, чтобы с гвоздями рассчитывались! – сказала соседка.

– Все равно мне теперь нечего вешать на ваш гвоздь...

– Ну, смотри мне!

Она ушла.

А я лег на кровать и укрылся одеялом с головой.

Мне жалко было плитки.

Я ненавидел гвоздь.

Мне не хотелось есть. Ведь виноват был я.

И я уснул.

Во сне мне снились гвозди, которые сами вбиваются в стену, картошка, которая никогда не сгорает, и плитки, которые ничем не разобьешь.

Сплошные чудеса!

Во сне все было хорошо, но на самом-то деле все было плохо...

Да, многого я делать не умею...

Сам не знал...

Серебряные туфли

Я свою подметку каждый день по утрам пришивал, а к вечеру она у меня отваливалась. Как сапожник пришивает подошвы, что они долго не отлетают? Этот вопрос меня тогда очень интересовал. И ходить-то я старался осторожно, чтобы подошва раньше времени не отлетала, а когда в футбол играли, стоял только и смотрел, до чего обидно! Но она все-таки отлетала, не дождавшись вечера, и хлопала как выстрел при ходьбе. Если издали видел знакомых, останавливался и стоял, чтобы, чего доброго, не заметили моей ужасной подошвы.

Пришло лето, я эти свои ботинки выкинул и шлепал босиком. Раз лето. Раз война. Нужда. Отец на фронте. Да мы, мальчишки, могли и без ботинок обойтись. В такое-то время! Только в школу босиком не полагалось. Да я и в школу приходил. Когда меня учитель спросил, неужели у меня нет каких-нибудь старых ботинок, чтобы в приличном виде явиться в школу, я ему ответил: «Нет, Александр Никифорович». Он пожал плечами и сказал: «Ну, раз нет, значит, нет». Так просто тогда было с этим делом!

И вдруг Васька в своих серебряных туфлях появился во дворе. Вот была картина! Самые настоящие долгоносики, остренькие, длинные носы, а блестят-то как! А как они скрипели! Васька Котов вышел в этих своих серебряных потрясающих туфлях, а я открыл рот и долго не мог закрыть его.

– Такие туфли носят только на балах и только в Аргентине, – сказал Васька. – Вовнутрь-то, вовнутрь посмотри!

Он снял туфлю, и я ошалело смотрел внутрь туфли на аргентинское клеймо. А Васька стоял на одной ноге, держась за мое плечо, важный и довольный.

Еще бы! Там, в далекой Аргентине, пляшут на балу аргентинцы в серебряных туфлях, а теперь в них будет ходить по нашим бакинским улицам Васька Котов.

Собрались ребята, охали и ахали и трогали руками серебро.

– Купили на толкучке, – рассказывал Васька. – Совершенно случайно. Абсолютно по дешевке достались, просто-напросто повезло...

Кто-то попросил померить, и Васька сразу ушел. Померить он никому не хотел давать.

В этот вечер мы с ним пошли в оперетту. Я босиком, а он в своих долгоносиках.

Некоторые оперетты мы раз двадцать видели, а тут новую оперетту показывали. Честно говоря, мы только потому и ходили на спектакли, что через забор лазали. А так с гораздо большим удовольствием в кино пошли бы.

Рядом с его серебряными туфлями нелепыми и безобразными казались мои собственные пыльные ноги, а пальцы, казалось, смешно топорщатся во все стороны.

Да и другие мальчишки в оперетту босиком ходили, никто на них особого внимания не обращал. Ничего такого в этом не было, тем более оперетта в летнем саду помещалась.

Васька меня на забор посадил, снял туфли и мне протянул. Ему в них на забор никак было не забраться. А мне с туфлями сидеть на заборе тоже неудобно. Одной рукой туфли держать, а другую ему протягивать.

Кричу:

– Давай скорее руку, а то свалюсь!

Он замешкался, стал почему-то носки снимать, хотя и в носках можно было лезть спокойно. Как раз ребята подошли, торопят, никому неохота в оперетту опаздывать.

В общем, он мне руку подать не успел, я не удержался и на ту сторону свалился вместе с туфлями. Хорошо еще, удачно упал, ничего такого не приключилось. Только в рот земля попала.

Я землю выплюнул, встал, отряхнулся и жду, когда Васька появится. Ребят-то там много, помогут ему на забор подняться.

А он все не появляется.

Мимо прогуливаются люди по широкой аллее в ожидании звонка и, как мне кажется, на меня поглядывают.

Тогда я надеваю Васькины туфли на свои ноги и отхожу в более темное место.

Но Васька все не появляется.

Я еще немного постоял и пошел к выходу. А прямо мне навстречу милиционер ведет Ваську за руку. На одной ноге у него носок, а другим носком он вытирает слезы.

Васька, как только увидел меня в своих туфлях, заорал не своим голосом на всю оперетту:

– Свои грязные ноги засунул в мои туфли!!! А-а-а-а-а!!!

Даже милиционер растерялся.

– Ты мне смотри вырваться! – говорит. – Ишь ты! В одном носке в оперетту собрался да еще вырывается!

– Это правда! – кричу я. – На мне его туфли!

– Не суйся не в свое дело! Тоже мне, защитник нашелся!

Милиционер меня и слушать не хотел. Вокруг говорят:

– Смотрите-ка, смотрите, у парнишки носок на одной ноге...

– А по-вашему, если бы он в двух носках явился сюда, было бы лучше?

– Ему бы на сцену в таком опереточном виде!

Я стал снимать туфли, чтобы Ваське отдать, но меня оттеснили.

Ведут Ваську в пикет. Впереди большущая толпа. Ну и дела!

Пока Ваську вели, он все время оборачивался и повторял:

– Снимай мои туфли! Снимай мои туфли!

Он только о туфлях и думал, смелый все-таки человек, совсем не думал о том, что попался.

Я старался в пикет пройти, но меня не пустили.

И чего он за свои туфли расстроился? Не мог же я их все это время в руках держать! Подумаешь! Как будто бы их помыть нельзя!

Я подхожу к фонтану и тщательно мою его туфли. Все старался поглубже засунуть руку в носок, чтобы как можно лучше вымыть.

И вдруг замечаю, как прекрасные туфли расплзаются, а блестящая серебряная краска слезает, как чешуя с рыбы...

В это время из пикета выходит Васька и направляется ко мне.

Подходит.

Я стою опустив голову, держу в каждой руке по туфле.

Его лицо бледнеет при свете фонарей.

– Ты стер мое аргентинское клеймо?! – спрашивает он сдавленным голосом.

Васька Котов выхватывает у меня свои туфли.

– А почему они мокрые?! – вдруг кричит он и бежит к фонарю.

Там, у фонаря, он сразу замечает всю эту ужасную непоправимую перемену со своими туфлями...

– Это не мои туфли!!! – кричит он.

– Все смылось... смылось... смылось... – твержу я.

– Как это смылось?! – орет он визгливо.

Распахнулись двери зала. Народ хлынул из дверей и увлек нас к выходу.

Я потерял в толпе Ваську, но при выходе он снова оказался рядом со мной и прошипел мне в самое ухо:

– Отдавай мне новые туфли... слышишь? Отдавай!

Я понимал его.

– Какие были! – прошипел он.

В это же самое время мне наступили на ногу, я скорчился от боли и крикнул ему со злостью:

– Пошел ты от меня со своими долгоносиками!

– Ах так! – крикнул он и, рывком вырвавшись из толпы, помчался вверх по улице по направлению к дому, а я пошел за ним.

Всю ночь мне снились танцующие аргентинцы в серебряных туфлях, а когда под утро мне стали сниться танцующие крокодилы в серебряных ботинках, я в ужасе проснулся.

Пришел Васька. В каких он был рваных сандалиях! Трудно даже себе представить. Каким-то чудом эти сандалии держались на его ногах.

– Мне нечего надеть, – сказал он тихо.

Я смотрел на его сандалии, вздыхая и сочувствуя ему.

– А те никак нельзя зашить? – спросил я тихо.

– Никак, – сказал он.

– Неужели никак нельзя зашить?

– Они не настоящие, – сказал он, опустив голову. – А какие же они?

– Они картонные, – сказал Васька.

– Как?!

– Они театральные, – сказал Васька. – Все равно бы они развалились...

– Как то есть театральные?

– Ну, специально для театра, на один раз... у них там делают такие туфли на один раз...

– Зачем же тебе их купили?

– Случайно купили...

– Значит, они театральные?!

– Театральные... – сказал Васька.

– Тогда черт с ними! – сказал я.

– Черт с ними... – сказал Васька.

– Замечательно, что они театральные! – сказал я. Хотя ничего замечательного, конечно, не было. Но все равно это было замечательно!

– Снимай сандалии, – сказал я, – зачем тебе сандалии! Снимай их и пойдем в оперетту!

Удивительная профессия

Как только погас у нас в комнате свет, к нам сейчас же стали стучать соседи. Они спрашивали: «Что такое?» Мы с мамой тоже пошли стучать к соседям и спрашивать: «Что такое?»

Но никто ничего не знал, и все только спрашивали: «Что такое? Что случилось?» Только один дядя Яша сказал:

– Ничего не случилось. Погас свет – и все. Перегорели пробки.

Все собрались на улице возле подъезда.

– Вот еще новость!

– Как это так! Никогда так не было!

Все говорили, что дело не в пробке, а где-то в сети, а я спрашивал, где эта пробка и сеть, но мне никто не ответил.

Дядя Яша пошел звонить монтерам, а все стали говорить, как погас свет.

Тетя Ньюша сказала:

– Вы знаете, как только это случилось, моя кошка кинулась в кухню и съела там свежую рыбу.

Тетя Женя сказала:

– Вы слышите? Это кричит мой ребенок. Он будет кричать, пока свет не зажгут.

Тетя Ира сказала:

– Не верится, что раньше жили без света. С какими-то свечками. С лампами, которые коптят. Жили в каком-то жалком мерцании. В каких-то потемках.

Наша бабушка сказала:

– Как же, помню! Еще как помню! И ламп-то у нас не было. Темень. Мрак. Ничего не видно.

Бабушка наша жила при царе. До сих пор возмущается царским режимом. Как начнет – не остановится. Но тут монтеры приехали.

Я смотрю, как будут свет зажигать. Интересно ведь!

Подъезжает к столбу машина. Вместо кузова круглый такой балкончик. В этот балкончик залез монтер. И балкончик стал вверх подниматься. Монтер добирается до проводов. И что-то там с проводами делает.

И загорается свет во всем доме.

Монтер говорит:

– Все в порядке!

Наша бабушка говорит:

– Удивительная у вас профессия!

Монтер говорит:

– Это дело простое...

Тетя Ира говорит:

– Замечательное ваше дело!

Тетя Женя говорит:

– Вы слышите? Мой ребенок смеется.

Тетя Ньюша говорит:

– Зашли бы в гости. Я для вас свежей рыбы нажарю.

Монтер отвечает:

– Я рыбу люблю. Но нас ждут в другом доме.

И он уезжает в своей машине.

Я смотрю вслед и думаю: «Вот бы мне ездить в такой машине! Я несся бы во весь дух по улицам. Я просил бы шофера: „Скорей! Скорей!“ Мы обгоняли бы все машины. Даже, может

быть, пожарную машину. И люди бы, глядя на нас, говорили: „Смотрите! Смотрите, монтеры едут! Удивительная у них профессия!“»

Маленькие фантики

Раньше Петя и Вова сутулились, не причесывались, не так ложку держали, ходили чумазыми, съезжали по перилам, визжали на уроках, приносили в класс кошку, запирали ее в шкаф, она оттуда мяукала, а они смеялись, хотя ничего смешного тут не было.

Многие так и остались сутулыми. На всю свою жизнь. Многие так и остались визгливыми. До конца дней своих. Многие ложку всю жизнь не так держат. Многим почти что сто лет скоро будет, а все ловят кошек, как маленькие. Таких, правда, не очень много. Но и не мало. Их, в общем, достаточно.

Раз достаточно, значит, хватит. Так Петя с Вовой решили.

Они стали в игру играть. В обыкновенные фантики. Примерно так:

– А ну, Петя, давай-ка мне фантик! Ты только что был сутулым.

Или:

– Вова, пойдй вымой ухо. Оно у тебя все в земле. Давай фантик.

Или:

– Ну-ка, брось кошку и фантик давай!

Или:

– Ну-ка, иди сюда. Глянь-ка в зеркало. Видишь?

– Я ничего не вижу, – говорит Петя.

– Ты не видишь, что ты лохматый?!

– Ага, теперь вижу, – говорит Петя.

– Давай фантик, – говорит Вова.

– Сколько?

– Пять штук.

– Много.

– Тогда три.

– Бери.

Вот так все просто и дружно! Тут одного фанта мало. Раз человек весь лохматый. Но пять фантов много. Тут нужно условие. Сколько за что фантов брать. За двойку не то что пять, десять фантов мало. А то и все одиннадцать.

Иногда так бывает:

– Ага, ты хотел побежать за кошкой, давай, давай фантик!

Тут фантик не полагается. Мало ли что он хотел! Мало ли кто что хочет. Он же не побегал. В чем же дело! Это уже не по правилам.

Конечно, у них были споры. А как же! Без этого не бывает. Но они ни разу не дрались. У них мысли такой даже не было. Из-за каких-то фантиков!

Спору нет – фантик не чудо.

Но что-то такое особое. Простая цветная бумажка. И все. Но не в этом дело.

Ребята ложку держать стали правильно. Они умываться стали по пять раз в день.

Они перестали сутулиться.

Они кошек стали не замечать.

Они визжать прекратили.

Они перестали ходить лохматыми.

Хотите – верьте, хотите – нет!

Еж

Принес я в класс ежа. Никуда его не вытаскиваю. Сидит он в сумке. Никто про него не знает. Вдруг учитель говорит: «Что это такое?» Я говорю: «Еж». – «Где еж?» – спрашивает учитель. «Здесь», – говорю. А он говорит: «А вообще я не тебя спрашиваю. Я Мишу Галкина спрашиваю» – и на доску показывает. «Это существительное», – говорит Миша Галкин. «Правильно, – говорит учитель, – а ты выйди с ежом!»

Обруч и лампочка

У Пети был замечательный обруч. От старой бочки. И был замечательный крючок. Таким крючком если гонять такой обруч, он ни разу не упадет. Сколько хочешь гоняй, всем на зависть.

Петя очень гордился обручем. И очень гордился своим крючком. Ему предлагали за обруч перегорелую лампочку. Лампочку можно было бросить на стенку – и она хлопнет.

Но он не соглашался.

В конце концов он согласился отдать свой обруч за лампочку. А крючок он отдал просто так, в придачу.

Петя взял лампочку и трахнул ее об стену.

А Костя отнес обруч с крючком в школу и сдал на металлолом вместе с другими железными вещами.

Два подарка

В день рождения папа подарил Алеше ручку с золотым пером. На ручке были выгравированы золотые слова: «Алеше в день рождения от папы».

На другой день Алеша со своей новой ручкой пошел в школу. Он был очень горд: ведь не у каждого в классе ручка с золотым пером и золотыми буквами! А тут учительница забыла дома свою ручку и попросила на время у ребят. И Алеша первый протянул ей свое сокровище. И при этом подумал: «Мария Николаевна обязательно заметит, какая замечательная у меня ручка, прочтет надпись и скажет что-нибудь вроде: „Ах, каким красивым почерком написано!“ или „Какая прелесть!“. Тогда Алеша скажет: „А вы взгляните на золотое перо, Мария Николаевна, самое настоящее золотое!“»

Но учительница не стала разглядывать ручку и ничего такого не сказала. Она спросила урок у Алеша, но он его не выучил. И тогда Мария Николаевна поставила в журнал двойку золотым пером и вернула ручку.

Алеша, растерянно глядя на свое золотое перо, сказал:

– Как же так получается?.. Вот так получается!..

– Ты о чем, Алеша? – не поняла учительница.

– О золотом пере... – сказал Алеша. – Разве можно ставить двойки золотым пером?

– Значит, сегодня у тебя не золотые знания, – сказала учительница.

– Выходит, папа подарил мне ручку, чтобы мне ею двойки ставили? – сказал Алеша. –

Вот так номер! Какой же это подарок?

Учительница улыбнулась и сказала:

– Ручку тебе папа подарил, а сегодняшней подарок ты себе сам сделал.

Забыл

Леня делал уроки, решал задачу. И поставил в тетрадке кляксу. Стал искать промокашку. Ходил-ходил по комнате и в кухню зашел. И забыл, что ему было нужно.

«Зачем, – думает, – я в кухню пришел?» Заглянул в кастрюльку, чтоб вспомнить, – никак не вспомнит! Сел Леня на табуретку и думает. А в голову разные мысли лезут. О том, как он летом в пруду купался. О том, как собака его укусила. И другие ненужные мысли. Вернулся искать промокашку в комнату. Ходил-ходил по комнате. И опять в кухню зашел. И опять забыл зачем. Потому что о лете все думает. О том, как в пруду купался. Как собака его укусила. В кухне бабушка суп варила.

Бабушка говорит ему:

– Что ты, Леня, на кухню ходишь? Почему уроки не делаешь?

– Я промокашку ищу, – вспомнил Леня.

– Промокашка ведь у тебя в руках!

Побежал Леня к своей тетрадке. А клякса вся расплзлась.

Поиграли

Пообедав, Валерик пришел к Леше поиграть в игрушки.

А Леша как раз обедал.

– Поиграй сам в комнате, – сказала Лешина мама, – пока он поест.

Валерик пошел в комнату играть в игрушки, а Леша ему кричал из кухни:

– Ну как? Хорошо играешь?

– Хорошо, – отвечал Валерик.

– А сейчас?

– Хорошо!

– Очень хорошо?

– Очень хорошо!

– И сейчас хорошо?

– И сейчас.

– А сейчас?

– Хорошо!

– И опять хорошо?

– И опять хорошо, – отвечал Валерик.

Но Леша не унимался, продолжал спрашивать Валерика во все горло, хорошо ли он играет, потому что ему ужасно хотелось играть вместе с ним.

Но вот Валерику тоже захотелось играть вместе с Лешей, и он стал кричать ему из комнаты:

– Пообедал?

– Нет еще, – отвечал Леша.

– А сейчас?

– Тоже нет.

– И сейчас не пообедал?

– Пока нет.

– А когда?

– Ой, сейчас...

Валерик замолчал.

А Леша продолжал:

– Ну а теперь?

– Теперь хуже, – отвечал Валерик.

– А теперь еще хуже?

– Еще.

– Совсем?

– Совсем.

– Ну, я сейчас приду!

Леша очень спешил.

Вылил суп на себя.

Раздавил помидор на рубашке.

И чуть не подавился огурцом.

– А я уже наигрался, – сказал Валерик.

– Ну вот и поиграли, – сказала мама.

Давно бы так!

Зимой спортсменам раздолье: коньки, лыжи и прочее. И летом хорошо спортсменам: хочешь – плавай, хочешь – в футбол играй.

А осенью? Нет ни снега, ни солнца. Настроение у многих скверное. Начинают грустить и бездельничать. Дома сидят сложа руки. И смотрят в окно. За окном дождь и ветер. И вот они дома сидят и грустят.

Один говорит:

– Эх, зимой хорошо!

А другой:

– Эх, вот летом!

И продолжают смотреть в окно.

Один мой знакомый любил коньки. Он зимой на коньках катался. А осенью он в окно смотрел и ждал зиму.

Так вот однажды он смотрит в окно. И видит: бегут по асфальту мальчишки. Их человек пятьдесят бежит или больше. Хотя никакого снега нет. Самая настоящая осень. Кое-где даже лужи. А им хоть бы что! Ноль внимания! Они все в спортивных костюмах. И без всяких коньков. За мальчишками радостный песик скачет и с удовольствием на мальчишек лает.

Тогда мой знакомый что сделал?

Первым делом он от окна отошел.

Вторым делом он вышел на улицу.

А в-третьих, он пробежал вокруг дома пять раз.

Хотя без коньков, а все же...

Давно бы так!

Фонарики

Ясный, солнечный день выдался в воскресенье. Папа взял Шурика в сельмаг и купил ему электрический фонарик, который сын давно просил.

По дороге довольный Шурик долго светил в лицо своему отцу, а во дворе – восхищенным ребятам.

Восхищенные ребята побежали к своим родителям просить деньги на фонарики.

Все ребята купили фонарики и радостно засветили в лица своим родителям. Родители жмурились и умилялись, а дети прыгали и смеялись.

Потом они светили в лица друг другу, в морды кошкам, собакам, коровам и лошадям, в глаза петухам, курицам, гусям и индюкам, а также на букашек и козявок. На все вокруг светили без передышки.

Собаки скулили и лаяли. Кошки ничего не понимали. Курицы тоже не понимали ничего. И сами-то ребята ничего не понимали, тратя батарейки попусту. Хотя бы вечера дождались. Куда там! Светили вместе с солнцем.

– Не то делаем, – понял Валерик, – давайте будем зажигать фонарики в карманах друг у друга! К примеру, я свой фонарик зажгу в кармане у Алексея, а Алексей свой карман, то есть свой фонарик зажжет... нет, ну да – в моем кармане...

– Я сам в своем кармане зажгу свой фонарик! – заорал Алексей. – Зачем же мне его в чужой карман пихать?

И ребята уже вовсю зажигали и выключали в своих собственных карманах свои собственные фонарики.

– А ну-ка я в твоём кармане зажгу, – сказал Алексей Валерику.

– Ага! Что я говорил! Так интересней! – заорал Валерик, подставляя свой карман.

Менялись фонариками и зажигали во всех карманах.

– Не то делаем! Совсем офонарели! Айда в подвал! – заорал Валерик.

Ребята кинулись в подвал и долго там светили друг другу в лица.

Вконец ослепленные, они вылезли на солнце, и самый маленький, Алешка, закричал:

– А у меня, ребята, сам фонарик офонарел... клянусь, совершенно не зажигается...

Ребята стали пробовать свои фонарики, у некоторых еще горели.

– Ничего, – сказал Валерик, – приобретем батарейки – и снова вперед!

И ребята побежали за новыми батарейками.

И пошло все сначала.

Но вскорости Алешку позвали домой, хотя ужасно не хотелось уходить от своих товарищей, потому что у него еще горел фонарик. Хотя кошки и собаки попрятались. Петухи и курицы разбежались. Козявки и букашки влезли в землю, а вот индюки никакого внимания на фонарики не обращали, и поэтому светить на них было совсем неинтересно.

Но фонарик у Алешки ведь горел...

На другой день утром Алешка сразу вспомнил о своем фонарике. Папа с мамой ушли на работу, а бабушка еще спала. Обычно она собирала внука в школу. Алешка ходил в первый класс. И вот первым делом, проснувшись, он осветил своим фонариком настенные часы. Как раз в это время бабушка обычно просыпалась. Но вчера она, наверно, умаялась за день и продолжала спать.

– Не буду включать свет, – решил Алешка.

И он тихо вышел на цыпочках в другую комнату, освещая путь фонариком.

Сам умылся, оделся, попил молока. Уложил в сумку книжки.

«Вот он где, фонарик, пригодился, – подумал Алешка и спрятал его под подушку. – Интересно, что сейчас другие ребята делают со своими фонариками?»

- Вставай, Алешка, – проснулась бабушка.
- Спи, спи, бабуся, – ответил внук и вышел из дому.

Отдохни, Саня!

Мальчик Саня приехал с мамой на дачу, и у него начались новые дни.

Он беспрерывно носился с ребятами по пляжу, купался, играл, а к вечеру спрашивал маму:

– Что мне теперь делать?

Это был неустойчивый мальчишка, он несколько не уставал.

Мама ему отвечала в таких случаях:

– А теперь ты отдохни.

От маминых слов он сейчас же убегал к ребятам, но ребята все разбредались по домам, и он продолжал играть сам с собой.

С самим собой ему играть быстро надоело, и он кричал маме в окно:

– А что мне теперь делать?!

Мама брала его за руку, приводила домой и укладывала в постель, но он сейчас же вскакивал и спрашивал со слезами:

– А теперь что мне делать?!

Он долго не мог уснуть, вспоминая прошедший день: замечательный теплый песок, зелено-синее море; как он залезал в лодки и катера, представлял, что плывет в дальние страны, хотя лодки и катера покачивались на привязи и никуда не плыли. Как он катался на велосипеде по тропинкам леса и даже налетел на дерево, но все благополучно обошлось. Как он быстро и ловко промчался через рыболовецкий совхоз, куда вход категорически воспрещен. И многое, многое другое.

А утром начиналось все сначала, и опять к вечеру он спрашивал маму:

– А что мне теперь делать?

И мама ему снова отвечала:

– Отдохни.

Но он не хотел отдыхать. Он сказал:

– Как жаль, что я не могу ходить на руках! Я вымыл бы в заливе ноги и пришел на руках домой. И мне не пришлось бы дома мыть ноги.

– Тогда пришлось бы мыть руки, – сказала мама.

– Я мог бы вымыть руки, раз мне нечего делать.

После лета он приехал с мамой домой и сейчас же спросил:

– Что мне делать?

– Завтра тебе в первый класс, – сказала мама, – ведь ты хорошо отдохнул.

– Разве я отдыхал? – удивился Саня.

– Сейчас хоть отдохни, – сказала мама.

– Скорей бы в школу! – вздохнул он. – Тогда бы я знал, что мне делать!

И он побежал во двор к ребятам рассказывать, как он отдыхал летом.

Да отдохни ты, Саня!

Судьба одной коллекции

Собирать, конечно, все можно. Что хочешь, то и собирай. Хочешь, сначала собирай – потом не собирай. Хочешь, марки собирай, хочешь – спичечные коробки, хочешь – камни. Хочешь, собирай все вместе: камни, марки, коробки и еще что-нибудь в придачу. Это, как говорится, дело личное. Натаскай себе разных булыжников в комнату и живи в свое удовольствие! Если только мама позволит. Хотя камни бывают разные. Некоторые камни полезно собирать. Марки тоже полезны. Знакомишься с разными странами, королями, президентами; сталкиваешься, если можно так выразиться, с историей, географией. Полезно собирать книги. Про книги и говорить нечего. Тут пользы – масса. Опять-таки если читать их. А если так, на полке стоят, пользы тоже немного.

Одна девочка, Маша Мишкина, собирала фотографии артистов. Ничего в этом плохого, безусловно, нету. Но говорить о пользе тут тоже трудно. Ну какая тут может быть польза? Разве только сказать при случае: «А как же! Я этого артиста знаю. У меня есть его фотография». На это можно ответить: «Ну и что же?» На свете есть куда более полезные вещи, чем эти фотографии.

И вот эта девочка Маша насобирали ужасно много фотографий артистов. Собирать уже вроде некуда – стены все в фотографиях, альбомы полные. Родители смотрят на это безобидное занятие и про себя думают: «Ну и слава богу, наша дочка занята делом». (Хотя никакого дела здесь, безусловно, нет.) Только иногда отец скажет: «Опять вокруг какие-то незнакомые лица». На это дочка ему отвечала: «Эх ты, папа! Как же ты их не знаешь?! Их каждый знает!» И отец даже немного конфузился после такого ответа.

Он был занятой человек, директор какого-то крупного учреждения, и его не очень-то радовали эти фотографии. Поскольку они ему ни о чем не говорили. Но против он тоже не был. Он просто был безразличен. Только когда он уставал, эти фотографии его раздражали. Но это бывало редко. В основном он был крепкий человек и почти не знал усталости. А Машина мама – наоборот, она даже радовалась, что у ее дочки столько фотографий, гораздо больше, чем у других детей. А Маша видит такое дело – всю знай старается. Большого успеха она достигла, меняя одни фото на другие. К примеру: «Вот вам такой артист, а вы мне дайте такого». Или: «Я вам двух этих, а вы мне двух тех». Она не очень-то хорошо знала фамилии артистов. Одних она, правда, видела в кино, а других и вовсе нигде не видела, но если ей говорили, что это именно артист, а не какая-нибудь другая личность, она моментально загоралась приобрести эту фотографию. Один мальчишка предложил ей несколько карточек своих старших братьев, уверяя ее, что это артисты. И она за эти фотографии отдала ему несколько книг, в том числе «Моби Дик, или Поиски белого кита» и «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви». Она методично писала письма в различные советские и иностранные журналы с просьбой выслать ей фотографии артистов. Хотя каждому ясно, что журналы существуют не для этого. Своими письмами она отвлекала людей от работы, занимала их золотое время. Получая такое пустячное письмо, работник издательства разводил руками и, наверное, возмущался.

Несмотря на то что ни один журнал ей ничего не прислал, она насобирали столько этих фото, что можно удивляться. В итоге у нее появилось по нескольку одинаковых артистов: шесть одних, пятнадцать других, двадцать пять третьих. Это уж вроде совсем ни к чему. Но она не останавливалась. В любом деле трудно остановиться, если оно тебя захватывает. Хотя каждому ясно, что эта меняловка бессмысленна. А она за одной какой-то фотографией обегала весь город и даже собиралась просить отца, чтобы он взял ее с собой в Москву, когда поедет в командировку. Отец как-то невнимательно отнесся к этой просьбе, и она, может быть, именно из-за этой фотографии осталась на второй год. Она потратила уйму времени, чтобы достать ее в своем родном городе. Для родителей это было полной неожиданностью, но они пока не пони-

мали причины. Вскоре и родители увидели некоторую неприятную сторону этой коллекции. Самые любимые и ценные семейные фотографии: отец с матерью на фоне орла в Эссентуках, мать по горло в воде в Японском море, отец на лошади с шашкой в период Гражданской войны, дед с Георгиевским крестом, бабка с девятью детьми – все эти редчайшие семейные фотографии были выкинуты из альбома и неизвестно куда делись. На их месте появились совсем незнакомые отцу люди. У родителей даже слезы появились на глазах. И они прямо спросили ее, куда она дела семейные фотографии. А Маша, не понимая их расстройств, говорит: «Неужели вы не видите, что эти снимки гораздо ценнее ваших?» Тогда рассерженный отец хватает у нее этот альбом и кидает его в форточку. Во время полета десятки фотографий выскакивают из альбома и летят по воздуху, кружась и перевертываясь. Потом альбом приземляется во дворе, а за ним многочисленные фото. Маша все это видит, и сердце у нее захватывает от такой ужасной картины. Отец говорит ей: «Чтобы больше я не видел у себя этих незнакомых лиц!»

Маша в слезах бежит во двор, но альбома там не находит. Только одна карточка не очень популярного артиста валялась на песке. А когда она возвратилась, рассерженный отец посрыгал со стен еще несколько фотографий.

Но, как ни странно, это на нее не подействовало. Она не собиралась расставаться со своей коллекцией. Она продолжала ее пополнять с еще большим рвением.

Альбомы с фотографиями и солидные пачки, перевязанные бечевкой, она прятала в какие-то тайники, которые ни одна живая душа не могла бы найти, не говоря уже о родителях. Когда родители уходили, она бросалась к своим тайникам и пересчитывала, перекладывала свою ценность. Дел у нее по горло было, как видите. Отдохнуть ей было некогда. Все время она узнавала, что существуют какие-то фото, которых она не имеет. Никакого конца видно не было.хлопот у нее не убавилось, а, наоборот, как бы это сказать, прибавилось.

У нее вся жизнь как-то боком пошла. В кино она не ходила. В Театр юного зрителя не ходила. В зверинец не ходила. В музеи не ходила. Никуда она не ходила. На футбол и подавно не ходила. В школу тоже почти не ходила. Иногда появлялась, правда, но очень редко.

Ее взгляд устремлен был вдаль – пустой, странный взгляд. Там, вдали, ей, наверное, чудились какие-нибудь редкие фотографии артистов, которые она не успела приобрести...

Мы не знаем, чем все это кончилось. Может быть, она приобрела еще несколько экземпляров для своей коллекции...

Но потеряла она гораздо больше.

Самый лучший лагерь

Дело в том, что в «Прибрежном», «Лазурном» и «Горном» мы уже были. А теперь отправились с визитом в лагерь «Морской».

В шлюпке спор завязался, какой лагерь лучше.

Потом спор до того разгорелся, что лодка стала качаться, честное пионерское! Но мы все равно спорить продолжали. Только когда Коля Яблочкин встал и замахал руками, мы его обратно посадили.

Коля Яблочкин закричал:

– Самый лучший лагерь – наш «Кипарисный»! У нас столько кипарисов, что другим лагерям никогда столько не насажать, а если даже насажают, – жди, когда они вырастут! А когда они вырастут, наши кипарисы еще больше вырастут! Вы это сообщаете?! А те будут расти и расти и все без толку! Никогда им наших в жизни не перерастить!..

Витя Курочкин закричал:

– Мне нравится «Прибрежный»! Там в воде меньше камней, чем в других местах, а в других местах камней больше!

И он стал так хвалить «Прибрежный», так орать, что его пришлось успокаивать, как Колю Яблочкина.

– Ой, девочки! – вдруг закричала Катя, когда мы проезжали мимо «Лазурного». – Пушкин знал, где стихи писать, Пушкин все знает!

И все поняли, что ей «Лазурный» лагерь больше нравится.

Все смотрели на грот Пушкина.

Все немножко помолчали, а когда проехали, снова заспорили.

Патрик заявил через переводчика, что ему трудно ответить, какой лагерь лучше, но «Горный» не хуже.

Его спросили через переводчика, что значит «„Горный“ не хуже», и он ответил через переводчика, что его слова означают: «„Горный“ лучше».

Его спросили через переводчика, чем ему «Горный» больше нравится, и он ответил через переводчика: «Потому что на горе».

Больше его не стали спрашивать, но спор продолжался до тех пор, пока к «Морскому» не причалили.

В «Морском» лагере Витя Курочкин прямо ошалел, бегал с вытаращенными глазами мимо архитектурных сооружений и кричал, что «он всегда тянулся к бетону и стеклу». Не хотел даже ехать обратно, заявив, что он к кипарисам никогда не тянулся. А сам, между прочим, несколько раз на кипарисы пытался залезать, я видел. Однажды даже с одного кипариса на ежа свалился.

На обратном пути мимо всех лагерей ехали тоже споря.

Мы всю дорогу спорили, а в конце концов решили, что самый лучший лагерь – Артек.

Ведь это и есть Артек – все пять лагерей, о которых мы спорили.

Живопись и самолеты

До войны Никита любил рисовать, особенно природу. Он даже занимался во Дворце пионеров в изобразительном кружке и, когда приезжал с родителями на дачу, не расставался с красками.

Однажды Никита расположился на опушке красивого леса и так увлекся рисованием, что не заметил, как к нему подошел высокий летчик в кожаной куртке. Он долго стоял сзади, разглядывал рисунок, а потом сказал:

– Очень даже неплохо у тебя получается, малыш. Когда-то я в детстве тоже любил рисовать, а потом увлекся авиацией и совсем забросил это дело.

Никита смутился и в то же время обрадовался необычному знакомству, у них завязался разговор про живопись и самолеты.

Никита сказал:

– Завтра в это время мне еще придется вернуться сюда, чтобы поработать над деревьями, солнце уже садится, и меняется освещение.

Летчик сказал:

– Завтра в это время у меня как раз тренировочный полет, и я непременно прилечу сюда и погляжу сверху, как у тебя получаются деревья.

Конечно, Никита подумал, что это шутка, разве сверху можно увидеть его рисунок?

Они еще поговорили, а потом летчик отправился на аэродром, а Никита – к себе домой.

На другой день Никита сидел на том же самом месте и услышал гул самолета. Самолет стал снижаться и так низко пролетел над опушкой, что Никита увидел, как летчик высунулся из кабины и помахал ему рукой.

А вскоре началась война, и Никита увидел в газете портрет того самого летчика, с которым он встречался на опушке леса. Летчику было присвоено звание Героя Советского Союза за таран фашистского самолета в ночном небе.

Война окончилась через пять лет.

И прошло еще много лет после войны.

Лес на рисунке сильно пожелтел и выцвел.

И вырезка из газеты выцвела и пожелтела от времени.

И Никита давно уже Никита Васильевич, водит в небе реактивный самолет.

А сын его мечтает стать художником.

Не успел

Нарисовал Мишутка рисунок.

– Вот, – говорит, – это конь.

– Твой конь больше на обезьяну похож.

– Это и есть обезьяна.

– Ты же сказал, что это конь.

– Я нечаянно сказал, что это конь.

– Может быть, это не обезьяна?

– Может быть, – говорит Мишутка.

– Как же ты сам не знаешь, что рисовал? Может быть, ты утюг рисовал?

– Какой утюг? – удивился Мишутка.

– Который у нас в кухне стоит.

– Ага, утюг, – говорит Мишутка.

– Ты уверен, что ты утюг рисовал?

– А что? – насторожился Мишутка.

– Может, это и не утюг? Может, что-нибудь другое? Например, курица или верблюд?

Мишутка подумал и говорит:

– Может быть.

– Так что же это: курица? Верблюд? Утюг?

Мишутка сказал:

– Я хотел нарисовать обезьяну, курицу, верблюда и утюг, но не успел...

Рисунок

Алеша нарисовал цветными карандашами деревья, цветы, траву, грибы, небо, солнце и даже зайца.

– Чего здесь не хватает? – спросил он папу.

– Всего здесь достаточно, – ответил папа.

– Чего здесь недостаточно? – спросил он брата.

– Всего хватает, – сказал брат.

Тогда Алеша перевернул рисунок и написал на обороте вот такими большими буквами:

И ЕЩЕ ПЕЛИ ПТИЦЫ

– Вот теперь, – сказал он, – там всего хватает!

Когда споткнется Дед Мороз

Новогодняя сказка

Шел снег, а в снегу шли Деда Морозы.

Они шли не спеша, оживленно беседуя. Заполнив все улицы, шли Деда Морозы, и не было им конца и краю.

Снег кружился и блестел; если внимательно присмотреться, то можно увидеть мохнатые брови, длинные бороды. Только лиц совсем не видно, сколько ни присматривайся. Только Деда Морозы могут так ходить, чтобы их лиц не было видно.

Но если внимательно прислушаться, то можно было услышать приглушенный говор, кашель, смех и как они шмыгают простуженными носами.

Каждый из Дедов Морозов нес под мышкой подарок. Но этого уж, конечно, не было видно. Этого никогда не видно, хотя каждый раз в Новый год все Деда Морозы проходят по улицам всех городов с подарками.

Иногда, когда снег не идет, Дедов Морозов вообще не видно. Даже бород и бровей не видно. Но это бывает редко. Потому что в новогоднюю ночь снег почти всегда идет.

Каждый раз в Новый год поздно ночью в дом к мальчикам и девочкам заходит Дед Мороз, с которым они познакомились во сне. Ведь не может быть, чтобы ты никогда не встречался во сне с Дедом Морозом! Любой мальчик, любая девочка встречаются во сне со своим Дедом Морозом – одни раньше, другие позже, но обязательно встречаются. А если дети находят подарок у своей кровати, но уверяют, что они никогда не встречались во сне с Дедом Морозом, то они просто этого не помнят. Непременно встречались. Раз утром нашли подарок у своей кровати. Откуда же он мог тогда взяться, сами посудите!

Так вот, во время одного новогоднего шествия один Дед Мороз споткнулся, выронил подарок, и очень хорошая детская игрушка, которую он нес в подарок, сломалась об лед, а конфеты и печенье рассыпались по снегу.

Ему некогда было идти за новым подарком, утро Нового года уже подходило, и он все равно бы уже не успел. И этому Деду Морозу пришлось только потерять ушибленное колено и отправляться обратно к себе домой.

Он побрел обратно печальный и расстроенный, потому что никак не мог выйти из своего положения.

Все Деда Морозы шли в одну сторону с подарками, а он шел в другую пустой. Это было, безусловно, печальное зрелище. Хотя этого никто не видел.

У него даже слезы капали из глаз; ему было очень тяжело, что он не может принести подарок своему маленькому приятелю, с которым он познакомился во сне. Это был неудачливый Дед Мороз, как бывают и неудачливые люди. Но неудачливые люди не все же время бывают неудачливыми. И Деда Морозы – то же самое. Если он в этом году споткнулся, то не споткнется же он в следующем году! И он твердо решил, что на следующий год он принесет своему малышу не одну, а две игрушки, конфет и печенья в два раза больше.

Так что тот мальчик или девочка, которые, проснувшись, не нашли своего подарка, получат его непременно в следующем году. И притом в двойном размере.

Я никак не думаю, что этот Дед Мороз еще раз споткнется, да так неудачно. Если уж споткнется, то какой-нибудь другой Дед Мороз. А может, никто не споткнется.

Тогда всем будут подарки.

Пять елок

Сначала купили сразу две елки: одну елку – папа, другую – мама. Потом пришел дядя Миша с елкой.

Дядя Миша сказал:

– Эх, какая досада!

– Три елки нам ни к чему, – сказал папа.

– Бог троицу любит, – сказала бабушка.

– Бога нет, – сказал я.

– Бесхозяйственность, – сказала мама.

Только мама это сказала, как вдруг входит дедушка с елкой.

А за ним тетя Нюша с елкой.

– Ура, – крикнул я, – пять елок!

– Я расстроилась, – говорит тетя Нюша. – Я хотела вам сделать сюрприз, а тут столько елок!

– Что же делать, – говорит мама, – куда же мы денем эти елки? Придется их предложить соседям.

– Как это так? – говорит дядя Миша. – Я принес елку Пете. И вдруг ее отдают соседям!

– Я очень обижен, – говорит дед. – Я принес елку внуку. И я не пойму, при чем здесь соседи!

– И я! – сказала тетя Нюша. – Я не отдам свою елку соседям! Я принесла свою елку племяннику. Пусть он скажет: доволен он елкой?

– Конечно доволен! – крикнул я.

Тетя Нюша сказала:

– Ну! Только попробуйте! Елка – его.

Папа сказал:

– Но я купил свою елку первым. Я выбирал ее два часа. Я покупал елку сыну. Я не хочу об этом слышать!

– Тем более – я, – сказала мама. – К тому ж моя елка лучше всех, это, по-моему, сразу видно.

Тетя Нюша сказала:

– Моя елка лучше! Вы только понюхайте, как она пахнет!

А дядя Миша взмахнул своей елкой так, что задел деда по носу веткой.

Бабушка тихо смеялась в углу.

Наконец всем надоело спорить. Дядя Миша сказал:

– Я так считаю. Пусть свое мнение выскажет Петя. В конце концов, эти елки – его.

Я сказал, что мне нравятся все пять елок.

– Вот и прекрасно! – сказал дядя Миша. – Елки Петины. Он доволен. Так в чем же дело, я не пойму!

Все согласились с дядей Мишей и начали устанавливать елки. Хотя это было не так легко сделать, но в конце концов елки установили. Потом принялись вешать игрушки. Правда, игрушек было мало, но все равно я был очень доволен – пять елок все вместе в одной квартире.

Это ведь целый лес!

Потом пришел Вовка взглянуть на елки.

Потом пришел Алька из пятой квартиры.

Потом пришли Ленка с Васькой.

Каждому я подарил по елке.

И мне осталась одна елка.

Я все ходил вокруг нее и долго любовался ею, а потом вдруг представил себе, как стало пусто в том месте в лесу, где росли пять елок. Их вырубил для меня специально...

На следующий год я вырасту большой, и тогда не нужно мне будет ни одной елки. Хотя и сейчас я уже не малыш...

Он приехал ко мне из темноты

- Без Деда Мороза придется в этот год обойтись, – говорит папа.
- Без Деда Мороза нельзя! – говорю.
- Я не успел его вызвать, было много работы, закрутился... – говорит папа.
- Из-за твоей работы Новый год отменяется? – говорю.
- Не отменяется. Нам некогда его дожидаться. Сейчас с тобой поедем. Нас ждут бабушка, мама и новогодний стол. Семейное дело – сам понимаешь, – говорит папа.
- Без Деда Мороза Новый год не придет. Я точно знаю. Всегда так было. Я его давно жду, – говорю.
- Ты шутишь? Ты уж не маленький, скоро в школу пойдешь. Дед Мороз не фантастика. Обыкновенный человек на работе, вот и все, – говорит папа.
- Я, конечно, не маленький. Но Дед Мороз есть Дед Мороз!
- Да с такими штуками, как у тебя: видео, магнитофон, компьютер, три елки – зеленая, серебряная, золотая, разных игрушек – море... Сотовый телефон у тебя на полу валяется, подними сейчас же! Ты не бедняк. Можно, я думаю, без одного ряженого обойтись, – говорит отец.
- Настроение было плохое, когда я пристегивался ремнями на сиденье рядом с отцом.
- Замелькали по сторонам огни и елки в лесу под снегом.
- «Что теперь будет? – думал я. – Без Деда Мороза Новый год никогда не приходил. Никогда такого не было».
- В моторе что-то зазвеняло, отец сразу насторожился, скорость переключил, перестроился. В машине уже не звеняет – дребезжит. Мы съехали на обочину, остановились. Мотор заглух и больше не заводился.
- Папа открыл капот, посмотрел в моторе, достал из багажника гаечные ключи, домкрат и мне говорит:
- Возьми аварийный фонарь, засвети у моих ног, чтобы не задела случайно. И может быть, кто остановится...
- Он надел старую засаленную куртку, поднял машину на домкрате, полез под нее с фонариком. Свет от фонарика прыгал, как зайчик.
- Я стою у красного фонаря и жду: кто-нибудь остановится...
- Страшно гудит в темноте дорога. В одну сторону посмотрю: машины ослепляют белыми фарами, снег в лесу кажется темным. В другую сторону обернусь – красные огни уплывают, будто дразнятся. Пока никто не останавливается.
- Печально! Ни Деда Мороза, ни Нового года, елок и тех в темноте не видно. Застряли посреди пути, посреди ночи, посреди зимы...
- Папа вылезает из-под машины.
- Ну что там? – говорю.
- Он безнадежно разводит руками.
- Зря ты не взял с собой телефона, вызвали бы сейчас аварийную. Позвонили бы бабушке и маме...
- Телефон так на полу и валяется, мне стыдно, что я не удосужился его поднять.
- Почему никто не останавливается?
- Остановятся. Сейчас, сейчас, подожди немного. Ты хоть не простудись, а то беда, – говорит отец.
- Вот тебе и Дед Мороз! – говорю.
- Застряли... Ничего не поделаешь, – говорит папа.
- Настроение у меня хуже и хуже.

Неожиданно подъезжает к нам «Волга». Останавливается. Открывается дверца и выходит... Дед Мороз!

Ну да! В красном тулупе, в белой шапке и, как положено, борода.

– Что тут с вами? – говорит Дед Мороз. – Я на работе, везу подарки ребятам, но вас, конечно, в беде не оставлю.

Он вытащил из своего багажника легкий тросик, подцепил к «Волге» нашу машину и сел за руль. Я пересел к нему, потому что в аварийной машине нельзя сидеть пассажирам.

Я еду с Дедом Морозом, гляжу на него во все глаза. Я люблю его больше всего на свете. И как нечаянно запою:

Вперед, вперед на Новый год
Нас Дед Мороз домой везет...

Мы с ним смеемся.

Приехали обратно домой. Дед Мороз оказался вовремя на работе, мы успели к Новому году. Он мешочек с подарком мне дал.

Я так и знал: без Деда Мороза в Новый год не обойдешься.

Мы подняли с пола телефон, позвонили маме и бабушке. Они были счастливы, что мы в аварию не попали и никакого несчастья с нами не произошло.

Я, конечно, не маленький. Я давно знаю, что Дед Мороз человек. Но зато какой человек! Самый лучший!

Настоящая дружба

У Андрюшки было много друзей во дворе. Некоторые даже ходили уже в школу, но такого маленького друга у него еще никогда не было.

Этот новый друг Вадик знал несколько слов и большую часть времени спал в коляске. И тем не менее он был настоящий друг.

При виде Андрюши он еще издали кричал:

– А-а-а!

Все, что у него было в руках, он протягивал своему другу и говорил:

– На!

А однажды, когда на Андрюшу залаяла большая собака, Вадик так громко заплакал, что собака поджала хвост и замолчала.

Зато Андрюша, как друг, водил малыша за руку, и благодаря этому Вадик быстро научился самостоятельно ходить. Ведь Андрюша сам в свое время не сразу научился ходить самостоятельно и, наверное, помнил об этом.

А когда мама Вадика отлучалась, всегда следил, чтобы друг его не вывалился из коляски, и Вадик, хорошо понимая это, протягивал ему руки и говорил:

– Угу.

Андрюша часто дарил ему какую-нибудь свою игрушку, и Вадик радостно кричал:

– Ага!

Теперь Андрюша ходит уже в школу и, говорят, не очень-то смиренно сидит за партой, а Вадик всю бегает и ни минуты не желает сидеть в коляске.

И они по-прежнему друзья.

Горка

– Эх, съехать бы с горки на санках, – мечтали малыши Петя и Вася, – а не возить друг друга за веревочку по ровному месту.

Но возле их дома горок не было.

И они решили написать заявление, как это делают взрослые.

Они напишут заявление и бросят его в почтовый ящик. И взрослые позаботятся, чтобы у них была горка, когда прочтут заявление.

Но тут возникли сложности.

Во-первых, они не знали, что такое заявление, а только слышали. А во-вторых, не умели писать, потому что не ходили в школу. Но все-таки они вышли из положения. Спросили у первоклассника, что такое заявление, и тот сказал:

– Это такая бумажка, которая заявляет.

– Как раз мы хотим заявить, что нам нужна горка, – сказали малыши, – но мы не умеем писать.

Первоклассник сказал:

– Пожалуйста, я напишу вам такое заявление, и потом мы все вместе будем кататься с этой горки.

И он написал:

«Заявляем, что нам нужна горка».

И все втроем бросили в почтовый ящик это заявление.

И вот пришли рабочие и стали строить деревянную горку возле их дома.

– Ура! – закричали ребята. – Получили наше заявление! Наконец-то строят нам горку!

– Мы строим уже десятую горку в вашем районе, – ответили строители.

И малыши подумали: «Вот это да! На одно наше заявление построили десять горок!»

Эх, Катя, Катя!

1. Как она сидела на камушке

Совсем маленькие дети плескались в волнах, а Катя сидела на камушке и не купалась.

Один мальчишка хотел потащить ее в воду, но она так закричала, что он испугался и стал собираться уходить.

– Почему ты отказываешься купаться? – поинтересовался он.

– Я боюсь волн, – ответила она с таким видом, как будто говорила: «Я ничего на свете не боюсь».

– Но там ведь очень мелко, – уверял мальчишка.

– Но зато ты заметил, как я не похожа на других?

Удивленный мальчишка говорит:

– Но ведь это очень плохо, если ты боишься.

– Зато все купаются, а я сижу.

– А зато ты сидишь, а все купаются, – засмеялся мальчишка.

– А зато ты заметил, какой у меня твердый характер? – И она так скрипнула зубами и вытаращила глаза, что мальчишка отбежал от нее довольно далеко и оттуда закричал:

– Сама боится, а сама пугает, чучело! Часами тренировалась перед зеркалом!

Одна женщина выходит из воды и говорит:

– А я чуть в обморок не упала от твоей гримасы. Могла бы утонуть.

– Да, я много тренируюсь перед зеркалом, – отвечает Катя, – чтобы всех пугать.

– Зачем?!

– Чтобы все меня боялись и разбежались в разные стороны.

Другая женщина входит в воду и говорит:

– Только ты меня, пожалуйста, не пугай, а то я не умею плавать.

Один загорающий мужчина говорит:

– А может, из нее вышла бы актриса на трагические роли?

– Нет, нет, – сказала женщина, вышедшая из воды, – все зрители скорей всего убежали бы из зрительного зала.

– А я бы их догнала и назад вернула, – говорит Катя.

– Ишь ты, какая шустрая, интересно, как бы тебе это удалось?

– А я как скрипну зубами – и они обратно побегут.

– Пошла бы ты в воду, – говорит женщина, вылезшая из воды, – да поучилась бы плавать.

– А мне так интересней, – отвечает Катя.

Тут многие включились в разговор:

– Я думаю, когда эта девочка вырастет, она доставит всем хлопот! С ней очень трудно будет разговаривать, а еще труднее – работать.

– А сейчас с ней легко? Сейчас уже с ней просто невозможно разговаривать!

– И самой ей потом будет нелегко в сплоченном коллективе.

– А как она напугала этого мальчишку! Он теперь долго не появится на пляже.

А Катя сидит на камушке и потихонечку улыбается: «Вот как я заставила всех о себе заговорить! Конечно, я очень даже не похожа на других!»

2. Как она шла домой

Как всегда, переходила улицу в неподобающем месте и чуть не попала под машину.

Скрип тормозов. Толпа.

Милиционер ее спрашивает:

– Ты, наверно, пионерка?

Она смотрит на милиционера вытаращенными глазами и говорит:

– Недавно...

– Куда же ты идешь?! – возмущается шофер.

– Домой...

– Не домой, а под машину!

– Она, видите ли, шла домой!!! – возмущается народ.

– А еще ведь пионерка!

– Пионерка-то недавно...

– Октябренком-то она была! Мой внук-октябренок при переходе улицы ведет меня за руку, а не я его, – похвалился старик с палкой, – и мы ни разу не попали под машину.

Милиционер говорит:

– А ведь эта девочка очень просто могла до дому не дойти.

– А я могла бы до работы не дойти, – говорит перепуганная женщина, – из-за этой девочки машина въехала на тротуар.

– А я могла бы не дойти до магазина, – сказал кто-то.

– Неужели ты всего этого не понимаешь? – говорит милиционер.

– Я все понимаю, – говорит Катя и продолжает вытаращенными глазами смотреть на милиционера.

Из толпы говорят:

– Может, этот ребенок не совсем здоров, тогда другое дело.

– Как это могут родители выпускать больного ребенка на улицу!

– Ты, наверно, нездорова, девочка? – спрашивает милиционер.

Катя сразу смекнула:

– Да, да, мне придавили голову.

– Чем?!

– Дверью.

– Кто?!

– Сосед.

Из толпы вопрос:

– Когда?

И Катя говорит:

– Вчера.

– Ребенку нужно лежать, раз только вчера ей придавили дверью голову.

– Да, эти подвыпившие соседи совершенно не могут пользоваться дверьми!

– Да таких соседей...

Какая-то старушка говорит:

– Я знаю одного соседа, товарищ милиционер, который беспрерывно хлопает дверьми.

Другая старушка говорит:

– А я знаю соседку, которая все время хлопает дверьми – трах! бах! – как пушка в Петропавловской крепости, и я думаю, уже двенадцать, а еще утро.

И еще некоторые старушки заговорили о соседях, которые хлопают дверьми.

Милиционер засмеялся:

– Этак выходит, каждый день вам всем прищемляют головы?

Две первые старушки радостно закивали головами в знак согласия, не сообразили сразу, потом одумались и замотали головами в разные стороны: нет, мол, наши головы в порядке и никто их никогда не прищемлял...

Шофер уехал по своим делам, а милиционер погрозил Кате пальцем на прощание.
Только старушки еще долго обсуждали поведение соседей.
А Катя рада. Сосед виноват. Не она.

3. Как она пришла домой

Туфли – р-раз! – на шкаф! Панамку на кровать! Мама уберет.
Кривляется у зеркала. Поет. Ведь ей актрисой быть.
– Ах, доченька пришла! Где ты?
– Я здесь! Обедать мне пора!
Мама обнимает дочку и весело ей в ушко напевает в какой раз:

Все здоровы: я, мы, ты,
Если руки вымыты!

Эти строчки с плаката. Плакат на стене. Но он совершенно не действует на Катю.
– А я в море купалась, – отвечает Катя.
Ну, в море так в море. Хотя она врет. Да и море при чем? Но мама ей не стала противоречить. Вы ведь уже знаете Катин характер.
Нет, еще не знаете!
Узнаете.

4. Как она обедала

Мать ставит ей обед на стол. И никак не может на свою дочку налюбоваться.
Пришел отец с работы и тоже не может на свою дочку налюбоваться.
А Катя морщится.
Мать говорит:
– Я сегодня на работе задержалась и наспех приготовила обед.
– А почему бы нашей дочке, – говорит отец, – хотя бы изредка самой не приготовить?
Катя смотрит на родителей вытаращенными глазами и сразу перестает есть.
А мама смотрит на отца умоляющими глазами, чтобы он молча ел.
Но отец тоже перестает есть и говорит:
– Между прочим, многие дочери моих сослуживцев постоянно готовят обеды для своих семей.
– А я вот не умею, – говорит Катя.
– Но можно научиться, – говорит отец, – раз дочери моих сослуживцев...
– А между прочим, дочери твоих сослуживцев, – говорит Катя, – не умеют скакать на лошадях.
– Я этого не знаю, – говорит отец.
– И между прочим, мои родители тоже не умеют скакать на лошадях.
– При чем тут лошади?
– Скакать на лошади и быть вагоновожатым...
– При чем тут вагоновожатый?!
– И пионервожатым.
Теперь уже с удивлением родители смотрят на свою дочку.
– И быть чемпионом Олимпийских игр, и водить реактивные самолеты...
– При чем?! – вдруг закричал отец. – При чем все это? Реактивный самолет!!! О!!!

– А при том, – говорит Катя, – что не может один человек одновременно скакать на лошади, летать на самолете, быть пионервожатым, вагоновожатым и чемпионом Олимпийских игр...

– Но ты-то тут при чем?

– Я? Фу... Фи... Фу...

– Она у нас прекрасно плавает, – вступилась мать.

– Пока она болтает у нас прекрасно, – сказал отец, – с ней просто страшно разговаривать: пионервожатые, вагоновожатые...

Суп в тарелке остыл.

А этого и добивалась Катя, чтобы с ней невозможно было разговаривать.

Фантазии у нее хватает только на то, чтобы мама готовила обеды, а она их ела.

5. Как она вела себя дальше

Подружка ей с улицы кричит:

– Ка-атя-а-а!!!

Катя ей с дивана отвечает:

– Че-его-о-о?!!

– Иди-и-и-и сюда-а-а-а!!!

– Заче-е-ем?

– Пойдем куда-а-а-а-нибу-у-удь!!!

– Куда-а-а-а?

– Не знаю-у-у-у!!!

– Слуша-а-ай!!!

– Слушаю-у-у-у!!!

– Не могу я вас больше слушать, – говорит отец, – я не могу заснуть! Пошла бы ты, спросила, что у нее там такое произошло.

– А я босиком, – говорит Катя.

– На балкон хоть сходи.

– А я без платья.

– Так надень.

– А мне лень. Неохота вставать.

– А у меня голова разрывается на части, – говорит отец, – Что же, она так и будет кричать до утра?

– Покричит и перестанет, – говорит Катя. – Да она уже ушла.

Но вдруг снова:

– Ка-атя-а-а-а!!!

Эх, Катя, Катя...

6. Как она решала задачу

Кате нужно решить задачу, а она болтает по телефону.

– Алло, Маша?

– А я тебе сейчас звонить хотела, – говорит Маша.

– А я тебе сейчас решила позвонить, – говорит Катя.

– А ты мне раньше не звонила?

– А раньше меня дома не было.

– Вот это интересно. И меня тоже дома не было.

– Вот здорово-то получается.

– Потрясающе получается. А у меня всегда потрясающе получается. Поэтому всех вокруг я потрясаю. А вчера я иду, а навстречу мне Петька идет. И на меня не смотрит. А я делаю вид, что на него тоже не смотрю.

– Вот потеха!

– А он взял и за угол завернул, представляешь, потеха!

– А потом?

– Я иду, а он навстречу мне из-за угла выходит.

– Действительно умора! Ой, ты меня совсем уморила! А он куда шел?

– Первый раз или второй?

– Ну первый.

– За угол.

– А второй?

– Из-за угла.

– И все?

– А чего же еще?

– Куда же это он все время ходит, то сюда, то туда, вот интересно.

– Теперь мне все ясно. Наверное, он куда-нибудь ходит и там курит. Нам надо выяснить и учительнице сказать. Мы его поймаем, учительнице скажем, и он курить перестанет.

– Ой, Катька, завтра же начнем за ним ходить. Ой, здорово ты сообразила! А кстати, какой у тебя ответ в задаче получился?

Катя только и ждала этого вопроса. А самой спрашивать ей не хотелось: пусть Маша думает, что задача у нее решена и этот вопрос Катю не интересует. И она с удовольствием называет Маше первое попавшееся число, которое ей приходит в голову. Она ведь не решала.

– А у меня другой ответ, – удивляется Маша.

– Какой?

И Маша называет ей правильный ответ, а Кате только остается теперь подогнать под ответ задачу.

7. Как она отвечала урок учительнице

Учительница спрашивает у нее урок, а она его не знает.

И вот она заявляет своей учительнице:

– Я знаю, но не хочу говорить.

– Как же так? – удивляется учительница.

– Не имею права, – отвечает Катя, – я дала себе слово сегодня не отвечать.

– Как это понимать? – удивляется учительница.

– А чтобы себя проверить, смогу я выдержать или нет.

– Что выдержать?!

– Слово.

– Да какое еще слово?!

– Свое.

Учительница в полном недоумении. И весь класс тоже.

– Скажи уж сразу, что ты урока не знаешь! – говорит учительница.

– Знаю, – говорит Катя.

– Ну, отвечай тогда, – возмущается учительница, – что это еще за новости?!

А Катя отвечает:

– Человек, который дал себе слово, должен твердо и непоколебимо его выполнять, вы нам сами говорили.

– О чем ты? Что за чушь?

Что Кате отвечать? Молчит.

– Тогда я тебе ставлю двойку, – говорит учительница.

И она ставит двойку. Твердую и непоколебимую.

8. Как она рассказывала про двойку родителям

– Я сегодня здорово выдержала свой характер, – сказала она родителям.

– Молодчина, – сказали родители и погладили ее по голове.

– Я сегодня сдержала свое слово, – похвастала Катя.

– Молодчина, – сказали родители и опять погладили ее по голове. И даже обещали купить ей подарок, если она всегда будет сдерживать свое слово.

– Учительница у меня урок спросила, – похвастала Катя, – а я ей отвечать не стала.

Родители насторожились.

– Наверно, ты урока не знала? – спросил отец.

– Наверно, ты урок забыла? – спросила мама.

– Вы знаете, какой у меня характер? – предупредила Катя.

Они знали. Давно.

– Устрою вам сейчас истерику, будете знать!

Родители замахали руками, больше всего они боялись этой истерики.

– Так вот, значит, поставили мне двойку ни за что, – сказала Катя.

– Как ни за что?!

– Я дала себе слово молчать и выполнила его с честью!

– Для чего ты это слово давала, можешь объяснить?

– Чтобы выполнить его, – сказала Катя, еще больше запутывая своих родителей.

– М-да... – сказал отец. Он был бухгалтер крупного учреждения и всю жизнь боялся запутаться в очень крупных цифрах. Но там были большие суммы и счета. И сослуживцы, с которыми он вел всю жизнь дела, были взрослые люди. А здесь дочь. Третьеклассница. И такое наворачивает, что не разберешь.

Мать почему-то в третий раз погладила свою единственную дочку по голове. Она совершенно запуталась во всей этой истории.

Тогда Катя улыбнулась и сказала:

– Между прочим, вас завтра в школу вызывают.

– Зачем?

– За то, что у меня твердый и непоколебимый характер. Неужели вы этого не понимаете?

– И нам придется за него отвечать? – догадался отец.

– Чему тут удивляться, – сказала мать, – если у дочки твой характер.

– Но я никогда никого не запутал на своей работе, и никто меня не запутал, – сказал отец, – и когда учился в школе, не запутывал своих учителей.

– Оставь ребенка в покое, – сказала мать.

– М-да... – повторил отец.

Катя сидела на диване и болтала ногами.

И они оставили ее в покое.

9. Как она запутала саму себя

Ребята сидели на лавочке во дворе, и один мальчишка спрашивает Катю:

– Будет сегодня дождь или не будет?

Ну а Катя видит – небо чистое, засмеялась от такого вопроса и говорит:

– Не будет, всем видно.

А этот мальчишка прогноз погоды слышал по радио и друзьям моргает – видимо, они договорились. Решили Катю проучить: ребятам она тоже досаждала своими выкрутасами.

И вот этот мальчишка нарочно спрашивает Катю:

– Где видно, что дождя не будет?

Катя ухмыляется:

– На небе.

Мальчишка говорит:

– А я ничего такого на небе не заметил. Если дождь будет, мы уйдем, а ты здесь оставайся.

Катя ухмыляется:

– Пожалуйста, я буду здесь сидеть, а вы сейчас же отсюда уходите, дураки.

Ребята говорят:

– Хорошо, мы, дураки, уйдем, а ты у нас умная, сиди, если дождь пойдет.

– Да он никогда не пойдет!

– А если через час он не пойдет, мы здесь целый день будем сидеть и целую ночь.

– А я буду на вас из окна смотреть и водой вас из ведра поливать!

Катя ухмыляется, ребята смеются, спор, в общем, затянулся. Но договорились: в течение часа ждать дождя на скамейке, никому не уходить. Конечно, риск у ребят был: вдруг дождь стороной пройдет? И в редком случае, но прогноз погоды может подвести. Бывает. Мало ли.

Но вот вдруг подул ветер. Налетела туча. И дождь как пошел хлестать!

Ребята – по домам!

А Кате надо оставаться.

И вот тогда она со своим твердым и непоколебимым характером припустила за ребятами во весь дух!

Весь ее твердый характер моментально в дожде растворился...

– А где же твое слово? – кричат ей ребята.

– А я грома боюсь, – заявляет Катя таким тоном, как будто она ничего на свете не боится...

Эх, Катя, Катя...

Эх ты!

Весеннее настроение

Включил транзистор на уроке и сразу выключил. Никто ничего не понял, только мой сосед по парте Вася хихикнул и говорит:

– Давай, давай еще!

Марья Марковна спрашивает:

– Откуда это?

Я, естественно, молчу.

Она опять:

– Откуда музыка, меня интересует?

Таня Ведеркина говорит:

– Наверное, с улицы.

Я у окна сижу, а окно открыто. Вполне можно спутать.

– Очень уж не хочется окно закрывать, – говорит Марья Марковна, – чудесная весенняя погода на дворе.

Ребята кричат:

– Не надо, не надо закрывать!

Она отвернулась к доске, а Вася меня в бок толкает:

– Еще давай, еще!

Я снова включил.

– Если будете отвлекаться, – говорит Марья Марковна, – я окно закрою.

Ребята кричат, чтобы не закрывала, а Вася продолжает меня в бок толкать:

– Давай еще, давай!

Я его отстраняю, а он рвется к моему транзистору, как с ума сошел:

– Давай, давай! Еще давай!

Осторожненько поворачиваю колесико...

Марья Марковна говорит:

– Мне кажется, это не с улицы...

А ребята кричат:

– С улицы! С улицы!

– Придется тогда окно закрыть.

– Пожалуйста, не закрывайте! – кричат со всех сторон.

В это время Вася взял да и включил приемник на полную мощность, он у меня в парте лежал.

Я встал и говорю:

– У меня случайно получилось. Мой приемник испорчен, он не может тихо играть. Я все время старался тихо-тихо, а он орет громко. Извините меня, такие песни передавали...

Марья Марковна поглядела в окно, и все в окно посмотрели.

– Эх ты, я чуть было из-за тебя окно не закрыла, – сказала она.

А Вася меня в бок толкает и знай свое твердит:

– Еще, еще, давай еще!

Удивительное предложение

Анна Михайловна написала на доске:

ВЕСНА, ТРАКТОРЫ, НАСТУПИЛА, ЗАГУДЕЛИ.

И сказала:

– Составьте предложение из этих слов. Саша встал и прочел:

– НАСТУПИЛА ВЕСНА, ТРАКТОРЫ ЗАГУДЕЛИ.

– Запишите это в тетрадь, – сказала Анна Михайловна.

Вдруг Катя говорит:

– Смотрите! А он написал: НАСТУПИЛИ ТРАКТОРЫ, ВЕСНА ЗАГУДЕЛА!

Анна Михайловна говорит:

– Это ты, Саша, так написал? Ты ведь правильно прочел.

– А мне хотелось по-другому написать, чтобы по-другому было, – говорит Саша.

– Я не просила писать по-другому, – говорит Анна Михайловна, – но раз такая необходимость...

– Я и так, и так напишу, – говорит Саша. – Сначала ЗАГУДЕЛА ВЕСНА, а потом ВСЕ ТРАКТОРЫ ПОШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ...

– Весна загудела? – сказала Анна Михайловна. – Гм!..

Вдруг Саша говорит:

– А я еще по-другому придумал, только там вместо тракторов танки, а вместо весны – война: НАСТУПИЛА ВОЙНА, ТАНКИ ЗАГУДЕЛИ...

– Давайте лучше без войны, – сказала Анна Михайловна.

– Пожалуйста, – сказал Саша. – ОТКРЫЛАСЬ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ, ПРОВОДА ЗАГУДЕЛИ. А еще, – сказал Саша, – ТРУБЫ ЗАГУДЕЛИ, ПАРАД НАЧАЛСЯ...

Тут все стали кричать, как еще может быть. Все стали выдумывать и стараться.

Прозвенел звонок, но ребята не вставали, а продолжали говорить, как еще может быть.

Все придумывали разные варианты, а некоторые даже считали, сколько их получается.

А по дороге домой Саша даже сочинил стихотворение:

Весною тракторы гудят
И солнце с неба светит.
Скворцы со всех сторон летят
На целом белом свете!

Вот какое это было удивительное предложение!

Неужели вы не понимаете, Катерина Митрофановна?

Один раз мы весь день макулатуру собирали, чтобы на первое место выйти.

Мы сначала не знали, куда ее складывать, а потом подумали и решили в сарай к тете Кате складывать, чтобы потом всю сразу сдать в школу. У нее там дрова лежали. Она сказала, что у нее в сарае места нет, но мы сказали – место найдем. Тогда она согласилась. «Но места, – говорит, – там все равно нет».

Мы место сразу нашли, только несколько поленьев за сарай побросали.

Потом еще несколько поленьев за сарай побросали.

Потом видим – макулатура все прибавляется, и мы еще несколько поленьев за сарай побросали.

Пес Бобик заметил, что мы в сарай разную бумагу кладем, и стал нашу макулатуру в ключья разрывать и на двор выкидывать. Мы прямо ахнули, когда такую картину увидели.

Поставили мы часового – дошкольника Андрюшу Лушкина, – чтобы он Бобика в сарай не пускал.

А он стоял, стоял, а потом пропал. Оказалось, он зашел в сарай и уснул на макулатуре. Мы на него новую кучу бумаг свалили, а он и не заметил.

Тут оказалось, что надо еще несколько поленьев за сарай побросать.

Сначала мы Андрюшу не увидели, а потом перепугались – представляете: человек лежит! Мы только отбежали на некоторое расстояние, и тут выходит из сарая Андрюша Лушкин, заспанный весь до неузнаваемости, и на голове бумажка.

Мы сразу его к маме повели, чтобы он где-нибудь опять не потерялся. Он все время вырывался и кричал: «Никуда я не пойду!» Но все-таки Лушкин свою задачу выполнил, не пустил Бобика в сарай, хотя и спал.

После дождь пошел. Мы все дрова за сарай побросали, чтоб вся макулатура поместилась. Если наша бумага намокнет, скажут – специально намочили, чтобы на первое место выйти.

В это время тетя Катя нам из окна кричит:

– Сейчас же кладите мои дрова обратно, а не то я милиционера позову!

Я ей объясняю, что мы государственное задание выполняем и за первое место соревнуемся, а она слушать не хочет и кричит на нас. Мы двери сарая загородили и так стоим, взявшись за руки.

Она, рассерженная, выбегает во двор.

Дождь прошел, и люди стали во двор выходить прогуляться. Тем более воскресенье. Кто на велосипеде выехал, а кто просто так, без велосипеда, свежим воздухом подышать. Некоторые сели на лавочку и на нас смотрят.

Она так кричала – на всю улицу слышно было. А мы стояли, взявшись за руки, и загоразживали вход в сарай.

Вокруг нас собираться стали.

Мы объясняем, какое это важное государственное дело и что мы должны на первое место выйти.

Сосед, художник Гусев, говорит:

– Неужели вы не понимаете, Катерина Митрофановна, что из этого, на первый взгляд, как вы изволили выразиться, хлама появится много книжек с моими иллюстрациями. А с вашими дровами ничего до завтра не произойдет.

Шофер дядя Вася говорит:

– Вы, Катюша, до завтра подождите, я завтра ребятам всю эту музыку на своей машине отвезу.

– А если опять дождь на мои дрова пойдет?

Дядя Вася улыбается и говорит:

– Я вам обещаю, не пойдет. Смотрите, какая погодка замечательная разгулялась!

Очень многие стали поддерживать художника Гусева и дядю Васю.

А мы все так же стояли, взявшись за руки, и загорали вход в сарай.

Тетя Катя видит такое дело и говорит:

– Если общественность требует, я уйду. Но только до завтра.

И она уходит.

А к нам подходит пенсионер дядя Петя Макагонов и говорит:

– Я рад пожать ваши руки. Мне по душе такие стойкие, упорные ребята. А эти дрова – какая-то абстракция. Ведь всем нам известно, товарищи, уже пять лет как в нашем доме паровое отопление. Пять лет лежат эти дрова. Это полная абстракция, товарищи...

Он еще раз пожал нам руки и ушел.

А мы, довольные, побежали за следующей макулатурой.

На другой день дядя Вася отвез нас вместе с макулатурой в школу.

А потом мы вышли на второе место.

Если бы нас тетя Катя не задержала своими разговорами, мы непременно бы на первое место вышли.

Неужели вы не понимаете этого, Катерина Митрофановна?

Рисунки на асфальте

Моему отцу посвящается

Повести

Мой добрый папа

1. Я не хочу обедать

Я никогда не хочу обедать. Мне так хорошо во дворе играть! Я всю жизнь бы во дворе играл. И никогда не обедал бы. Я совсем не люблю борщ с капустой. И вообще я суп не люблю. И кашу я не люблю. И котлеты я тоже не очень люблю. Я люблю абрикосы. Но вот мама зовет меня есть борщ, мне приходится все бросать; недостроенный дом из песка и Раиса, Расима, Рамиса, Рафиса – моих друзей, братьев Измайловых. Мой брат Боба любит борщ. Он смеется, когда ест борщ, а я морщусь. Он вообще всегда смеется и тычет себе ложкой в нос вместо рта, потому что ему три года. Нет, борщ все-таки я могу съесть. И котлеты я тоже съедаю. Виноград-то я ем с удовольствием! Тогда и сажают меня за рояль. Пожалуй, я съел бы еще раз борщ. Только бы не играть на рояле.

– Ах, Клементи, Клементи, – говорит мама. – Счастье играть Клементи!

– Клементи, Клементи! – говорит папа. – Прекрасная сонatina Клементи! Я в детстве играл сонатину Клементи.

Папа мой музыкант. Он сам сочиняет музыку. Зато раньше он был военный. Он был командиром конников. Он скакал на коне совсем рядом с Чапаевым. Он носил папаху со звездой. Я видел папину шашку. Она здесь у нас в сундуке. Эта шашка такая огромная! И тяжелая! Ее трудно в руках держать, не то что махать во все стороны. Эх, был бы папа военный! Весь в ремнях. Кобура на боку. На другом боку шашка. Звезда на фуражке. Папа ездил бы на коне. А я шел бы с ним рядом. Все мне бы завидовали! Вон смотрите, какой Петин папа.

Но папа любит Клементи.

А я не люблю. Я люблю строить дом из песка, и друзей люблю, четырех братьев: Расима, Рафиса, Раиса, Рамиса. Что мне Клементи!

Я играю. И спрашиваю:

– Не хватит?

– Играй еще, – говорит мама.

– Играй, играй, – говорит папа.

Я играю, а брат сидит на полу и смеется. В руках у него заводная машина. Он оторвал от машины колеса. И катает их по полу. И ему очень нравится. Никто ему не мешает. Не заставляет играть на рояле. И потому ему весело. Плачет он очень редко. Когда у него что-нибудь отнимают. Или когда его стригут. Он совершенно не любит стричься. Он так и ходил бы всю жизнь лохматый. На это он не обращает внимания. В общем, ему хорошо, а мне плохо.

Папа с мамой слушают, как я играю. Брат катает по полу колесики. За окном кричат четыре брата. Они кричат разными голосами. Я вижу в окно: они машут руками. Они зовут меня. Им одним скучно.

– Ну все, – говорю я, – все сыграл.

– Еще разик, – просит папа.

– Больше не буду, – говорю я.

– Ну пожалуйста, – говорит мама.

– Не буду, – говорю я, – не буду!

– Ты смотри мне! – говорит папа.

Я пробую встать. Убираю ноты.

– Я сотру тебя в порошок! – кричит папа.

– Не надо так, – говорит мама.

Папа волнуется:

– Я учился... я играл в день по пять-шесть часов, сразу после Гражданской войны. Я трудился! А он?.. Я его в порошок сотру!

Но я-то знал! Он меня не сотрет в порошок. Он так всегда говорит, когда злится. Он даже маме так говорит. Как может он нас в порошок стереть? Тем более что он наш папа.

– Не буду играть, – говорю я, – и все!

– Посмотрим, – говорит папа.

– Пожалуйста, – говорю я.

– Посмотрим, – говорит папа.

В третий раз я играю Клементи.

Наконец-то меня отпускают! Мой брат Боба идет за мной. Он растерял все колесики. И ему теперь скучно.

На дворе меня ждут четыре брата. Они машут руками, кричат. Мой дом из песка разрушен. Весь труд мой пропал даром. И все из-за борща и Клементи! Дом разрушил Рафис – младший брат. Он плачет – братья его побили. Нечего делать! И я говорю:

– Ничего. Новый дом построим.

Я веду всех в магазин к дяде Гоше. Дядя Гоша – папин знакомый. Он нам все отпускает в долг. Он записывает на листке наш долг, а потом папа платит ему. Так хорошо! Папа так и сказал: отпускай им все. Что они захотят. Сколько им угодно.

Вот приходим мы в магазин. Дядя Гоша нам отпускает конфеты. Мы можем есть их сколько хотим. Потом папа заплатит.

Раис говорит:

– Я уже все съел.

Мы опять идем к дяде Гоше. И набираем еще конфет. Он говорит:

– Не много ли? Приходите еще.

– Непременно придем, – говорим мы.

Во дворе нас окружают ребята. Мы раздаем конфеты. Нам не хватает на всех конфет. Например, Керим без конфет, Маша Никонова и Сашок.

Мы опять идем к дяде Гоше.

– Пожалуйста, – просим мы, – извините. Но нам тут не хватило конфет. Что же делать? Мы очень расстроены. Нам нужно еще чуть-чуть конфет. Чтобы всем хватило.

– Зачем чуть-чуть! – говорит дядя Гоша. – Берите! И приходите еще.

Он дает нам конфет, и все довольны. Теперь всем ребятам хватило конфет.

На улице стало темнеть. Фонари зажглись. Скоро небо будет в звездах. Такое в нашем городе небо. Наш город самый красивый. Хотя я не был в других городах. В нашем городе есть бульвар. Там море, корабли и лодки. И виден остров вдали. И нефтяные вышки в море. Я пошел бы сейчас на бульвар, но вы слышите? Мама зовет нас на ужин.

И я иду ужинать. Так целый день. Целый день должен я есть!

Я съел ужин, но это не все. Меня снова ведут к роялю. Папы нет дома, и я говорю:

– С меня хватит.

– Вот отсюда начни, – просит мама, – вот с этой строчки.

– Хватит с меня, – говорю я, – и все!

– Будем ждать папу, – говорит мама.

Приходит папа. Он весел. Он держит два больших ящика. В этих ящиках мандарины.

– В июне и вдруг мандарины?!

– С трудом достал, – говорит папа. Он открывает ящики. – А ну! Налетайте, ребятки! Хватайте!

Мы налетаем, хватаем, смеемся. Папа смеется вместе с нами. Ест мандарины. И говорит:

– Позовите всех.

Я зову братьев Раиса, Рафиса, Расима, Рамиса, мы угощаем их мандаринами. И ящики быстро пустеют.

Потом братья уходят, мама уносит пустые ящики. И говорит папе:

– Как с деньгами? Сумеет ли мы все же съездить на дачу? Хотелось бы. Лето проходит.

Я вижу, папа задумался. Он говорит:

– Может, мы сумеем. Но может быть, и не сумеем. Но если мы и не поедим, то не беда – жизнь и так прекрасна!

Но я-то знаю. На даче прекрасней. Там нет рояля. Там гранаты, айва, виноград, инжир... Там море без конца и края. Я люблю купаться в море! Я хочу на дачу! Там рядом станция, гудят паровозы. Там проходят разные поезда. А когда машешь им вслед – тебе тоже машут из окон вагонов. И еще там горячий песок, утки, курицы, мельницы, ослики...

Потом я засыпаю на стуле.

Сквозь сон слышу я голоса, все про дачу, про море, про лето...

А утром я просыпаюсь в кровати.

2. Соседи

Фатъма Ханум – тетя Фатъма, мама братьев Рамиса, Рафиса, Расима, Раиса. Как видит меня, каждый раз говорит: «Ах, Петька, Петька, совсем большой!» Она помнит, когда я был маленький. И теперь удивляется, что я большой. Разве можно удивляться! Я ведь рос постепенно. Вот и сейчас вышел я в коридор, а она говорит:

– Очень быстро растешь!

– Все растут одинаково, – говорю я.

– Расти, расти, – говорит она.

– Вас мама ждет, – соврал я.

Мама любит беседовать с Фатъмой Ханум. А Фатъма Ханум – с моей мамой. Они могут беседовать часами.

– Тетя Фатъма, пойдите к нам!

В который раз мама рассказывает! О том, как я потерялся. Они смеются. Но я не смеюсь. Что мне смеяться! Я много раз слышал. Раз сто или двести. Очень странные взрослые люди! Рассказывают одно и то же. Разве со мной так бывает? Каждый день у меня куча новостей. Что мне вспоминать старое? Когда кругом одни новости!

Я слышу их разговор.

Мама. Помню, он у меня родился, у него глаза были синие. А потом они стали совсем не синие. Какие-то серые. Так обидно! Вот ведь как бывает!

Фатъма Ханум. Быстро растет...

Мама. Да, да, да, вот я и говорю... А когда он был маленьким, он был маленьким – вот таким... он тогда отправился гулять, он открыл сам дверь, вышел на улицу, он прошел тогда весь город, наискосок весь город, и остановился в скверике; как сейчас помню, была суббота, играл оркестр и под оркестр плясали взрослые. Ему понравилось! Он стал вместе со всеми плясать, его и нашли в таком виде – руки в боки и пляшет!

Фатъма Ханум. Очень веселый ребенок!

Мама. Горе мне с ним.

Фатъма Ханум. У меня четыре.

Мама. Я и забыла!

Они смеются. Но я не смеюсь. Ничего нет смешного.

Тетя Фатъма говорит мне:

– А ну расскажи, как ты там танцевал?

– Я маленький был, – говорю, – и не помню.

– Очень быстро растешь, – говорит она.
– Сыграй-ка Клементи, – просит мама.
Но я не хочу играть Клементи.
– Твой папа учился, – говорит мама. – Сразу после Гражданской войны... Он играл по семь-восемь часов...
– Это я знаю, – говорю я.
– Ну хорошо, – говорит мама, – ну хорошо, тогда спой Фатьме песню.
Мама играет, а я пою:

Солнышко ясное,
Наша жизнь прекрасная!

Я пою с удовольствием. Я ору.
– Подожди, подожди! – кричит мама. – Сначала начнем, три... четыре!

Солнышко ясное,
Наша жизнь прекрасная!

Я пою во все горло.
– Нельзя ли потише? – просит мама. – Я не слышу рояля.
– Конечно можно, – говорю я, – но тогда какой смысл?
– Сначала, сначала! – кричит мама. – Нас ждет Фатьма!
Хорошо, в дверь постучали. Это старик Ливерпуль. Я сразу узнал. Только он так стучится. Он, когда пьяный, стучит тихо-тихо. Почти неслышно.
Он крутит перед лицом руками. Как будто делает мельницу.
– А где Володя? – говорит он.
– Он не пришел еще, – говорит мама.
– Он мне страшно нужен...
– Но его нет.
– Я хотел угостить его...
– Вы же знаете: он не пьет.
– Я знаю, но вдруг... он ведь мой сосед... он мне страшно нужен...
– Ливерпуль, Ливерпуль, – вздыхает мама.
– Здравствуйте! – говорит он Фатьме Ханум.
– Здравствуйте, – говорю я.
– Здравствуй, старик, – говорит он мне.
– Я не старик, – обижаюсь я.
– Это неважно, – говорит он.
– Как же неважно? – говорю я.
– Извините, – говорит он.
– Пожалуйста, – говорит мама.
– Я должен вам денег, – говорит он, – не могли бы вы мне одолжить еще?
Мама ему дает бумажку.
– Я вам верну, – говорит Ливерпуль.
– Конечно, конечно, – говорит мама.
И старик Ливерпуль уходит.

У Ливерпуля тонюсенький детский голос, борода крючком и лысая голова. Мама прозвала его Ливерпулем, хотя он имел другое имя. Он, кажется, был из Перу, каким-то случаем попал в Россию и навсегда остался здесь жить.

Не люблю я, когда он пьяный. Он машет руками, качается. Словно вот-вот упадет. Стариком вдруг назвал меня. Вот новость!

Мама беседует с Фатьмой Ханум. Я смотрю в окно. Вижу брата. Он строит дом из песка.

– Что ты торчишь тут? – говорит мама.

– Так, ничего, – отвечаю я.

Я жду папу. Сейчас выйдет он из-за угла. У него полны руки гостинцев. Чего только нет там! И мандарины, большие оранжевые мандарины!

А папы все нету. Всегда так. Всегда его нету, когда я его жду. Но стоит мне отойти от окна – он появится.

3. На балконе

Я иду на балкон. Вижу девочку с бантом. Она живет вон в том парадном. Ей можно свистнуть. Она глянет вверх. И увидит меня. Это мне и нужно. «Привет, – скажу я, – тра-ля-ля-ля, три-ли-ли!» Она скажет: «Дурак!» – или что-то другое. И дальше пойдет. Как ни в чем не бывало. Как будто бы я не дразнил ее. Тоже мне! Что мне бант! Будто я ее жду! Я жду папу. Он мне принесет гостинцев. Он будет рассказывать мне про войну. И про разное старое время. Папа знает столько историй! Никто лучше не может рассказывать. Я слушал и слушал бы!

Папа знает про все на свете. Но иногда он не хочет рассказывать. Он тогда грустный и говорит: «Нет, не то написал я, не то, не ту музыку... Но ты-то! – он мне говорит. – Ты-то уж не подведешь, я надеюсь?» Мне не хочется папу обидеть. Он мечтает, чтоб я композитором стал. Я молчу. Что мне музыка? Он понимает. «Печально, – говорит он. – Ты представить себе не можешь, как это печально!» Почему печально, когда мне совсем не печально? Ведь папа мне не желает плохого. Тогда почему так? «Кем ты будешь?» – говорит он. «Полководцем», – говорю я. «Опять война?» – Папа мой недоволен. А сам воевал.

Скакал на коне, стрелял из пулемета...

Папа мой очень добрый. Мы с братом однажды сказали папе: «Купи нам мороженое. Но побольше. Чтобы мы наелись». – «Вот тебе таз, – сказал папа, – беги за мороженым». Мама сказала: «Они ведь простудятся!» – «Сейчас лето, – ответил папа, – с чего бы им простудиться!» – «Но горло, горло!» – сказала мама. Папа сказал: «У всех горло. Однако мороженое все едят». – «Но не в таком количестве!» – сказала мама. «Пусть едят сколько хотят. При чем тут количество! Больше они не съедят, чем смогут!» Так сказал папа. И мы взяли таз и пошли за мороженым. И принесли целый таз. Мы поставили таз на стол. Из окон светило солнце. Мороженое стало таять. Папа сказал: «Вот что значит лето!» Велел нам взять ложки и сесть за стол. Мы сели за стол – я, мама, папа, Боба. Мы с Бобой были в восторге! Мороженое течет по лицу, по рубашкам. У нас такой добрый папа! Он столько купил нам мороженого! Теперь нам не скоро захочется...

Двадцать деревьев посадил папа на нашей улице. Сейчас они выросли. Огромное дерево перед балконом. Если я потянусь, достану ветку.

Я жду папу. Сейчас он появится. Мне трудно глядеть сквозь ветки. Они закрывают улицу. Но я нагибаюсь и вижу всю улицу.

4. Мой папа идет дирижировать

Я слышу в комнате папин голос. Он дома, а я торчу на балконе!

А на столе-то! Печенье, два торта, две банки компота, замечательная любительская колбаса, ветчина и яблоки, коробки и другие вкусные вещи. Просто целый магазин!

– Вот так да! – говорю. – Как ты здесь очутился?

– Отстань от отца, – говорит мне мама, – он сегодня идет дирижировать.

Я видел однажды, как он дирижировал. Папа тогда взял меня с собой. Я сидел в большом зале. Все глядели на сцену. На сцене был папа. Он стоял спиной к залу, лицом к оркестру. И кругом было тихо-тихо. Потом папа взмахнул руками – и оркестр как грянет! Я даже вздрогнул. Я глядел на люстры, на людей. Я вертел головой и все время вставал. «Что ты скачешь?» – сказали мне. «Я не скачу», – сказал я. Меня вывели силой из зала. «Я с папой», – сказал я, – он дирижировал». – «А ты не врешь?» – «Что мне врать, – сказал я, – там мой папа». Меня привели прямо к папе. Спросили: «Ваш сын?» Мой папа мокрый от пота. И волосы папины были мокрые. Я смотрел на него и не мог понять: почему папа мокрый? Папа снял пиджак. Рубашка была тоже мокрой. Как будто его водой облили. Он сказал: «Вот такая работа...» Я был удивлен, не знал, что ответить. Все время твердил: «Пошли... пошли...» – и тянул папу за руку.

Громко плачет сейчас мой брат Боба. Он хочет, чтоб папа его взял с собой. Но папа его брать не хочет. Папа брал меня. С него хватит.

Папа. Я сегодня иду дирижировать!

Мама. Да, но эти заплатки...

Папа. Какие заплатки?

Мама. Ты забыл? Твои брюки с заплатками.

Папа. Я ведь стою спиной к людям!

Мама. Я ни при чем. Ты прекрасно знаешь! Помешанный на своих мандаринах! Всю зиму таскал ящики! Люди думают, ты сумасшедший!

Папа. Кто думает? Ты мне его покажи!

Мама. Все думают! Разве одни мандарины? Зачем два приемника? Два патефона?

Папа. Но их же двое? Пусть слушают музыку...

Мама. Очень им нужна твоя музыка!

Папа. Всем нужна музыка.

Мама. Но не в таком количестве!

Папа. Я ведь спешу... я сегодня иду дирижировать...

Мама. Ну так иди дирижируй!

Папа. Выходит, я не могу дирижировать!

Мама. Хоть раз в жизни купил бы кастрюльку!

Папа. Зачем мне кастрюлька? Сама покупай!

Мама. А, значит, я виновата?.. С моим больным сердцем... с таким человеком... как можно!.. Дай, Петя, воды...

Я бегу за водой в кухню. Даю маме пить. Ей становится лучше.

Мама. Пусть соседи скажут!

Папа. Я ведь иду дирижировать...

Мама. Пусть все соседи скажут!

Папа. Что скажут?

Мама. Пусть они скажут!

Папа вздыхает. Он говорит:

– Придется штаны одолжить у соседей.

Мама. Кто одолжит тебе свои штаны?

Папа. Ко мне прекрасно относятся. Все, абсолютно все! Например, Ливерпуль... нет, лучше я пойду к Али, он ко мне неплохо относится...

Мама мне говорит:

– Петя, слышишь? Вот твой папаша! Не будь таким! Будь толковым. А то точно так же пойдешь в заплатках... куда-нибудь... дирижировать...

Я говорю:

– Я никуда не пойду дирижировать.

– Еще неизвестно, – говорит мама.

Папа мой говорит:

– Пойдем, Петя, со мной за штанами.

Мы идем с папой к дяде Али. Дядя Али – папа Измайлов. Он только что пришел с работы. Я видел его с балкона. Он мне улыбнулся. Конечно, он папе даст штаны. И папа пойдет дирижировать. Мне тоже нужно к дяде Али. Он обещал меня взять с собой, показать вышки, как бурят нефть и фонтан нефтяной. Хотя, правда, фонтан – редкость. Но, кто знает, может быть, мне повезет.

5. Папа там, а мы здесь

Я, мама, Боба, старик Ливерпуль, дядя Али, Фатьма Ханум, Рафис, Расим, Раис, Рамис сидим у приемника. Сейчас папу объявят по радио. И заиграет оркестр. Папу не будет видно, но мы-то знаем: он там, на сцене; он дирижирует оркестром. Мы думаем здесь о папе, а он думает там о нас. Хотя там ему некогда думать, но это ничего не значит! Папа мой выступает по радио. Такого еще никогда не бывало!

– Долго ждать, – говорит Ливерпуль.

– Сейчас, сейчас, – волнуется мама.

– Молодец Володя, – говорит Фатьма.

В какой раз мама рассказывает:

– Я и не думала, он звонит вдруг по телефону, так и так, говорит, только что я узнал, меня будут транслировать. Я кричу: «Что транслировать?» Он отвечает: «Меня транслировать». Я говорю: «Каким образом?» Он говорит: «По радио». А я не пойму, ведь впервые... Когда поняла, волновалась!

– За такого человека, как Володя, – говорит Ливерпуль, – я с удовольствием выпил бы. За него я готов всегда выпить.

– Опять все про то! – возмущается мама.

– Нет, за успех, – говорит Ливерпуль. – Я за успех... Я не просто так...

– Да прекратите вы, – говорит мама.

– Сейчас начнется!

– Нету там ничего, – говорит мой брат Боба.

– Там твой папа, – говорит мама.

– Где же папа, раз его нет?

– Суета сует, – говорит Ливерпуль.

– Вы опять пьяный? – говорю я.

– Тебя не касается, – говорит он.

– Так-то так, – говорю, – но все же...

– Понимаешь, со мной бывает. Не то чтобы каждый день. Но довольно часто. Я не скажу, что это здорово. Наверное, даже плохо...

– Отвратительно! – говорит мама.

– ...но тут, брат, ничего не поделаешь. Такое, брат, дело. Привык я – и все тут! Ну, ты не поймешь...

– Понимать-то нечего! – говорит мама.

– ...в общем-то, скверная штука. А главное, бесполезная. Толку от этого нету. Ну совершенно нет толку. Нисколько... Трудно сказать, зачем я это делаю. Но я делаю. И никому не советую...

– Да прекратите вы! – говорит мама.

– ...ты, брат, не думай, что я несчастливый. Я видел свет, много разных людей, а теперь я здесь с вами... Твой отец плавал на шхуне «Мария»... Шхуна была, я вам скажу! Таких шхун

поискать на свете! Твой отец плавал юнгой. До великих событий. Потом эти события – он на коня. Командир эскадрона! Как в сказке!..

– Замолчите вы! – кричит мама.

– Таких людей, – говорит Ливерпуль, – как твой отец, очень мало на свете.

– Что такое, – вдруг говорит Али, – шкала на Париже?

– О! Париж! – говорит Ливерпуль. – Я там не был...

– Почему шкала на Париже? – говорит дядя Али.

– О каком Париже вы говорите? – говорит мама.

– О самом французском, – говорит он.

– Ой! – кричит мама. – Шкала на Париже! Приемник совсем на другой волне!

Мой брат Боба куда-то исчез. Конечно же это его рук дело! Каждый крутит приемник, ищут волну. Наконец-то! Мы слышим гром оркестра.

– Какая досада! – волнуется мама. – Володю уже объявили!

– Ура! – кричу я. – Ура!

– Уррра!! – кричат братья Измайловы.

– Какая досада, – говорит мама. – Как можно! Ведь самое главное! – Маме обидно. Она ищет Бобу.

Боба лежит под кроватью. Он чувствует неладное.

– А ну выходи! – кричит мама. – Сейчас же!

Он не думает вылезать.

– Я жду! – кричит мама. – Давай вылезай!

– Оставьте его, – говорит Ливерпуль.

– Я ему покажу! – кричит мама. – Ведь он ненормальный!

– Я спрошу его, – говорит Ливерпуль. Он подходит к кровати и спрашивает: – Ты вареные калоши не ел?

– Не ел... – отвечает Боба.

– Тарелки в суп не крошил?

– Не крошил...

– Затылком ничего не видел?

– Ничего не видел...

– Какой же он ненормальный?! Вы слышите? Дай ему бог здоровья!

– Ливерпуль, Ливерпуль, – говорит мама, – вы мне ребенка калечите.

Братья Измайловы поют песню. Под мощный гром оркестра.

6. Воскресенье

В стену к нам постучали Измайловы. Мы всегда стучим к ним, а они стучат к нам. Это наша связь.

Я бегу к ним узнать, в чем дело.

Рамис, Рафис, Расим, Раис – в белых рубашках, в панамках и в синих сандалиях. Дядя Али говорит:

– Как Володя? Не хочет ли он прогуляться с детьми? Такой вечер! Вот мы готовы.

Мой папа спал. Но он встал сейчас же.

– Да, да, да! – сказал он. – Немедленно! Идем прогуляться!

Неожиданно!

Я ищу свой костюмчик. Мой брат Боба плачет. Он сам не может одеться.

– В чем дело? – говорит мама.

– Скорей, – говорит папа, – вечер чудесный, Али ждет нас, дети ждут, я пойду умоюсь...

Мой папа идет умываться.

– Я не пойму, – говорит мама, – он же спал...

Папа мой одевается. Я одеваю Бобу.

– Сумасшедшие! – говорит мама.

Вот и тетя Фатьма. Она нас торопит. У них разговоры с мамой. Им гулять некогда. Им нужно поговорить. Все кругом им мешают, не дают разговаривать.

Мы идем на бульвар всей компанией. У нас замечательная компания! Разве лучше бывают компании? Четыре моих лучших друга – в белых рубашках и синих сандалиях. А я в красных сандалиях, а Боба в коричневых. Боба несет заводной паровоз, а Рафис винтовку. У него замечательная винтовка. Ее сделал дядя Али. Он все может сделать – стул, стол, табуретку... У нас в прошлом году была елка огромная. Мы стали ставить ее – ну никак! – все время падает. «Крест надо, – говорит папа, – где я возьму его?» Мы опять ставим елку в бочонок, а елка падает. Входит дядя Али, говорит: «У вас доски есть?» Мы говорим: «Какие доски?» – «Деревянные», – говорит он. Я принес две дощечки. А он говорит: «Толще есть?» Я говорю: «Толще есть». Он говорит: «Тащи их». Он берет доски: раз-два – и крест готов. Мы удивились! Соседи у нас просто редкие. Мы к ним ходим. Они ходят к нам. Папа музыке учит Раиса, Рамиса, а Расим, Рафис еще маленькие. А то их папа тоже учил бы.

Мы идем на бульвар всей компанией.

А на бульваре народу! Море как зеркало. Играет музыка. Папа держит меня крепко за руку, а я иду по барьеру. А за барьером море. Там катают на катере.

– Кто со мной? – говорит папа. Он идет первый на пристань.

Мы садимся в катер. Мотор тарыхтит, и мы едем. А я сажу с гармонистом. Он всюю играет. И поет просто здорово:

Любимый город может спать спокойно...

Я тоже пою, поют братья Измайловы. Все поют.

С моря город наш весь в огнях. Будто фейерверк. Очень красиво!

Только жаль, мало катались.

– Еще хотим! – кричат братья Измайловы.

Катер подходит к пристани.

Брат мой Боба схватился за поручни. Еле-еле его оторвали.

Он идет и ревет на весь бульвар.

– Прекрати, – кричит папа. – Мне не нравится!

Мы заходим в тир.

Папа с дядей Али стреляют. А нам не дают. Мы стоим смотрим, даже не просим. Мы знаем, нельзя мешать, люди целятся.

– Все в десятку, – говорит папа.

Они снова целятся, а мы смотрим.

– А где Боба? – говорит папа.

Мы выбегаем из тира. Папа забыл свою премию. Возле тира толпа.

– Что случилось? – говорит папа.

– Да вот мальчик потерялся. А где живет, не знает. То есть он номер дома помнит. А улицу он забыл.

– Где этот мальчик?

Да разве увидишь здесь мальчика! В такой толпе! Мы, конечно, его не видим. Зато мы слышим, как он говорит:

– Я забыл свою улицу...

Ну конечно же это Боба!

Ему говорят:

– Вспоминай, мальчик, ведь важно.

– Сейчас, – говорит Боба, – вспомню...

Ему говорят:

– Ты не торопись. Вспоминай без волнения.

А он говорит:

– Я совсем не волнуюсь.

Ему говорят:

– Ты кушать хочешь?

– Хочу, – говорит Боба.

– Сыр хочешь?

– Сыр не хочу.

– А конфету?

– Конфету хочу.

– Тебя хорошо кормят?

– Плохо.

– Товарищи! Мальчика плохо кормят! Тебя очень плохо кормят?

– Очень.

– А чем тебя кормят?

– Всем.

– Значит, ты не бываешь голодным?

– Бываю.

– Как же ты бываешь голодным, если тебя всем кормят?

– А я не бываю голодным.

– Ты же сказал, бываешь.

– А я нарочно.

– Зачем же ты нас обманываешь?

– Просто так.

– Ты всех обманываешь?

– Всех.

– Зачем ты это делаешь?

– Просто так.

– Смотрите какой! Просто жуть! Ну и ребенок!

Тогда папа сказал чуть не целую речь. Он сказал:

– Товарищи! Это мой сын. Он сбежал из тира. Давайте-ка мне его сюда! Я его отец. А болтает он здорово. Верно. Вы сами заметили. И где только он научился болтать! Просто диву даешься! Я вижу, он вам понравился. Но я вам его не оставлю. Раз уж он мой сын.

Тогда все расступились. Мой папа взял Бобу на плечи. Пожелал всем успехов в работе. И мы пошли домой.

А премия в тире осталась. Тут все на свете забудешь!

7. Мой папа пишет музыку

Наш папа сегодня дома. Сегодня он не идет в музыкальную школу, где он обычно преподает. Сегодня у папы свободный день. Сегодня он пишет музыку. В это время у нас дома тихо. Мы с мамой ходим на цыпочках. Брат мой Боба уходит к Измайловым.

Наш папа пишет музыку!

– Тру-ру-ру! – напевает папа. – Та-та! Та-та-та!

Правда, я не люблю Клементи. Не очень люблю я музыку. Но когда папа за роялем, поет и играет и пишет ноты, – мне кажется, он сочиняет марш. Музыка я не люблю, это верно. Я люблю разные песни. Те, что поют солдаты. И марши люблю, что гремят на парадах. Если бы

папа мой написал марш! Я был бы очень доволен. Я папу просил об этом. Он мне обещал. Может быть, он сейчас пишет марш для солдат? Может быть, я увижу когда-нибудь целый полк – все с винтовками, в касках, раз-два! – шагают под громкий папин марш! Было бы здорово!

– Ты пишешь марш? – говорю я папе.

– Марш? Какой марш?

– Самый военный, – говорю я.

– Убери его, – говорит папа.

– Марш отсюда! – говорит мама.

Я иду на балкон. Я вижу девочку с бантом. Подумаешь, бант! Папа мой пишет музыку!

Может быть, марш!

– Тру-ру-ру! – поет папа.

Ага, слышит, наверное! Пусть она знает. Делает вид, что не слышит!

Трам-там! – стучит папа по крышке рояля.

Нельзя не услышать.

Она поднимает голову. Но я смотрю в сторону. Пусть она знает!

Бам! – Папа стукнул по крышке рояля. С такой силой, что я вздрогнул.

Бам!!! Бам!!! Бам!!! – Он стучит кулаком по крышке.

– Ага! Ну, каково?

А она только бантом махнула.

Тогда я разозлился и крикнул:

– Эй, ты! Нечего здесь проходить! Слышишь? Нечего!

Расстроенный, я ушел с балкона. Я вижу, и папа расстроенный. Он сидит, подперев рукой щеку. Печальный.

– Мама на кухне, – говорит он.

– Зачем мне мама?

– Тогда как хочешь, – говорит он.

Вот и мама. Она говорит:

– Брось ты это... Володя...

– Что бросить-то? – говорит папа.

– Эту твою... симфонию...

– Я же чувствую... тут вот не то... тут не то... а тут – то! – Ну и брось, раз все не то...

– Не все не то...

– Все равно.

– Как все равно?!

– Я-то тут ни при чем! – говорит ему мама.

– Ты ни при чем, верно...

– И Петя ни при чем, и Боба.

– И Петя и Боба... – говорит папа.

Он смотрит на нас, а мы на него.

– Дайте мне отдохнуть, – просит папа.

Но ему не дают отдохнуть. К нам звонок. Олимпиада Васильевна. Со своим сыном Мишей. Папа будет с ним заниматься.

8. Олимпиада Васильевна и дядя Гоша

Миша кривляется, строит рожи, показывает всем язык. А папа сидит с ним рядом, считает в такт: раз – и, два – и, три – и...

Занимается папа бесплатно. Потому что знакомый. – Вы золотой человек, – говорит Олимпиада Васильевна.

– Баловник он у вас, – отвечает ей папа.

Она кричит сыну в ухо:

– Где совесть? Где совесть? Где совесть у человека?!

Он перестает строить рожи. Но ненадолго.

– Бессовестный! – кричит Олимпиада Васильевна.

– Они все такие, – говорит папа.

– Все бессовестные, – говорит Олимпиада Васильевна.

Почему, думал я, его учат музыке? Почему меня учат музыке? Почему всех кругом учат музыке? Если никто не хочет? Я не мог понять!

– Вот тут вам подарок, – говорит Олимпиада Васильевна.

– Бросьте вы, – говорит папа.

– Нет, пожалуйста, я вас прошу.

– Я вас тоже прошу, – отвечает папа.

– Нет уж, вы позвольте...

Папа смеется.

Мама моя говорит:

– Он странный. Вы не обращайтесь внимания.

– Я-то вижу, – вздыхает Олимпиада Васильевна. Она почему-то все время вздыхала.

За ней приходил ее муж – дядя Гоша.

Миша тотчас же вскакивал и во всю глотку вопил: «Конец!»

Он хотел скорее домой.

Дядя Гоша ходил по комнате.

– Где сейчас моряки? – орал он. – Нет сейчас моряков! Это точно. Это ведь факт!

– Что факт? – спрашивал папа.

– Слушайте дальше. Не перебивайте. Вы знаете голубку «Куин Мери»?

– Не знаю, – говорит папа.

– Так вот я плавал на этой голубке, на этой старой посудине. Под парусами, нет, на всех парях! Мы неслись, я вам скажу, как черти! Сто восемьдесят миль в час! Как вам это кажется? Как это поется: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца, го-го-го!» – так, кажется? Чудесная песня! М-да... так вот было зрелище!

– Как интересно! – говорит мама.

– Я был в Африке, крокодилы так, можно сказать, и лезут, но наш брат, ему карты в руки... ребята с нашей калоши...

– Чего? – спрашивал я.

– Ты помолчи, – говорил он мне. – Так вот, значит, о чем это я? Да! Наш корабль возил опоссумов. Для разных зоопарков. Вы видели опоссумов? Они вылезали из ящиков, гуляли по палубе, как матросы. Мы кормили их. Вместе с ними резвились... Это милейшие звери!

– Как они выглядят?

– Очень мило, чертовски мило, носик кнопкой, хвостиком, – чудесные! А когда я был в Марселе...

– Вы были и там? – удивлялась мама.

– Я был везде! – отвечал дядя Гоша.

– Интересный вы человек! – говорила мама.

Он продолжал задумчиво:

– Я был в Лондоне и Амстердаме... Забыл, кстати, про опоссумов! Они, черти, жрут шоколад, ха-ха-ха!

Смеялся он долго, вдруг прекращал внезапно. И начинал говорить очень быстро:

– Каир, Стамбул, языки мне даются легко, всем обязан морю, поездки, лианы, магнолии, кактусы... сербский, немецкий, французский...

– Хватит, – просил папа, – дальше не надо.

– Нет, почему же, я не устал.

– Я понял все, – говорил папа.

– Ну хорошо, – соглашался он. – Дети ваши всегда пусть заходят. Прошу! Им нужны сласти. Конфеты и прочее.

– Спасибо, – говорил папа.

– Счет, как в банке!

– Спасибо, – говорил папа.

Олимпиада Васильевна не слушала. Она ушла на балкон. Она не слушала дядю Гошу. Ей было неинтересно.

Я смотрю, а папа усталый! У него глаза закрываются. Он хочет спать.

Дядя Гоша все ходит по комнате. Он бьет по шкафу ладонью:

– Как вы так живете!

Папа. Как?

Дядя Гоша. Ну у вас, например, нет шкафа.

Папа. Как нет, а это что?

Дядя Гоша. Вот этот старый ящик?

Папа. А что?

Дядя Гоша. Нет, я вас не пойму, как так можно жить!

Папа. Как?

Дядя Гоша. Вот так.

Мама. Да, да, да... Я ему говорила...

Дядя Гоша. Правда, тут роль играет хозяйка.

Мама. Я виновата?

Дядя Гоша. Я уж не знаю...

Мама. С моим больным сердцем...

Папа. Я вас прошу, прекратите!

Дядя Гоша. Ведь вам карты в руки... Новейший шкаф... я в одном доме видел... Я вам добра желаю. Я от души, так сказать. Мне-то ведь все равно. Но на вашем бы месте...

Папа. Что на нашем месте?

Дядя Гоша. Я купил бы отличный шкаф.

Папа. Еще что?

Дядя Гоша. Купил бы отличную люстру. Ведь вам карты в руки!

Папа. Скажи, пожалуйста, почему мне карты в руки? Я совершенно не понял.

Дядя Гоша. Ведь ты музыкант. Так сказать, эстетически-музыкальное движение души. Правильно я говорю? Я, брат, все понимаю. Я вашего брата знаю. Культурный ты человек или нет? Ведь у тебя есть деньги. Ты тратишь их не туда. Понимаешь? Они не туда идут, не туда! Ты подумай, ведь я для тебя, для твоей же пользы, ведь я тебе только добра желаю!

А папа спит. Он ничего не слышит. Так и не узнает он этого! Будет он тратить их не туда. Не купит шкафа мой папа. И люстру не купит. Он спит. И ничего не слышит. А то, что слышал, – забыл. Что же делать. Такой человек мой папа!

Наши гости уходят. Вздыхает Олимпиада Васильевна. А папа спит.

Я иду закрывать за ними дверь. Даю на прощание щелчок Мише. Он кидается дать мне ответный щелчок. Но поздно. Я быстро захлопнул дверь.

– Красивая женщина, – говорит мама. – А Гоша такой романтичный!

А папа спит.

9. Старик Ливерпуль и папа

Папа курил трубку. Дым из трубки шел вверх, к потолку. Старик Ливерпуль дул на чай и грыз сахар. У него все зубы целые. Мама спрашивает всякий раз: «И как вы сохранили зубы?»

Он постукивает по зубам ногтями и говорит, что ел крабов, омаров и желуди.

Папа мой говорит, что он тоже ел желуди.

Мама машет рукой и смеется. Не верит она в то, что папа ел желуди.

– Дорогой Ливерпуль, – говорит мама, – что за чушь?

Они думали, я сплю, но я не спал, а приоткрыл даже чуточку дверь, чтобы видеть их лица.

Старик Ливерпуль любит папу. Когда папа мой плавал юнгой (совсем давно), он был в краях Ливерпуля. И хотя это было давно, папа помнит, какие там деревья, дома, даже небо...

Старик Ливерпуль. Да, да, да, точно такое небо!

Папа. Я же помню.

Мама. Гоша там тоже был.

Папа. Этот Гоша просто болтун.

Мама. Ничего подобного!

Старик Ливерпуль. Где был Гоша?

Мама. Там, где и вы.

Папа. Никогда он там не был.

Мама. Как можно...

Папа. Я совсем забыл. Он там действительно был, успокойся.

Старик Ливерпуль. Был, и слава богу!

Мама. А я что говорю?

Папа. То же самое.

Мама. Ну так вот!

Все молча пьют чай. Только слышен хруст сахара.

Ливерпуль. В мире сейчас тревожно. А когда Гесс перелетел в Англию...

Папа. Это было давно. А вот Гитлер – уже не Гесс...

Мама. У нас мир с фашистами.

Папа. Какой может быть мир с фашистами! В этот мир я мало верю.

Мама. Как ты не веришь? Мир есть мир.

Папа. Что верно, то верно...

Почему в мире тревожно? Кто такой Гесс? И Гитлер... Все было интересно! Но понять я не мог ничего.

Ворочается мой брат Боба. Он лежит рядом со мной в этой же комнате. Он встает вдруг с кровати, идет к дверям. Приоткрыв дверь, говорит Ливерпулю:

– А вы можете съесть песок?

Все смеются. Боба бежит обратно.

Мама плотно закрыла двери. Теперь я ничего не вижу. Только кое-что слышу:

– «Мария» утонула в тысяча девятьсот семнадцатом...

– Если Гесс перелетел в Англию, значит...

– Черт его знает, что значит, но факт, он туда перелетел...

Я слышу хруст сахара, вижу омаров в больших красных шапках, шхуну «Мария», Гесс летит в Англию, сыплет сверху песок на шхуну, и шхуна «Мария» тонет...

10. На дачу!

Мы все-таки едем на дачу!

- В Москву бы поехать, – говорит папа.
- В какую Москву? – Мама не понимает.
- Мы сошли бы в Москве на Казанском вокзале... Разве было бы плохо?
- К чему это все? – Мама не понимает.

Мой папа в Москве родился. Он хочет в Москву. Он давно там не был. Он каждый год в Москву хочет. А мама не хочет. Она здесь родилась. Она любит дачу. И я люблю дачу. Кто дачу не любит! Я люблю и Москву. Кто Москву не любит! Но что же делать! На дачу мне хочется.

Мы стоим возле машины на улице. Наши вещи в кузове. Мама с Бобой сели в кабину. Папа говорит про Москву. Это с ним бывает.

- Я спешу, – говорит шофер.

Мама вдруг говорит:

- Где подушка и чайник?

Я бегу за подушкой и чайником.

- Не забудь закрыть дверь! – кричит мама.

Подушка огромная. Трудно бежать. Я теряю крышку от чайника.

- Она где-то звякнула, – говорю я.

- Поищите ее! – кричит мама.

Нас провожает вся улица. Здесь, конечно, братья Измайловы. И другие мальчишки. Они бегут на лестницу. Ищут нашу крышку. Шофер говорит:

- Мне надоело.
- Вы же видите, – говорит папа.
- Я-то вижу, – говорит он.
- В чем же дело? – говорит папа.

Наконец крышка найдена. Я лезу в кузов. Любой хочет ехать в кузове! Братья Измайловы едут завтра в пионерлагерь. Но их повезут в автобусе. Они не поедут в кузове.

- Отойдите! – кричу я. – Ведь это машина! А не какая-нибудь повозка!

- Ой, – кричит папа, – ведро забыли!

Я бегу за ведром. Подаю ведро папе.

- Ничего не забыли? – кричит шофер.

К нам спешит Ливерпуль.

- Чуть-чуть не опоздал, – говорит он.

Старик Ливерпуль всем жмет руки.

Мы трогаем с места.

Мальчишки бегут за нами. Кричат и машут руками. Один Ливерпуль остался. Он стоит, смотрит нам вслед...

А мы всю едем! Ветер свистит. Волосы у папы растрепались. И у меня растрепались волосы. Уже нашего дома не видно. И мальчишек, и Ливерпуля...

Папа вдруг посмотрел на меня – я на папу. И мы рассмеялись. Не оттого, что растрепаны волосы. А просто так. Здорово – ехать на дачу, когда папа рядом, вот здесь, на вещах, – вы себе не представляете!

Жаль, днем едем. Лучше бы ночью. Наши фары горели бы. Но днем светло. Тоже неплохо. Очень трудно сказать, что лучше!

Вдруг я вспомнил про девочку с бантом... Эх, был бы я пиратом! Мчался бы я на шхуне... Бьют волны, и шхуна качается... Вдали виден корабль... В нем едет девочка с бантом... Со мной целый отряд... Я беру в плен корабль... «Ах, это вы! – скажу я. – Ну что ж, здравствуйте!» – «Ой! – вскрикнет она. – Дайте мне воды...» Я скажу: «Я вас всех отпускаю. Плывайте себе на здоровье! Куда ваши глаза глядят...» Она скажет: «Ой, вы такой благородный! Просто дальше уж некуда! Я остаюсь с вами. Я влюблена!» – «Хорошо, – скажу я, – пожалуйста, как хотите...»

Стучит ведро о кастрюлю. Звенят ложки и вилки в мешке. Звенит крышка чайника.
Мы выезжаем из города. Куда ни глянь – вышки. Целый лес вышек. Здесь должен быть дядя Али. Может быть, он меня видит.

Мы едем берегом моря. Лодки в море и на песке. И белые чайки над морем. И сети. И скалы.

Мы едем сквозь виноградники. Блестит дорога на солнце. А по бокам виноградники.
Мы едем совсем рядом с поездом. Мы мчимся, и поезд мчится – кто кого перегонит!
Едут навстречу нам машины. Мы едем навстречу машинам.
Идут навстречу нам люди. Мы едем навстречу людям.

Орет осел.

Кричат бараны, и блеют козы.

Кудахчут куры, кричит петух.

Наша дача совсем рядом.

11. На даче

На даче у нас виноградники, инжировые деревья и айвовые деревья, а за деревьями и виноградниками море синее, иногда зеленое, а когда дождь и ветер, – серое. Вот какое это море! Песок под ногами горячий. Но к этому я привыкну. В прошлом году мне жгло ноги – вы себе не представляете! Потом я привык и ходил себе сколько влезет. У нас на даче есть бык. Он в сарае. Его звать Алеша. Я видел его только в щелку сарая. Огромный бык. Рога – во! Говорят, злющий. Тетя Эля, хозяйка наша, рассказывала. Он сломал два забора, двоих забодал, много бед натворил. Бык страшнейший, ну просто жуть! Иногда он протяжно ревет. Мне становится страшно. Я бегу от сарая подальше. Я хватаю палку и жду. Я готов его встретить отважно. Мы только вчера приехали, а тетя Эля нам сказала:

– Смотрите, наш бык опасен!

Мама сказала:

– Как опасен?

– Свирепый он. Не допускайте детей. Чтоб они дверь в сарай не открыли.

Мама сказала нам:

– Слышите?

Я-то дверь не открою. Вот Боба – он может. Что ему бык! Ему все равно. Станный он человек! Я не верю, что был таким, как он. Хотя говорят, я был таким.

Я сейчас стою в винограднике. Вижу поезд вдали, белый дым. Слышу стук колес. Кричат, кружатся в небе птицы. А солнце-то словно костер горит. Голова моя теплая. Мне бы в море сейчас! Но мама меня одного не пускает. Жаль, нет со мной братьев Измайловых!

Вон сидит на заборе мальчишка – весь черный. Нужно с ним познакомиться. Непременно я загорю, как он. Чего бы мне ни стоило!

Я стою в винограднике. Здорово, мы на даче! Скоро виноград поспеет. Мы будем есть его сколько хотим. Пока не наедемся. Папа меня так учил: «Ты берешь в руки кисть. Вот так, а другой рукой ягоды рвешь. И кладешь их в рот. Ты набираешь их полный рот. Как можно больше. Потом – раз! – надави зубами. Ты понял? Вот так едят виноград!» Каждый год он повторял: «Погоди. Пусть он только поспеет. Я покажу тебе, как это делается. Пусть он только поспеет!» – «Это замечательно!» – говорил я. «Еще бы!» – говорил папа. – К тому же ты можешь его сушить на плоской крыше. Брезент расстели и суши. Зимой всех угостишь». Каждый год я собирался сушить. Но не сушил ни разу. В этот год я насушу два мешка, или три, или даже четыре...

Сейчас папа в городе, что же делать! У нашего папы работа. Он не может все время быть с нами. Приедет он только к вечеру. Я увижу издали поезд. Со всех ног я помчусь к калитке встретить его на дороге.

Я стою в винограднике. Скоро весь виноград поспеет, инжир поспеет, айва поспеет, гранаты поспеют... Я стих сочинил:

Солнце светит, и море сверкает,
Айва, инжир попевает,
И растет, и растет виноград.
Как я рад! Как я рад! Как я рад!

Мама ищет меня по саду. Она держит за руку Бобу. Вы слышите? Мама зовет меня. Я иду маме навстречу.

12. Мой папа и Алеша

Таким я не видел папу. И мама его не видала таким. Он шел странной походкой, весь в пыли, а в портфеле, в руках и во всех карманах – не сразу мы поняли, что это!

– Это редиска! – сказал я.

– Редиска?!

Зачем папе столько редиски?

Было чему удивиться!

Мы стоим на веранде и смотрим на папу. Он нас тоже видит. Кричит нам:

– Я был на базаре!

Он веселый. Машет портфелем. Редиска летит во все стороны.

Мой папа был пьяный.

Мы с мамой увидели.

– Что это значит? – кричит ему мама.

А папа – он был таким веселым! – прошел весь двор, прямо к двери сарая, открыл дверь и позвал быка.

Мама так испугалась! Еще бы! Тети Эли нет дома, ее мужа нету, они оба в городе – что же делать?

– Иди-ка сюда, – зовет папа быка.

Бык не идет.

– Эй, Алеша! – кричит ему папа.

Бык выглядывает из дверей.

– Алеша! Кому говорю!

Тогда бык пошел прямо к папе.

Он идет прямо к папе, а папа кричит и ногой топнул, и снова редиска попала.

Бык спокойно подходит к папе. А папа к земле нагнулся. И собирает редиску.

Бык ждет, когда он поднимется.

– Эх, Алеша, Алеша, – говорит папа.

– Уходи! – кричит мама. – Скорей уходи! Пока он ест!

А папа – он даже не слышит и не думает уходить.

– Ешь, ешь, – говорит он Алеше.

Алеша ест с удовольствием.

– Теперь прогуляемся, – говорит папа. Он берет за один рог быка и тащит его прогуляться. Бык идет следом за папой.

Папа делал круги по двору. Бык шел за ним и ел редиску.

– Люблю лето, – говорил папа, – замечательное здесь лето. И солнце здесь замечательное. Но в Москву все же хочется. Я там родился... Там тоже есть солнце... конечно... но не в таком количестве...

– Ты же пьяный! – кричит ему мама.

– Сейчас я приду! – отвечает папа.

Я хочу бежать к папе. Но мама меня крепко держит за майку.

– Что он делает!!! – кричит мама.

А папа не слышит. Он ходит по кругу. Бык ходит за ним. Ест редиску. И слушает папу:

– Охота в Москву... Там зимой много снега... А летом? Ну... летом там тоже тепло. Ну не так, как здесь... Это верно...

Бык смотрит на папу. Редиска вся кончилась.

– Нет, – говорит папа, – ты пойми: солнце там тоже есть... но не в таком количестве...

Мне почему-то смешно стало. Что папа все повторяет? Любой поймет, даже бык. Что он все повторяет?

Бык как заорет! А папа его хлоп ладонью по шее. И бык замолчал.

– Тоже мне, – говорит папа, – вздумал орать! Мы все орать можем. Ты лучше послушай. Тебе человек говорит, ты слушай... И не ори! Так и знай. Что орешь? Тоже мне разорался!

Бык внимательно смотрит на папу.

– Ну, что уставился? – говорит папа. – Не написал я хорошей музыки. А почему? Сам не знаю... Хотя мне всегда хотелось... И даже сейчас очень хочется! А солнце здесь есть, верно... А там не в таком количестве...

Тут во двор входят дядя Багир, тетя Эля и кто-то еще.

– Вай! – говорит тетя Эля.

Дядя Багир кричит:

– Бык! Смотрите!

– А! – говорит папа. – Вы!

– Осторожно! – кричит ему дядя Багир.

– Чепуха, – говорит папа, – все чепуха...

Он бросает портфель и идет прямо к нам.

Бык рвет папин портфель. Летят ноты по ветру...

– Что с тобой? – Моя мама плачет. Она первый раз видит папу таким. – Что с тобой сегодня?!

– Ничего, – говорит папа, – все Ливерпуль... Ливерпуль меня угостил... он меня угостил. За успех... он не просто так...

– За какой успех?!

– Ну... как то есть? – сказал папа. – Я за успех... Папе вдруг стало плохо.

13. Очень маленькая глава

Я пошел поглядеть виноград. Я-то знал, он еще зеленый. Но хотел еще раз поглядеть. Вдруг вижу – бежит по дороге мальчишка, вокруг пыль столбом и жара, а он орет:

– Война! Война!

Мама вышла из дому. Слышит и мне говорит:

– Вот негодный мальчишка! Вчера тоже кричал: «Пожар! Пожар!» А никакого пожара не было.

14. Еще одна маленькая глава

Папе к вечеру стало лучше. Он пошел на вокзал прогуляться. Он всегда ходил на вокзал прогуляться. Любил он вокзалы! Сядет на перроне и сидит отдыхает.

Вернулся он очень быстро. Мой папа вошел и сказал одно слово:

– Война!

Он не любил говорить много слов. Такой был человек мой папа!

15. Домой

Мы уезжаем с дачи.

Мне жалко дачу. Жалко мне виноград – он еще не поспел... Жалко мне расставаться с морем...

Но мы уезжаем. Завтра едет на фронт наш папа. Мы будем его провожать. А сейчас мы садимся в машину. И едем в обратную сторону.

Мы едем по той же дороге. Опять еду я с папой в кузове. Но почему мне не весело? Мне даже не интересно. Хотя еду я в том же кузове. И мне могут опять все завидовать...

– Дождь будет, – говорит папа.

– А как же мы?

– Так же, как и сейчас.

– Но ведь дождь...

– Ну и что же?

– Но мы ведь промокнем...

– Промокнем...

А небо совсем серое. И дождь пошел.

Папа мой достает одеяло. И мы накрываемся. Мы сидим под одеялом. Дождь хлещет и хлещет на нас. Всюду льется вода. Наши вещи, наверно, промокли...

Мы почти в темноте. Я гляжу в щелку и вижу дождь – больше я ничего не вижу.

– Дурацкий дождь, – говорит папа, – черт бы его побрал...

– Плохо, – говорю я, – когда едешь и ничего не видишь.

– Верно, – говорит папа, – не очень хорошо...

– И когда дождь, тоже плохо.

– Тоже плохо, – говорит папа.

– И когда ноги мокрые.

– Тоже верно, – говорит папа.

– Почему ты мне так отвечаешь?

– Как?

– Ну, как-то скучно...

– А тебе весело?

– Нет, мне почему-то не весело.

– Так вот и мне почему-то не весело.

– Потому что дождь?

– И дождь и война. Все вместе.

– Но мы победим? Ведь верно?

– А как же!

– Эх, – говорю, – интересно все же! Трах-бах! – самолеты, танки...

Одеяло с нас чуть не свалилось. Папа поправил его и сказал:

– Ну, ну, ну, не махай руками.

- Тебе каску дадут? – говорю.
- Дадут, – говорит папа, – все дадут.
- Она ведь железная. Даже стальная. Как ты думаешь, каска стальная?
- Стальная, – говорит папа.
- Ты ходи в каске, – говорю, – раз она вся стальная.
- Обязательно, – говорит папа.
- А дождь льет и льет.
- А мы все едем.

16. До свидания, папа!

Я, мама, Боба стоим на балконе.

Мы глядим в темноту – вокруг темно, в нашем городе затемнение. Там в темноте мой папа. Мы слышим папины шаги, мне кажется, я его вижу, вот он обернулся, махнул нам рукой... Он только что вышел из дому. Только что с нами простился. Он уходит дальше, в темноту.

- До свидания, папа! – кричу я.
- До свидания, папа! – кричит Боба.

Мама стоит с нами молча.

Я кричу в темноту:

- До свидания!

Боба машет двумя руками. Темнота-то какая! А он все машет. Будто папа его увидит...

... Шагов папы не слышно. Наверное, он свернул за угол. Мы с Бобой кричим:

- До свидания, папа!

Мой папа ушел на войну.

Мы уходим с балкона.

17. Папы нету

С утра наш телефон звонит. Все спрашивают: «Уехал?» – «Вчера, – говорю, – уехал. На фронт», – говорю. «Как жаль, – говорят, – не успели проститься!»

Быстро мой папа уехал. Никто не успел с ним проститься.

Звонят и звонят. Мамы нету. Я всем отвечаю. «Как, – говорят, – уже уехал?» – «Вчера, – говорю, – уехал». – «На фронт?» – говорят. «На фронт», – говорю.

Опять звонок.

- Ваш отец дома? – спрашивают.
- Нет, – говорю, – он уехал.
- А когда приедет?
- Нескоро.
- А куда он уехал, если не секрет?
- Совсем не секрет. Он на войну уехал.
- На какую войну?
- Вы что, не знаете, сейчас война?
- Некрасиво с его стороны, некрасиво!
- Что некрасиво?
- То, что он уехал.
- Почему же некрасиво?
- Он мне должен, а сам уехал.
- Чего должен?

– Кое-что должен.

Я прямо растерялся. Просто не знал, что ответить. Словно папа сбежал на войну от него. Просто меня зло взяло.

– Кто, – спрашиваю, – говорит?

– Не узнал, карапуз? Ну, будь здоров!

Теперь узнал. Дядя Гоша.

Когда меня раньше спрашивали: «Ты кого любишь?» – я отвечал: «Папу, маму и дядю Гошу».

Но это было раньше.

18. Я вижу папу

Мы с Бобой едем в поезде. Мы едем с ним в Баладжары к папе.

Все так быстро случилось! Неожиданно! Вдруг звонит папа. Я сразу не понял, кричу:

– Что вам нужно?

А он говорит:

– Мне нужен Петя.

Я кричу:

– Петя вас слушает!

А он говорит:

– Папа вас тоже слушает.

Я как заору:

– Где ты, папа?

Он говорит:

– Недалеко.

Я кричу:

– Как на фронте?

А он смеется.

– Мы еще, – говорит, – не на фронте. Мы по дороге на фронт. Эшелон наш пока в Баладжарах. Мы здесь пока задержались. Как там у вас? Все в порядке?

– Конечно, – кричу, – все в порядке!

Папа ждал маму. А ее не было. Тогда папа сказал, что он всех нас целует, чтоб мы были дружны, я слушал маму и Боба чтоб слушал, и папа повесил трубку.

Значит, папа от нас совсем близко! То есть на первой станции. Там, наверное, пушки и танки. Целый поезд военных. Папа не был военным, когда уезжал. Он был в своей старой одежде. И пистолета у папы не было. И никакой каски не было. А сейчас он, наверное, в каске. И пистолет на боку. Поглядеть бы на папу!

Но папа сейчас в Баладжарах.

А я здесь сижу. Просто глупо, когда папа там, а я здесь. Тем более он с целым войском. Тем более он в Баладжарах. Прямо, можно сказать, совсем рядом!

Я говорю Бобе:

– Слушай, ты можешь спокойно сидеть?

– Где сидеть? – спрашивает Боба.

– Ну, ничего не трогать?

– Чего не трогать?

– Ничего, – говорю, – не хватать и не трогать, а просто сидеть можешь ты или нет?

– Почему? – говорит Боба.

– Я к папе еду!

– И я хочу к папе, – говорит он.

– Ну тогда, – говорю, – собирайся! Быстрей!

...И вот мы с ним едем в поезде. Правда, мы с ним разбили копилки – его мопса и мою кошку. Попадет нам за это от мамы. Но зато мы купили билеты. Мы едем с настоящими билетами. Как настоящие пассажиры. Нам не жалко копилок.

Очень медленно едет поезд. Ползет еле-еле. Скорей бы! А то папа нас не дожидется. Уедет он с войском.

Боба заснул. Пусть спит, раз человек хочет спать.

Я смотрел в окно, а потом перестал, просто мне не до этого. Здорово, что мы сейчас едем к папе! Он, наверное, удивится, скажет: «Как вы вдруг здесь?!» Я скажу: «Я уже вовсе не маленький. Ты мне сам говорил. В чем же дело?» Папа, когда уезжал, сказал, что я, в общем, уже вполне взрослый, поскольку война и поскольку я старший. Что уж нас ругать! Ругай не ругай, все равно. Раз приехали.

Я стал думать про папу. Как папа мне рисовал корабли, замечательные, с парусами. Лучше всех кораблей была шхуна «Мария». Папа всю постарался. Ведь он плавал на этой шхуне. Он ее точь-в-точь знает. «Я не художник, – говорил папа, – но я постараюсь». Он так говорил, когда мне рисовал. Но лучше шхуны он ничего не нарисовал. Когда он рисовал ее, я подумал: «Вот так не художник! Настоящий художник». Вы бы видели рисунок. Замечательный был рисунок. Я его променял на мяч. Если бы был плохой рисунок, разве мне дали бы мяч? Ни за что бы не дали. Вот какой был рисунок!

Потом я про другое вспомнил. Как папа войну рисовал: идут в бой солдаты, палят пушки и много убитых. Он рисовал солдат в больших касках. В большущих зеленых касках. Но ведь их все равно убивали. Хотя они были в касках. Называл это папа «Баталией».

Я долго думал про это.

Как-то я не могу не думать. Я все время чего-нибудь думаю. Правда, чаще всего чепуху разную, иногда сам удивляюсь – как я такое думаю. Какой-то я, в общем, задумчивый. Только когда я в футбол играю, или когда в воду прыгаю, или когда пою песни, тогда я ничего не думаю. Я тогда просто прыгаю в воду, играю в футбол и пою себе песни.

Я думал и думал, и Боба проснулся.

– Это что, – говорит, – куда мы едем?

– Мы, – говорю, – едем к папе.

– А куда, – говорит, – мы к папе едем?

– Мы, – говорю, – едем в Баладжары к папе. Я посмотреть хочу, как мы подъезжать будем.

Я папу в окошко увижу.

Он посидел, посидел, а потом говорит:

– Баладжары какие?

– Большие, – говорю.

Тогда он совсем успокоился. И стал в окно смотреть.

Смотрел он, смотрел и опять заснул.

Качается поезд ужасно. Любой заснет. Я такой, в общем, выносливый. Как Чапаев погиб, слышали? Часовые-то все уснули. Белые к ним подкрались и всех – раз! раз! – закололи. И на Чапаева бросились. А Чапаев-то спал, и чапаевцы спали. Проснулись – кругом стреляют. Совсем близко белые. Оттого и погиб Чапаев. А то он никогда не погиб бы. Он до сих пор бы жил. Может быть, он пришел бы к нам в гости. Чтоб побеседовать с папой. Спросил бы меня: «Ну как живешь?» – «Хорошо живу, товарищ Чапаев», – сказал бы я. «И живи на здоровье! – сказал бы Чапаев. – Еще лучше жить будешь!» – «Товарищ Чапаев, – сказал бы я, – как бы мне стать таким, как вы? Очень хочется мне стать Чапаевым!» Что бы он мне ответил? Он, может быть, стал бы рассказывать. Про разные конные атаки. Как скакали они вместе с папой впереди конного войска.

Мне спать нельзя. Я могу Баладжары проехать. Как-никак – первая станция. Я, в общем-то, очень выносливый. Эх, быть бы мне часовым! Дали бы мне винтовку. Глядел бы я вдаль. Я бы зорко глядел. Никогда не подвел бы Чапаева...

...Вон дядька в углу спит. Рядом с ним корзины. Я стал думать, что в корзинах. Сейчас все набирают продукты. Несут и везут что попало. Там, может быть:

индюки,
мыло,
сахар,
гуси,
курицы,
утки,
зайцы и поросята,
маленькие козлики (хотя они могут туда не поместиться),
варенье,
печенье,
яблоки,
груши,
конфеты,
колбаса,
лук,
огурцы,
селедка...

...Надоело мне думать. Откуда я знаю, что там может быть!

Поезд стал подъезжать к Баладжарам. Я разбудил Бобу, и мы пошли.

Рельсов-то сколько! Гудки, свистки. Играет где-то гармошка. Поют песню:

Любимый город может спать спокойно...

Мы с Бобой идем вдоль большого состава. Во всех вагонах военные. Очень трудно найти здесь папу!

Скоро нас окружили военные. Один дал нам кусок колбасы. Замечательная была колбаса! Я такой колбасы никогда не ел. Настоящая военная колбаса! Мы с Бобой ее сразу съели.

Мы хотели дальше идти. Искать папу. Но паровоз загудел что есть силы. Все стали садиться в вагоны. Поезд тронулся и пошел, сначала тихо, а дальше быстрее и быстрее...

И тут я увидел папу.

Это был папа, честное слово! В военной форме, в пилотке. Боба не видел его, а я видел. Мой папа стоял на подножке вагона. Он, кажется, нас заметил, крикнул нам что-то. Но я не расслышал, что он крикнул. Вагон быстро промчался мимо. Я уверен, это был папа. Он махал нам, и я побежал за вагоном, а поезд всюду мчался...

19. Обрато домой

Обратно мы шли по шоссейной дороге. Я думал, будет быстрее. Сначала я пел: «Солнышко ясное, наша жизнь прекрасная!» Потом на спине тащил Бобу.

Я не мог его долго тащить, и мы сели на камень. Кругом желтая степь. Вся трава сгорела от солнца. Мчатся мимо машины. Проехал танк.

Боба как заорет:

– Папа едет! Вон папа едет!

Он решил, что папа в танке. Почему он так решил, я не знаю. Он стал орать, я думал, он лопнет. Хотел бежать следом за танком.

Вы бы видели, как он орал, – грузовик остановился.

Шофер говорит:

– Вы, ребята, чего?

– Мы, – говорю, – домой идем.

– А малыш чего?

– Папа наш в танке уехал, – говорит Боба.

– Врет он все, – говорю, – ни в каком танке он не уехал. Он в вагоне уехал.

Шофер говорит:

– Все ясно, хотя не совсем. Ну, садитесь, живо!

Мы сели к нему в кабину. И во весь дух помчались.

– Значит, вы здесь одни, – говорит шофер.

– Мы, – говорю, – к папе ездили. Мы провожать папу ездили.

– Ах вот оно что! – говорит шофер. – А мама где?

– Мама дома, мы сами пошли.

– Ну и ну! – говорит шофер.

– Папа наш капитан Красной армии, – говорю.

– Совсем хорошо, – говорит шофер.

– Он с Чапаевым воевал, – говорю.

– Да ну! – говорит шофер.

– Честное слово! Воевал он с Чапаевым, а Чапаева потом убило...

– Прямо с ним рядом и воевал?

– А как же, – говорю, – отдельно, что ли, конечно, рядом!

– Интересно, – говорит шофер.

Ему очень понравилось, что мой папа с Чапаевым воевал. Только он немножко не верил.

– Что, не верите? – говорю. – Очень даже напрасно! А еще папа был моряком. Он на шхуне «Мария» плавал. Он шхуну мне рисовал. Замечательная была шхуна! Парусов – тысяча! Мачты – во! – громадные такие мачты, а нос длиннющий, длиннющий... Только это давно было...

– Ну и ну! – говорит шофер.

– А вообще папа мой не военный. И не моряк. Раньше он был моряком. А сейчас папа мой музыкант. Он музыку пишет. Только у него не очень получается. Но он все равно пишет. А мама говорит: не стоит, раз не получается. А как вы думаете, стоит?

– Ну и врешь же ты все, – говорит шофер. – Вроде маленький, а врать горазд. И шхуну приплел, и Чапаева, а тут еще эта музыка...

– А вы, – говорю, – у Ливерпуля спросите, он вам скажет.

– У кого?

– У Ливерпуля.

– Что за Ливерпуль такой?

– Как, – говорю, – кто такой? Ливерпуль – это Ливерпуль...

– Я, – говорит, – с тобой разговаривать не буду, если ты мне будешь глупости говорить...

Я говорю:

– Вот приедем, я вас с ним познакомлю.

– С кем?

– С Ливерпулем.

– Что это, попугай какой, что ли?

– Не хотите, не верьте, – говорю, – как хотите.

– Да ладно уж, – говорит шофер.

– Вы что везете? – спрашивает Боба.

– Песок, – говорит шофер.

Боба его про песок стал спрашивать: что за песок, есть ли там ракушки, куда песок везут.

Шофер ему отвечал все в шутку, и Боба был очень доволен.

– Я, – говорит Боба, – хочу туда в кузов, в песок, а вы здесь езжайте, разрешите мне, пожалуйста, в песок.

Ему, конечно, не разрешили, и он дулся.

Шофер нас довез до дома. Пожал мне и Бобе руки, передал привет Ливерпулю. И мы домой побежали.

Ой, что тут было! Наша мама совершенно бледная. Сидит и плачет.

В это время мы входим.

Мама. Где вы были?

Я. У папы. Там нас колбасой накормили.

Мама. Какой колбасой?!

Боба. Ливерной.

Я. Там нас ливерной колбасой накормили.

Мама. Кто накормил?

Я. Мы ездили к папе.

Мама. Каким образом?

Я. На поезде.

Мама. Боже мой!

Я. А обратно мы шли пешком...

Мама (кричит). Откуда вы шли пешком?!

Я. Из Баладжар.

Мама. Из Баладжар?!

Я. Я видел папу...

Боба. Я видел танки!

Мама просит воды. Маме плохо. Я бегу за водой на кухню.

20. В кино

Целый день мы возились в песке. Хотя мне надоел песок, но что же делать? Нас не пускают дальше двора. Все за то, что мы ездили к папе.

Мы были грязные, это правда. И мама нас стала ругать.

– Неужели нельзя, – говорила она, – так играть, чтобы оставаться чистыми, опрятными и культурными детьми, тем более отец на войне?

Это было неинтересно. Мы уже сто раз слышали.

«Играть целый день в песке, когда война и отец на войне... Разве нельзя, – думал я, – играть в песке, если даже война?»

А мама продолжала:

– Этот маленький – понятно, но ты-то что там нашел?

Что я там нашел? Ничего не нашел. Что там можно найти? Не берут же меня на фронт!

Наконец мама сказала:

– Вот что. Я дам вам деньги. Идите в кино.

Другое дело. Мы с Бобой сейчас же помчались в кино.

Мы сели с ним в первый ряд. Я люблю первый ряд – как-никак не последний.

Сначала журнал показывали. Интересный журнал, про войну – стрельба, взрывы, танки, – война, в общем, самая настоящая.

Показывали красных конников.

Показывали, как горит город.

Показали военных в землянке.

И вдруг смотрю – папа!

Сначала я не узнал его, он стоял, нагнувшись над картой, а рядом военные, и все на карту смотрят, потом папа взглянул на меня, и я сразу узнал его и на все кино крикнул:

– Папа!

Вокруг меня зашикали. «Тише, – говорят, – не мешайте смотреть картину, какой тут может быть папа!» А один говорит: «Очень даже возможно; напрасно вы, граждане; может, и впрямь он отца увидел. Может, отец его киноартист». Но тут опять зашикали. «Что вы, – говорят, – глупости разные говорите, какой тут может быть киноартист, когда это самый натуральный киножурнал и никаких киноартистов нет». Тогда тот дядька сказал: «А может быть, наоборот: может быть, он отца увидел, и не киноартиста, как я предполагал, а самого что ни на есть, как вы давеча сказали, натурального, фронтового отца». Опять зашумели, прекратите, говорят, безобразие, что за шум, где директор и все такое. И стало тихо. Я глядел, может, папу опять покажут. Но больше не показали. Потом журнал кончился, свет зажегся. Тот дядька, который меня защищал, говорит:

– Ты правда там отца увидел?

– Ну да! – говорю. – Ну да!

– Вот это интересно, – он говорит, – любопытный случай! Просто, можно сказать, исключительный случай. Сын видит отца в кино. А отец на фронте. Нет, это редкость, товарищи! Ты, сынок, вот что сделай. Картина кончится, а ты останься. Еще раз на отца погляди. А я там объясню, в чем дело. Чтоб тебя, значит, не трогали.

Мы с Бобой, конечно, остались.

Позже мы пришли с мамой. От папы ведь не было писем. Мы волновались за папу!

Один раз я шел мимо кино. Меня подозвал контролер.

– Прости, мальчик, – сказал он, – не твой ли отец...

– Да, да, да, – сказал я, – мой, мой... – Я сразу понял его.

– Так вот что, – сказал он, – прошу, милый, в любой день, в любой час дня и ночи – прошу! – И он показал рукой в зал.

С тех пор я ходил каждый день в кино. Каждый день я видел папу. Папу видел не только я. Все мальчишки с нашей улицы и, конечно, братья Измайловы ходили со мной смотреть папу.

– Зови еще, – говорил контролер, – всех зови, пускай смотрят!

Замечательный контролер!

21. Про отцов и про нас

Я уже в третьем классе. У нас теперь новый учитель. Он похож на Ливерпуля. Он тоже лысый, но без бороды.

Мы сидим и глядим на Пал Палыча, а он ходит по классу с речью.

– ...Таким образом, дети, идет война. Отряды наших бойцов бьются на всех фронтах; рабочие, интеллигенция помогают фронту. Что требуется от вас, когда ваши отцы с оружием в руках бьются с врагом, чтобы дать вам возможность вот так сидеть здесь, как вы сейчас сидите, и учиться? Что требуется от вас? От вас требуется взять от меня те знания, которые я накопил за свои долгие годы. Это все, что от вас пока требуется. А что требуется от меня? От меня требуется, разумеется, передать вам эти знания, которые я накопил. Я думаю, вы меня поняли. Я думаю, мы с вами создадим ту рабочую обстановку, которая нам для этого потребуется. Вы должны помнить, что ваши отцы, ваши старшие братья сдерживают несметные орды захватчиков, которые рвутся сюда, в наш город. Ваш фронт – здесь, в тылу, вот эти парты – ваши позиции. Только своей учебой, а не кривляньем и ленью вы добьетесь уважения. Этим вы помогаете фронту, своим отцам и старшим братьям. Вы должны чувствовать ответственность.

Ваш враг не только Гитлер, не только фашиствующее отребье, посягнувшее на нас, ваш враг – лень, кривлянье, безответственность, беспринципность, безволие, безалаберность, бездумье и так далее. Вы должны помнить это.

Пал Палыч подошел к окну.

– Что я вижу там? – спросил он.

Мы стали смотреть в окно, но ничего такого не увидели.

– Я вижу нашу землю. Ваши отцы бьются насмерть за эту землю. Отцы ваши не заслуживают этих, с позволения сказать, подарочков в виде, как вы сами понимаете, двоек и единиц, и я могу надеяться, могу думать, что это будет у нас редчайшим явлением в нашей практике. Могу я надеяться? – спросил он.

– Можете! – заорали мы вразброд.

– Очень хорошо, – сказал он, – приступим к уроку.

Я как раз заканчивал рисунок: отцы наши мчатся на конях, с шашками наголо, а Гитлер от них удирает. Я видел, как рисуют Гитлера в газетах, и, по-моему, здорово похоже получилось...

22. Двойка

Двойку все-таки я получил. Хотя я всю старался. Почти все у Мишки списал.

Двойки я получал и раньше. Но то было раньше, а то теперь. От папы давно нет писем. С того дня, как он уехал. Я все боялся: придет письмо, папа спросит в письме, как там Петя, как учится, что я отвечаю?

Нужно было исправить двойку. Ждать я больше не мог.

Я решил объяснить все Пал Палычу.

– М-да... – сказал он. – Семь ошибок в одном изложении. Но выход есть. Вот возьми книжку. Вот этот рассказ. Ты прочтешь его дома. Разок или два. Но не больше. Закроешь книжку и будешь писать. Только чур – не заглядывать. Понял?

– А кто будет смотреть, заглядываю я или не заглядываю? – сказал я.

– Никто не будет смотреть. Не такой ты уж маленький. Взрослый парень. Что за тобой смотреть!

– Как же так? – удивился я. – Я ведь буду смотреть.

– Не думаю, – сказал он.

– Почему же?

– Потому что на честность. Такой уговор. Как же можно смотреть! Тогда будет нечестно.

– Вот это да! – удивился я.

– Я тебе верю, – сказал Пал Палыч. – Я доверяю тебе – вот и все!

– Так-то так, – сказал я, – но кто будет знать?

– Можно считать, – сказал Пал Палыч, – разговор у нас закончен.

– Конечно, конечно, – сказал я, – конечно...

Я, наверно, был очень растерян. Такого я не видел, прямо-таки удивительно!

Я прочел рассказ только два раза. Больше я не открыл книжку. Хотя мне очень хотелось. Я писал с трудом. Хотелось мне заглянуть в рассказ! Даже в классе писать было легче. Там можно было спросить у Пал Палыча. Можно было списать у соседа. А здесь было все на честность.

Я все написал, как запомнил. Пал Палыч прочел и сказал:

– Человек ты, я вижу, честный. Так и пиши отцу.

– А как же двойка?

– Это не самое главное. Можешь считать, исправил.

– А откуда вы знаете, – спросил я, – честный я или не честный?

– Сразу видно, – сказал Пал Палыч, – по изложению видно.

23. Два письма

Смотрю я на наш почтовый ящик и вижу: там что-то белеет. Что-то есть в нашем ящике, что-то лежит там...

– Мама! Мама! – кричу. – Что-то в ящике есть!

Я ведь могу посмотреть, что там есть, а сам на месте стою и кричу:

– Мама! Там что-то есть!

И вот мама подходит к ящику, вынимает оттуда одно письмо и второе письмо – целых два письма! Она прижимает к груди письма и говорит: «Боже мой... боже мой...» – идет быстро в комнату. Я говорю: «Это все от папы?» А мама говорит: «От папы, да... одно письмо от папы, боже мой...» У мамы вовсю дрожат руки, она с трудом рвет конверт и читает. «Ты читай вслух, читай вслух», – прошу я. И мама читает вслух, мамин голос совсем не похож на мамин, глухой и тихий, будто издали слышу я мамин голос:

...Чертовщина у нас тут получилась, очень скоро мы попали в окружение, ушли в лес и болтались там по лесам и болотам довольно долго, а потом прорвались и соединились с нашими войсками. Сейчас я жив и здоров. Здесь меня орденом наградили – Красного Знамени. Теперь вы понимаете, почему от меня не было писем – по этой простой причине...

Дальше папа спрашивал, как мы живем, как наше здоровье, он о нас очень соскучился, хотел бы увидеть нас, но война – ничего не поделаешь!

Потом мама читает второе письмо. Это письмо от знакомой старушки. Она пишет без запятых и без точек, она не училась в школе, и маме трудно читать.

Здравствуйте дорогие моему сердцу Валентина Николаевна и ребятки уведомляю вас что жива и здорова того и вам желаю дорогие мои с того дня как вы у нас гостили тем летом новости дюже вредные то есть немцы нас захватили и все у нас отбирать стали а дядю Гришу немцы повесили и вот все у нас немцы поотбирали а один дюже злоущий у нас в нашей хате поселился и револьвером мне все грозит что я вроде припрятала кур и яйца а я ничего спрятать-то не успела так вот мои милые спешу вам сообщить какое у нас тут горе самое настоящее на наши головушки свалилось а в следующих строках своего обстоятельного письма сообщаю новость а ту именно что Володя отец вам и муж твой Валентина Николаевна как снег на голову вдруг объявился а с ним наши солдатики дюже все похудавшие и не скрываю я от вас от родных и Володя был похудавший и уставший а погода была у нас скверная ветры сильные и дожди со снегом пополам а Володя-то с солдатами моего жилища лютого враз застрелили и такая пальба пошла страшнейшая и немцев всех они тут перебили всех окаянных уничтожили а Володя-то ваи и говорит ну Марья Петровна живи спокойно а я говорю как же вы-то здесь очутились касатики когда наши-то все далеко отсюда а он говорит такие бабуся обстоятельства сложились не горюй бабуся вернутся все обязательно никуда бабуся не денутся а после они ушли в лес обещали вернуться ты не горюй говорят бабуся а как же тут не горевать дорогая моему сердцу Валентина Николаевна когда горе-то вон какое на нас свалилось и дай-то им бог к своим дойти так вот и пишу я вам а вы на меня не сердчайте может не так пишу а ежели Володя тут еще объявится то я вам еще напишу а других новостей пока нету только Васютки племянник Николай капсюль все ковырял и ему палец-то и оторвало а так наши пока что все живы и тебе Валентина Николаевна и детишкам твоим приветы шлюют остаюся жива и здорова бабушка Мария Петровна и плохо написано не гневайтесь разбирайте уж как-нибудь.

Мама читала и читала письмо по нескольку раз и плакала, а я сел писать ответ папе.
«Дорогой папа! – писал я. – С отметками у меня хорошо. Меня даже хвалили за честность, и вот как это произошло...»

И я написал все, как было с отметкой и с изложением.

24. До свидания, дядя Али

Рамис, Рафис, Расим, Раис сидели на верхней ступеньке, а я стоял рядом.

– Мой папа, – говорил я, – убил самого главного фашиста одним выстрелом вот с такого расстояния, как отсюда, вот от этих перил, до той трубы, вон на той красной крыше...

– Он убил Гитлера? – спросил Рафис.

– Гитлер сидит во дворце, – сказал я, – как там его убьешь?

– Значит, не самого главного, – сказал Расим.

– Как же не самого, – говорю, – когда самого, только не Гитлера, вот и все...

– А дальше что было? – спросил Расим.

– Потом папа берет автомат и ка-ак пошел чесать – тра-та-та! – вкруговую...

– И в него не попали? – спросил Расим.

– Как бы не так! – говорю.

– Как же так, – сказал Расим, – раз он не нагибался! На фронте все нагибаются. Я в кино видел.

– Слушай дальше, – сказал я. – Сначала он не нагибался. Он так специально делал. Чтоб всех фашистов запутать, они и запутались. Все нагибаются, а он нет. Тут можно любого запутать...

Братья Измайловы раскрыли рты, а я был очень доволен, как будто я, а не папа палю в фашистов прямо на этой лестнице. Мне стало жарко.

– ...так вот он не нагибался сначала, а после стал нагибаться, он видит, в него кто-то целится, прямо из пулемета – он сразу – раз! – и нагнулся. И пули мимо. Потом видит: в него из винтовки целятся, он снова – раз! – и нагнулся. Он-то знает, когда нагибаться! А когда не нагибаться. Потом он давай вовсю из автомата – как из поливальной машины – жжжжых! А немцы-то, немцы один за другим так и валятся, так и валятся, целые горы... потом в папу гранату кинули – он ка-ак отпрыгнет в сторону... – Я хотел показать, как отпрыгнул мой папа в сторону, но забыл, что стою на ступеньке, и полетел вниз по лестнице...

А дядя Али поднимался.

– Что ты, Петя, – сказал он, – куда летишь?

Он схватил меня за рубашку. Поставил на ноги и сказал:

– Поздравь, Петя, еду и я на войну, на подмогу Володе...

Я растерялся и говорю:

– До свидания, дядя Али...

25. На крыше

Когда дядя Али уезжал, он сказал маме: «Встречу Володю, привет передам. Еще что передать?» Мама стала столько передавать, дядя Али сказал: «Хватит, зачем столько передавать?» А мама сказала: «Нет, передай, пожалуйста, все передай». Тогда дядя Али сказал: «А как же, обязательно передам».

Я просил передать папе, что, когда вырасту, тоже приеду на фронт, на подмогу, а дядя Али сказал: «Ну, дорогой, тогда война кончится». Я говорю: «А может, не кончится?» Он говорит: «Дорогой, зачем я тогда еду?» – «Ну и что же, – говорю, – что вы туда едете, вы же один ничего не значите». – «Как ничего не значу? Один не значу, а вместе с Володей значу».

Мы проводили дядю Али. Все на фронт уезжают, один за другим. Только я остаюсь, да старик Ливерпуль, да еще мама, Боба, Фатьма Ханум...

Все на фронт уезжают. Старик Ливерпуль говорит:

– Я теперь не пью. Не могу пить, и все. Я пью, когда у меня прекрасное настроение. А сейчас у меня может быть прекрасное настроение? Как бы не так! Нету у меня такого настроения!

– Хорошо, – говорю, – что вы не пьете. Моя мама очень довольна.

– А-а-а... – говорит Ливерпуль, – при чем тут твоя мама... что ты тут понимаешь...

Старик Ливерпуль идет на крышу. Он там сегодня дежурит. Теперь дежурят на крышах. На крыше ящики с песком, и бочки с водой, и лопаты, и большущие клещи – хватать этими клещами зажигательные бомбы и топить в бочке с водой. Правда, бомбы пока не падали, но упадут же когда-нибудь! Для чего же тогда клещи? Вчера Лия Петровна сказала: «Я не могу дежурить, у меня появляется слабость...»

Ливерпуль говорит: «Давайте я буду за вас дежурить». Позавчера тетя Майя сказала: «У меня голова кружится...» Ливерпуль говорит: «Давайте я буду за вас дежурить».

Я бы тоже за всех дежурил. Но мне не разрешают. Детям нельзя на крышу. Мы с Бобой должны сидеть дома, а если тревога – скорей одеваться, бежать в подвал, то есть в бомбоубежище. Кто захочет сидеть в подвале, когда есть в нашем доме крыша?

Мама моя у Фатьмы Ханум. Они сейчас беседуют. А я бегу на крышу. На крыше старик Ливерпуль. Он будет гнать меня, я знаю, но я не очень-то слушаюсь.

Вон он стоит, освещенный луной. Звезд на небе полно. И прожекторов полно. Небо словно живое – колышется. Где-то гудит самолет. Бьют зенитки. Старик Ливерпуль смотрит вверх на небо. Он надевает очки. Опять смотрит на небо. Блестит при луне его лысина. Бородка крючком еще больше загнулась. Я крадусь сзади к нему. Но он слышит мои шаги. Обернувшись, старик Ливерпуль говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.